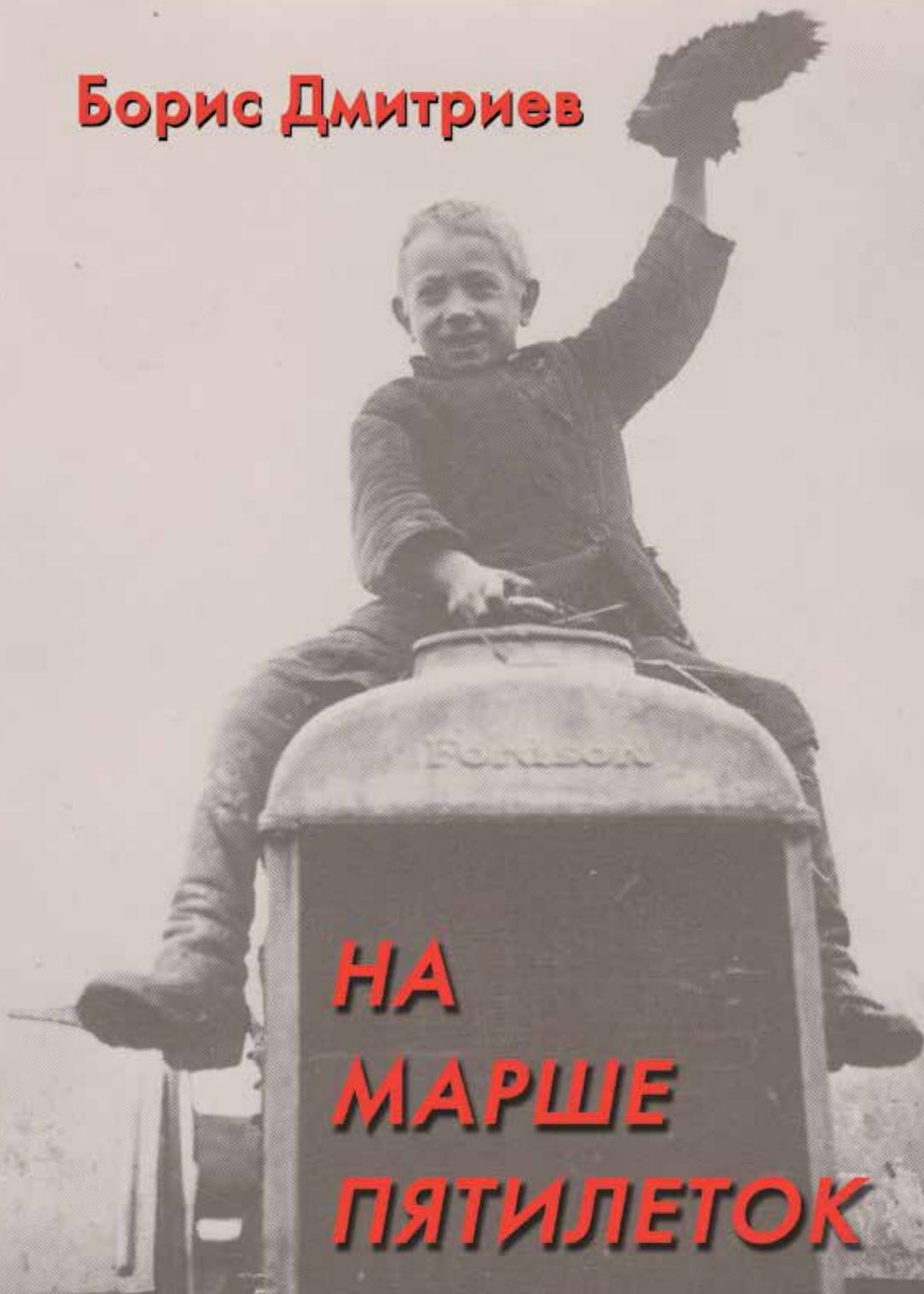

Борис Дмитриев

**НА
МАРШЕ
ПЯТИЛЕТОК**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д53

Дмитриев Борис
Д53 НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТОК: Литературный триптих. Киев: Издательско-полиграфический центр «Киевский Университет», 2007. - Ч. I. - 212 с.

ISBN 966-594-918-7

“На марше пятилеток” – первая книга трилогии, задуманной автором как воспоминания о временах, неразрывно связанных в сознании людей с недолеким прошлым, с социалистическими методами реализации общественных процессов.

Жизнь автора была насыщена неординарными, порой мистическими событиями, встречами с интересными, яркими людьми, а повествование о них сопровождается неожиданными комментариями и глубокими размышлениями.

Фото на обложке: Б.В. Игнатович «Первый трактор», 1927 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Художне видання
Борис Дмитрієв
НА МАРШІ П'ЯТИРІЧОК
Літературний триптих

Друкується за авторською редакцією
Підписано до друку 21.05 2007. Формат 60x84 ^{1/16}

Гарнітура Times. Папір Офсетний. Наклад 1000. Ум. друк. арк. 12,3. Зам. № 27-3956

Надруковано у Видавничо-поліграфічному центрі «Київський університет»
01601, Київ, б-р Т. Шевченка, 14, тел: 234 31 28
Свідотство внесено до державного реєстру ДК № 1103 від 31.10.02.

ISBN 966-594-918-7

©Борис Дмитриев, 2007

Борис Дмитриев

НА МАРШЕ ПЯТИЛЕТОК

Киев – 2007 год.

1952 ГОД

Хорошо, когда в ночные улицы ворвется одуревший ветер. Лёгкий, стремительный, единым потоком несется вдоль мостовой. Молоденькие деревца, скорчившись под упрямым напором, из последней мочи соперничают с ним. Стройные тополя, уверенные в своей силе, лениво перебирают мускулами, сетуя на докучливую стихию. И даже старый клен, разбуженный от горьких дум внезапной свежестью, по-молодецки пересыплет кроной. На дворе ни души, но сколько жизни бушует в необузданных страстях меж стихиями и бог весть как хочется ринуться в этот кавардак!

Я стою у окна. С пятого этажа моего добротного, сталинского покроя помпезного дома видно все. Внизу, на ветру, вижу площадь – большую, роскошную, забранную в красный гранит, и может поэтому, а может еще почему названную «Красной». В строгом смысле это и не площадь вовсе, скорее парковый ансамбль, разбитый у подножия великолепного архитектурного сооружения, именуемого «Домом техники».

В былые времена с восторгом, а ныне все чаще в раздумье взираю я на это удивительное творение рук человеческих, на это художественное откровение, запечатленное в камне. Прекрасное штучное здание с колоннадами и портиками утвердилось на мощном, из красного блочного гранита цоколе, очень высоком, с колотой фактурой на лицевой стороне. По существу, это настоящий дворец, как по внешнему, так и по внутреннему убранству. При всей своей насыщенности архитектурными изысками самого решительного градостроительного сталинского стиля: скульптурными группами, символической лепниной, беседками и шпилями, – всему зданию зодчие сумели придать необычайную эстетическую легкость и элегантность. Доминируя, оно как бы парит над парковой площадью, очерченное стройностью своих монументальных силуэтов.

Дом техники, подлинный символ индустриального Донбасса, построили военнопленные немцы и начертали на его могучих стенах

крылатое напоминание Владимира Ильича о том, что «Уголь – это настоящий хлеб промышленности». Немцы трудились добросовестно, строили на века, невзирая на голод, неволю и тоску по поруганной родине.

Однако что означает «на века» в нашем разлюбленном отечестве? Когда-то во главе Красной площади, что в городе Луганске, красовалась старинная каменная церковь с престолом от святителя Николая Мирликийского. Недолго, конечно, красовалась, ибо что там ни говори, но красота – штука весьма и весьма неустойчивая. Вот стоял себе храм Божий. При храме за долгие годы образовалось просторное, густо поросшее зеленью кладбище. Там, под сенью южных акаций и кустов персидской сирени, тихо покоились мощи бывших священнослужителей и прочих почтенных горожан, удостоенных заслуженной чести быть погребенными на церковном погосте, с надеждой на долгую молитвенную память.

Старые замшелые надгробные плиты своим печальным безмолвием едва ли кому доставляли хлопот. Но вот церковь, как живое напоминание о вечности, о суде Божием, постоянно нервировала советскую власть, бесила упрямством храмовых куполов, не желавших склониться перед величием большевистских идей. До чего же портили, как смущали революционный пейзаж нелепо торчащие сквозь громадь пяtilеток кресты колоколен. Тащить за собой в коммунизм эту фабрику «опиума для народа», этот духовный бедлам было верхом легкомыслия. Зачем дурачить прогрессивные массы сомнительными упованиями на Царствие Небесное, когда и здесь, на земле, вот-вот грядет рукотворная райская жизнь? Поэтому самая гуманная и сердобольная в мире власть, со всей пролетарской прямоотой, методически применяла антирелигиозные санкции. Имея целью полностью искоренить у советских людей дремучее подозрение о своем божественном предназначении. Пуще того, на корню истребить саму надежду на возможность бессмертия человеческой души.

Никольскую церковь взорвали до войны, в развеселые тридцатые. Вот уж славные, решительные были времена! Столько извели собственного народа, столько сожгли, разрушили и осквернили

творений рук человеческих, что храмом больше, храмом меньше – это уже не имело никакого принципиального значения. Большевицкая идеология беспардонно исказила общественное сознание, изуродовала критерии здоровой морали. Люди утратили способность трезво осмысливать происходящее, разучились соизмерять цену приобретений и переживать горечь потерь.

Храм на поверку оказался хлипким, рухнул в одночасье, как поверженный всадник. После взрыва враз покрылся трещинами, завис на мгновение между небом и землей, как бы в растерянности, и пал на потеху сынам дьявола. Вздрогнула матушка-земля, глубже просели могилы наших соотечественников – то был плохой, очень недобрый знак.

В дни прошедшей войны, по освобождении Луганска, на заброшенном церковном погосте расчистили небольшую площадку и совершили братское захоронение советских воинов, сложивших головы в боях за город. Благодарные жители проводили героев в последний путь со всей подобающей, скорбной торжественностью. Над погребением возвели убранную боевыми орденами бетонную стелу. Устремленная ввысь, героическая стела монолитно крепилась на широком плоском портале со ступенчатой окантовкой, что придавало памятнику классическую стройность и монументальность. Был в его силуэте, прочно стоявшем на вольной луганской земле, запечатленный порыв в поднебесье.

Так случилось, что братская могила не вписывалась в смелые проектные задумки прогрессивно настроенных, с позволения сказать, советских зодчих. Просто никак не совмещалась с предполагаемым оптимизмом грядущего паркового ансамбля, выпячивалась, как прыщ на седалищном месте. У нас ведь всегда так: стоит затеять что-либо выдающееся, сразу же будто из-под земли вырастают препятствия, наваливаются непредвиденные сложности, только и выручает мужество партийных решений.

Высокие обкомовские придурки, верные своей революционной закваске, не моргнув глазом круто поставили вопрос об исполнении

санкций. В самом деле, какие могут быть недомолвки в преддверии небывалого в стране благоденствия. Мог ли какой-нибудь другой народ, окромя нашего, сформулировать сакраментальное «раз пошла такая пьянка, режь последний огурец»? Памятник уничтожили ночью, тайком, стерли с лица земли совершенно неожиданным образом. Никому в голову не могло прийти, что в начале пятидесятых, фактически по свежей памяти, посмеют пройтись большевистским накатом. Кто же мог так быстро догадаться, что конечная, благородная цель не нуждается в беспокойном подборе и оправдании средств?

Жизнь человеческая – субстанция неожиданная, подчас жестокая, тут уж ничего не поделаешь. Один из первых уроков жестокости был преподан мне, несомненно, в те далекие дни. Дело в том, что наши ребячьи забавы в большинстве своем проходили на одичавшем церковном погосте. Там мы устраивали «войнушки», водили «казак-разбойников». Мальчишки постарше рубали свинчаткой монету. А те, кто совсем постарше, и не только мальчишки, находили укрытие для детских забав. Но никогда, даже в запале самых азартных игр, шалости живых не посягали на покой павших воинов. Об этом специально никто не договаривался, но территория памятника была для всех неприкасаемой. Разве только очень маленькие детки да еще голуби любили ранней весной потопать на теплом бетонном помосте, радостно давая знать усопшим, что все в порядке – жизнь в городе продолжается.

Помню, отлично помню странное волнение, когда с соседским дружком Володей Милявским отправился на разведку к предполагаемым руинам. Детская фантазия, возбужденная зловещими слухами о гибели памятника, тщетно силилась извлечь из собственного мизерного опыта возможную картину разгрома. Однако надо знать виртуозность исполнителей! Вандалы сработали молниеносно, словно под взмахом крыла бесноватого иллюзиониста. К нашему приходу на месте братской могилы не было ничего, не было и в помине никаких живописных развалин. А было ровное, стыдливо присыпанное песком, пустое место. И вот это, парализующее воображение «ничего», на месте, как представлялось, таинственном и героическом, сразило

наповал наши неокрепшие души.

Тогда, после страшной войны, мы исключительно остро ощущали цену Победы. В полях еще ржавело не поднятое оружие, в городе стояли обожженные каркасы разбомбленных кирпичных домов. Еще не отгоревали вдовы и матери, еще не переставали надеяться и ждать, не принимая, не соглашаясь со списком потерь. Еще близким эхом слышится, как на этом именно месте наши отцы клянутся боевой верностью и обещают погибшим вечную память. Весь ужас детского потрясения происходил от того, что проступивший обман не находил объяснения в нашем непорочном сознании. Акцию провели настолько нагло и бесцеремонно, что мозги отказывались верить в случившееся. Впрочем, удовлетворительного объяснения этому безумству нет в моей голове и поныне, если такое объяснение в принципе возможно, без привлечения специальных, очень патологических диагнозов.

Каждому понятно, что время лукаво. Скоротечен, неуправляем образ мира сего. По прошествии жизни почти любого человека остается пустое место. Но какая-то разумная память, пусть не на века, пусть в пределах благодарности одного поколения, должна же быть. Иначе любые разговоры о нравственности и гуманизме превращаются в обыкновенный, ничего не значащий фарс.

Особенно если учесть, что каждая человеческая судьба, любая доля есть испытание жесточайшее, достойное всяческого уважения и сострадания. Можно только надеяться, что Господь с поклоном самолично принимает в объятия преставившиеся души, чередой отходящие в мир иной. У Бога с людьми свои, конечно, счеты, мне же всегда хотелось попросить прощения у тех безымянных солдат, отдавших собственную жизнь за мой неблагодарный город. Что и делаю, серьезно, с глубочайшим почтением и раскаянием.

На месте братской могилы, что имела неосторожность возникнуть на Красной площади в городе Луганске, как ни в чем не бывало поставили роскошный гранитный фонтан. Живоструйный такой, брызгообильный, щедро источающий спасительную прохладу

знойными южными вечерами. В строительстве фонтана принимал участие и мой родной дядя. На своем неуклюжем автокране он устанавливал верхнюю чугунную чашу и центральное массивное жерло фонтана.

Дядя Павел – фронтовик, орденосец, кавалер солдатской «Славы», в самом высоком, героическом смысле. Собственное боевое крещение он принял под Прохоровкой, в броневой машине, там же отдал для почина первое ранение. Последнее ранение настигло его в Чехословакии, с чем и закончил Отечественную войну.

Для тех, кто очень интересуется военной проблематикой, могу засвидетельствовать, что самым ярким фронтовым воспоминанием моего дяди были рассказы о том, как после взятия Праги он со своим экипажем двое суток очищал гусеничные траки от человеческих кишок. Вот это и есть единственно честный, подлинный итог любой войны, в том числе и последней Мировой. Но вовсе не какие-то бредовые свершения наших великих гоп-маршалов, умудрившихся притащить фашистские орды едва ли не под стены Кремля.

Справедливости ради следует заметить, что дядя Павел не испытывал отвращения к войне. Вспоминая ратные дела, глаза его наполнялись весьма азартным блеском, как будто речь шла не об убийстве людей, а о потешных баталиях. Наблюдение жестокое, но оно относится не только к моему дяде, и в этом правда. Я знал многих, отведавших ужас сражений фронтовиков, которые навсегда сохранили в себе память о прошедшей войне как самое дорогое и вожделенное напоминание, с тайным желанием заново прожить, вторично прокрутить это жуткое кино. В целом же, потрясения от тех страшных событий оказались настолько глубокими и непреодолимыми, что никто из всамделишных фронтовиков, до конца своих дней, не научился видеть мир иначе как через призму военных воспоминаний.

Еще один родной мой дядя, Виктор, погиб за освобождение Прибалтики, под Ригой. Не берусь судить, что думают сегодня о моем близком родственнике потомки латышских стрелков, но мне грустно

от мысли, что его кости покоятся в далекой, не русской земле. Что может быть горше смерти на чужбине? Вот такая невеселая судьба. В Риге давно уже живет моя старшая сестрица Любаша. Она разыскала братскую могилу, принявшую останки нашего дяди, и добросовестно посещает ее.

Третий родной мой дядя, Саша, был летчиком, понятно, что и коммунистом. Читающий да понимает. Дядя Саша сделался во время войны инструктором. Где-то под Ташкентом готовил по ускоренной программе молодых пилотов – большей частью, в качестве живых мишеней для геринговских молодчиков. Это только шалунишка Суворов с чего-то вдруг возомнил, что воевать следует не числом, а умением. Красная армия потому и горделиво величалась «красной», что основным, непобедимым ее оружием являлась алая людская кровушка.

Трое дядьев – это все родные братья. Четвертым и самым старшим из которых был мой отец – Дмитриев Михаил Алексеевич. Папа не воевал, но он не был трусом. В предвоенном сороковом мою бабушку Ульяну, как ловко констатировали недремлющие стражи мировой революции, жену заклятого врага народа, приговорили Уральским областным судом к восьми годам лишения свободы. Мать четверых детей отправили для профилактики в пермские лагеря, так сказать, проветриться по морозцу. Папа не раздумывая подался вслед за бабушкой, чтобы быть рядом и оказывать матери посильную помощь.

Он устроился работать литейщиком на Березниковском магниевом заводе. Получал по вредной сетке неплохую зарплату, и фактически благодаря сыновьей верности бабушка осталась в живых. Завод выпускал стратегический материал для самолетостроения; и как только началась война, на папу наложили бронь. Это обстоятельство перекрыло ему дорогу на поля сражений, вопреки бесконечным хождениям в военный комиссариат.

Вот отрекомендовал родного деда заклятым врагом народа и в который раз задумался. Дед был потомственный, нет, не граф и

не барон, он был потомственный кузнец. Мой прапрадедушка Игнат много лет трудился кузнецом в имении Аксаковых, в Бугуруслане. Если кто помнит книгу «Детские годы Багрова-внука», то это и про него, вернее, про ту далекую ушедшую жизнь, в которой мой пращур принимал участие.

Игнат слыл знатным кузнецом, известным по всей округе. Нрав имел крутой, силой отличался невероятной, играючи, голыми руками укрощал самого бедового жеребца. В середине девятнадцатого века он был приглашен уральскими казаками на вольные хлеба. Хороший кузнец в казачьем быту – персона первостепенная. Подковать коня, отладить крестьянскую утварь, привести в порядок оружие – все умел дед мой Игнат. По труду, как водилось, и честь. Дедушка получил солидный земляной надел и пользовался всеми привилегиями казачьего сословия. Ему дозволялось беспрепятственно промышлять на Урале красную рыбу, охотиться на дикого зверя, запастись из леса ягодой, грибами, дровишками.

Сын Игната – а мой прадед Илья – сызмальства был приставлен к кузнечному ремеслу. Мастером он сделался необыкновенным, лучшим по всему батюшке-Уралу. Большой удачей считалось для яицкого казака заполучить шашку, сработанную в кузнице моих предков. Сына своего я назвал именем этого славного человека, вот только с ремеслом кузнечным случилась незадача. Илья прожил девяносто лет. До семидесяти пяти стоял у наковальни, без очков и без единого выпавшего зуба. Уйдя за штат по причине больных ног, Илья каждое утро загодя являлся в кузню и самостоятельно разводил горно – такова была непреодолимая тяга к ремеслу. Молодые мастера безупречно почитали хранителя вековых кузнечных секретов. В знак особого расположения, дедушке ежедневно подносили к обеду стакан житной водки. Вот так в валенках, махнув очередной стакан, старик вышел на порог кузни, вздохнул полной грудью и представил Богу душу. Чего еще желать христианину?

Сын Ильи Игнатьевича – он же мой родной дедушка Алексей – разумеется, тоже встал к наковальне и сделался кузнечным мастером высочайшего класса. По достижении срока зрелости молодого парня

женили на дочери бондаря, девушке по имени Ульяна, из Саратовской губернии. Кузнецы и бондари традиционно водили между собой крепкую дружбу, потому что настоящая дубовая бочка стягивалась набором ловко выкованных обручей.

Сплоченная трудом и церковью, супружеская чета сложилась на зависть крепко и жизнотворно, как союз бондарей с кузнецами. Отменное усердие, любовь к жизни, к родной земле позволили молодой семье за короткий срок обустроить надежный крестьянский достаток. К тому же Господь благоволил Ульяне разрешиться рождением четырех как на подбор молодцеватых парней. Рожала в поле, прямо по ходу страдных работ, без повитух и врачебных радений. И вот спрашиваю: если потомственный кузнец и дочь бондаря, одарившие отечество четырьмя сыновьями, объявляются врагами народа, то кто же тогда есть мой народ и кто его любимые, самые верные друзья? Вопрос этот, как мне представляется, до сей поры не утратил своей актуальности.

Первый раз Алексея и Ульяну брали в начале тридцатых, по доносу. Взяли на зорьке, внезапно, с револьверами наголо. Ворвались в хрустящих кожаных, изнемогали от пролетарского гнева и очень торопились. Имущество экспроприировали незамедлительно, буквально за считанные минуты опустошили зажиточный крестьянский дом. А четверых несмышленных пацанят увезли в областной центр и, вместе с другими отпрысками таких же врагов народа, заперли в Уральском кафедральном соборе. Ночью моему отцу удалось сделать под церковными дверями подкоп, и он вытащил через лаз своих из заточения. О судьбе остальных детей никто ничего не знает. Разумеется, кроме тех, кому по революционному долгу знать и исполнять очень положено.

Деда отправили строить из костей, бетона и проклятий знаменитый канал имени «Москвы». Бабушку держали в уральской тюрьме, видимо ломали голову над формулировкой пристойного обвинения, а может, гораздо проще – держали из удовольствия. Мой четырнадцатилетний папа с меньшими тремя братишками несколько месяцев прятался в балке, под Уральском. Жили тайком, в норе, как волчата,

без тепла и одежды. По ночам отец промышлял, делал набеги на посадские огороды, добывал пропитание. Несколько раз приходил ночным гостем к ближайшим родственникам, но двери ему не отворяли. Страх, животный ужас держал страну за горло. Тут уж не до жалости, не до состраданий. Через полгода бабушку неожиданно выпустили, выручила болезнь – брюшной тиф, и она отыскала своих беспризорных мальчишек.

А потом завертелись все круги энкаведешного ада. Голод, бесприютные скитания, – дом ведь никто не вернул, – и отчаянная надежда на встречу с отцом. Наивные были люди. Деда, как того требовала священная пролетарская воля, всенепременно расстреляли. В самом деле, где ж это видано, чтобы с кузнечным рылом и прямым в коммунизм? Чуть погода, как нетрудно догадаться, за бабушку принялись снова и таки пристроили валить тайгу на целых восемь лет, дабы никто не сомневался, что большевики взяли власть всерьез и надолго. Вот в таком интересном положении батяня мой, светлой памяти Михаил Алексеевич, девятнадцатого года рождения, встретил Великую Отечественную.

По молодости лет, по простоте душевной, я долго не мог подобрать разумного объяснения: для чего понадобилось советской власти убивать моего дедушку, деревенского кузнеца? Не просто безвредного для страны мужика, но представителя общественного слоя, который являлся стеновым хребтом Российской империи. Иначе как безумием подобное отношение к собственному народу не назовешь, к тому же оно с неизбежностью вело к катастрофе бесноватого режима. Теперь-то я хорошо понимаю, что фундаментальная, корневая суть любой революции покоится на бесконечно разнообразных формах и методах унижения, оскорбления и уничтожения людей.

Всякой революции предшествует оригинальное разделение общества на людей хороших и не очень. Далее, в соответствии со здравым рассуждением, выстраивается замечательных логический ряд: если избавиться от плохих людей, то останутся только хорошие, самые любезные экземпляры и общественная жизнь чудесным образом приобретет благодное и приветливое оформление. По какому

признаку разделять людей на плохих и хороших – не имеет принципиальной разницы. Можно делить по цветам, на голубых и апельсиновых, можно делить на тех, кто при серпе и молоте, против тех, кто при шпаге и фермуарах. Поддержка массовки и народный энтузиазм всегда обеспечены, поскольку обретает положительное разрешение сакраментальный вопрос: «Кто виноват?». Результат же, тем не менее, оказывается одинаково разрушительным и подлым.

Самым большим заблуждением всевозможных революционеров во все времена была и остается их наивная уверенность, будто они в состоянии чем-то управлять, придавать общественным процессам разумное целеполагание. Когда большевики запускали в действие механизм по наведению порядка на предмет плохих и хороших людей, они свято верили в полную подконтрольность этого благородного начинания. Разумеется, на первых парах, моего родного деда, деревенского кузнеца, верные ленинцы причисляли к категории хороших, самых лучших людей в стране Советов. От князей и графинюшек следовало избавляться срочным порядком – это же ясно как небесная синь. И за дело принялись рьяно, исключительно добросовестно.

Процесс начал набирать обороты, люди освоились с нужными профессиями, вошли во вкус, ощутили важность, значимость подобной экстравагантной работы, но как на грех князей и графинюшек критическим образом стало недоставать. Однако процесс есть процесс, он своенравен, его за здорово живешь не заглушить. Поэтому в дело пошел с неизбежностью разночинный люд. За графьями потянулось купечество, потом вшивая интеллигенция, пока, наконец, не заработал во всю мощь, во весь охват принцип домино. Он захлестнул страну Советов, докатился до ребят при серпе и молоте, которые, собственно говоря, и затеяли всю эту кутерьму.

На поверку оказалось, что, когда азартный революционный маховик набирает полный ход, первичное разделение людей на плохих и хороших приобретает абсолютно непредсказуемую конфигурацию. Закономерным остается лишь то, что революция обязательно возвращается к своим истокам и спрашивает с застрельщиков по полной

программе. Не случайно последний автограф многих выдающихся революционеров запечатлен кровавым росчерком на глянцевых ножах отвесной гильотины.

Я, как говорится, свечку не держал, но нутром чую, что больше всего мечталось заполучить от большевиков дармовой землицы тем работающим крестьянам, которых впоследствии объявили кулаками, то есть наиболее крепким, способным к самостоятельному труду хлеборобам. К таковым относился и мой родной дед Алексей. Косой трепаться не станет, землю от Ильича стриженные в скобку несмышлениши, безусловно, получили. Но, как требуют законы революционного жанра, исключительно для того, чтобы своим неистовым трудолюбием возродить экономику страны, укрепить Советскую власть, а затем торжественно отчитаться перед товарищем маузером. А кабы мой наивный дедуся не разевал варезку на чужое добро, но пребывал в твердом стоянии, что только честный труд на собственной земле способен обеспечить счастье и благополучие добропорядочному человеку, то жил бы себе припеваючи до скончания Богом отпущенных дней.

Будущие мои родители впервые увидели друг друга в Березниках, в барачной умывальной комнате. Папа был необычайно музыкален и элегантен. Он имел прекрасный голос, великолепно танцевал и всю жизнь бредил театром. Некоторое время даже служил Мельпомене. В Актюбинске, скрываясь от «доброжелателей», работал в областном драматическом театре монтером-осветителем. Пару раз оказывался на сцене, на подхвате, взамен не в меру выпивших артистов. Вспоминал об этом в шутовском тоне, но забыть ведь не мог.

Когда моя мама, субтильная, задорная, с полотенцем наперевес и брусом солдатского мыла в руках, вошла в умывальню барачных апартаментов, папа самозабвенно распевал неаполитанскую песню: «Скажите, девушки, подружке вашей».

«Ну что тут за соловей объявился?» – были первые слова моей матушки. Соловей, не прервав своей сладостной песни, влюбился. Однажды и навсегда, как полагается благородному человеку.

В Березниках мама оказалась в эвакуации. Моя вторая бабушка, Ксения, родом из-под старинного русского города Ельца, гонимая накатом войны, со своей молоденькой дочерью Тamarой (моей будущей мамой) и меньшим сыном Валентином, коротала лихолетье в предгорьях Урала. Дедушки не было. В свое время, окончив Воронежский сельскохозяйственный институт, дедушка Георгий служил крупным специалистом на бескрайних просторах Поволжья. Много ездил, занимался подъемом сельского хозяйства после страшного голода, унесшего миллионы крестьянских жизней. В одной из поездок крепко застудился, заболел воспалением легких и сгорел за считанные дни. Бабушка овдовела, навсегда сохранив верность единственному избраннику. До конца своих дней оставалась жить с моей мамой и сделалась ангелом-хранителем уже нашего семейного очага. Неотлучно держала при себе свадебный образ «Знамение Божией Матери» и пару венчальных свечей, с которыми отправилась на исповедание к прародителям.

Жизнь людей устроена таким образом, что, что бы ни происходило во внешнем мире, какие бы страсти ни полыхали вокруг, всегда остается нечто личное и часто самое важное, позволяющее преодолеть любые трудности и испытания. Война, понятное дело, занятие не из легких, и сталинские экзекуции вовсе не праздник прилета скворцов, но люди, тем не менее, и в этих жесточайших условиях хранили залог будущей жизни. Они влюблялись, назначали свидания, строили планы на грядущее и создавали новые, радующиеся своему голубиному счастью семьи.

В сорок четвертом мои родители справили свадьбу. По военному времени: с ведром вареной картошки на весь промерзший барак. Удобства, питание, одежда – все было на уровне военных лет, поэтому очень скоро оба заболели туберкулезом. Болезнь протекала тяжело, врачи рекомендовали немедленно покинуть Урал. Бабушка Ульяна к тому времени применилась выживать в условиях Гулага. Она стала работать в швейной бригаде по изготовлению лагерной же верхней и нижней одежды. Шить ватные штаны и бушлаты было несравненно комфортней, нежели валить вековую тайгу.

Тогда отец принял волевое решение и уехал с семьей в теплые края, на восстановление Донбасса. Народ там к концу войны подобрался пестрый, прямо по Ною – всякой твари по паре. Что могло быть желанней для уцелевшего отпрыска врага народа, только и ищущего возможности затеряться в трудовых массовках, ухлыстнуть подальше от бдительного ока вождей? К тому же степной сухой климат Донбасса сулил надежду на скорое исцеление.

Есть на луганщине небольшой шахтерский город с веселым названием Красный Луч, вот туда и занесла нелегкая моих молодых родителей. Все в этом мире существует как связь времен и явлений, – наверное, были и какие-то тайные причины оказаться им на самом востоке Украины, где тесно переплелись судьбы украинского и русского народа да еще десятков разношерстных национальных мастей. Здесь, на далеко просматривающейся, открытой многим ветрам земле и назначило провидение увидеть мне свет Божий. Аскетически суровым, скупым и сдержанным был тот кряжистый, со степным покрытием край, хранивший в своих недрах солнечный шахтерский камень.

Мое первое воспоминание о себе запечатлелось и отложилось необычайно рано. Как сейчас вижу осенний приусадебный сад, маму, гуляющую с подружкой по саду, и отчаянный детский крик. Это мама отлучает меня от груди, обмазав ее перцем. Мама, милая моя мама, сыну твоему уготована такая нелегкая стезя, и зачем ты торопишься познакомить меня с болью, с обманом? Конечно, не со зла, конечно, по недомыслию, но такие вот серьезные нравы бытовали у нашего добродушного народа.

Еще помню себя стоящим на околице, маленьким, очень маленьким, года в полтора, не более. И даль, бесконечно нарастающий донецкий ландшафт. В памяти крепко засело неутолимое желание понять, объять эту даль и меня в ней, на земле и в небесах. По пронзительности и эмоциональности, по контрасту пробуждающегося сознания, это самое яркое воспоминание из всего калейдоскопа прожитых дней. Знаю, предвижу наперед, что именно в эту широкую панорамную даль и отлетит в конце пути освобожденное сознание.

Тогда отец принял волевое решение и уехал с семьей в теплые края, на восстановление Донбасса. Народ там к концу войны подобрался пестрый, прямо по Ною – всякой твари по паре. Что могло быть желанней для уцелевшего отпрыска врага народа, только и ищущего возможности затеряться в трудовых массовках, ухлыстнуть подальше от бдительного ока вождей? К тому же степной сухой климат Донбасса сулил надежду на скорое исцеление.

Есть на луганщине небольшой шахтерский город с веселым названием Красный Луч, вот туда и занесла нелегкая моих молодых родителей. Все в этом мире существует как связь времен и явлений, – наверное, были и какие-то тайные причины оказаться им на самом востоке Украины, где тесно переплелись судьбы украинского и русского народа да еще десятков разношерстных национальных мастей. Здесь, на далеком просматривающейся, открытой многим ветрам земле и назначило провидение увидеть мне свет Божий. Аскетически суровым, скупым и сдержанным был тот кряжистый, со степным покрытием край, хранивший в своих недрах солнечный шахтерский камень.

Мое первое воспоминание о себе запечатлелось и отложилось необычайно рано. Как сейчас вижу осенний приусадебный сад, маму, гуляющую с подружкой по саду, и отчаянный детский крик. Это мама отлучает меня от груди, обмазав ее перцем. Мама, милая моя мама, сыну твоему уготована такая нелегкая стезя, и зачем ты торопишься познакомить меня с болью, с обманом? Конечно, не со зла, конечно, по недомыслию, но такие вот серьезные нравы бытовали у нашего добродушного народа.

Еще помню себя стоящим на околице, маленьким, очень маленьким, года в полтора, не более. И даль, бесконечно нарастающий донецкий ландшафт. В памяти крепко засело неутолимое желание понять, объять эту даль и меня в ней, на земле и в небесах. По пронзительности и эмоциональности, по контрасту пробуждающегося сознания, это самое яркое воспоминание из всего калейдоскопа прожитых дней. Знаю, предвижу наперед, что именно в эту широкую панорамную даль и отлетит в конце пути освобожденное сознание.

Когда вернулась из заключения бабушка Ульяна, мне было всего лишь два годика. Она приехала высокая, прямая, в коричневой фуфайке и коричневых же чулках, с большим деревянным чемоданом в руке. Коричневая фуфайка, да будет вам известно, совсем не пустяк, это особый лагерный шик – ведь все ходили в обезличенных серых. Тут же, снимите-ка шляпу, персона!

У всякого, даже малоприметного человека живет острое осознание своей неповторимости, своей персональной исключительности. Ни за что не соглашусь, будто Чайковский слышал, а Сезанн видел мир точно таким же, как я, как все остальные люди. Это, конечно, высочайшие индивидуальности, но ведь и каждый человек воспринимает внешний мир по-своему, наблюдает собственную картинку на волшебном экране вселенского синематографа. Хотя бы потому, что себя-то видит в заглавной роли этого грандиозного сериала, во имя которого вроде бы и вертится все цветное кино.

Блажен, мучительно счастлив человек, которому Господь положил заявить о своей индивидуальности через какой-либо небесный дар, будь то талант художника, мыслителя или поэта. Но если ничего подобного не случилось, не наделило провидение ярким дарованием, изыскиваются более прозаические средства для отстаивания своей исключительности, своей претензии на заглавную роль. Коричневые фуфайки, деньги, власть – это все из одного ряда, от неистребимого желания выделиться из сонма себе подобных, не затеряться в презренных массовках. Но тщетны упования, зыбка надежда. Пара тактов из Лунной сонаты Бетховена навеки решают проблему его узнаваемости. Сонату никому не присвоить, не купить, не отнять, и ничего нельзя изменить, вот где собака зарыта. А потому фуфайку хочется все коричневее, денег все больше и власти без конца и края, до тошноты, до умопомрачения.

В сорок восьмом году все большое семейство Дмитриевых полным составом обосновалось в Красном Луче. Жили тремя дворами, на частных квартирах. Бывший танкист дядя Павел, по-холостяцки, жил вместе с бабушкой Ульяной, то есть со своей матерью. Это и его имели в виду, сочиняя шахтерский шлягер, как «в забой отправился

парень молодой». Из Ташкента, с женой и двумя дочерьми, приехал дядя Саша. Летательные устремления моего дядюшки-икара почему-то родину перестали интересовать, и он срочным порядком переквалифицировался в дорожно-строительные мастера. А мой батя не раз еще помянет «не злым, тихим словом» среднего брата, разбивая собственный автомобиль на бесконечных ухабах по-советски исполненного асфальтного бездорожья Ворошиловград – Красный Луч.

Наша семья разрослась до шести человек. Папа, мама, бабушка Ксения, старшая сестра Любовь, младшая сестрица Людмила и я. В стране лютовала послевоенная разруха, голодно и холодно жили победители. Бабушка Ульяна зорко осмотрелась кругом, оценила обстановку и велела каждой невестке купить по зингеровской швейной машине, с тем чтобы обучить их шить на продажу всевозможные трусы, бюстгалтеры, школьные воротнички и манжетки. Обескровленная страна испытывала нужду во всем. Железная бабушкина воля, ее неисчерпаемое трудолюбие взбодрили и организовали сложный семейный ансамбль. Кто-то шил, кто-то ходил на базар торговать, появились оборотные средства, и жизнь, как в исправном часовом механизме, начала приобретать предсказуемость и надежность.

Не прошло много времени, и Красный Луч признал дружное семейство уральцев Дмитриевых. Бабушка Ульяна, своей царственной поступью, с запахом здорового женского тела, ходила по воскресной толкучке, встречалась с перекупщиками, снабжала людей товаром, сама запасалась мануфактурой. В то время базары буквально кишели человеческими обрубками. Десятки никому не нужных, покалеченных войной людей отирались на городских вокзалах и воскресных толкучках. У бабушки всегда был припасен особый денежный фонд на подаяние милостыней. Не припомню случая, чтобы она прошла мимо убогого, обделив своим состраданием. Происходило это, скорее всего, от собственной боли и горечи личных потерь. Дочь свою я назвал именем этой славной бабушки, в надежде, что она проживет достойную жизнь, верную памяти своих предков, которые с упованием взирают на нас из своего чудного далека.

По воскресеньям, после торгов, неизменным образом затевались пельмени. Бабушка решала в чьем доме устраивать большой семейный обед. Пельмени лепили все вместе, в белых передниках и белых косынках, в таких же свежих, как мясо, мука и руки стряпчих. Пельменей делали много, обильно, вкусно необыкновенно и всегда с сюрпризом. В один из пельменей заворачивали соль или пуговицу, для потехи. Застолье продолжалось долго, ели и пили не торопясь, шутили, вспоминали былое и, конечно, как все здоровые счастливые люди, мечтали о будущем. А потом пели под баян песни. Дядя Саша виртуозно владел что гитарой, что баяном. У всех братьев были фантастические голоса. Пели до того заразительно, что у калитки собирались толпы зевак, – мощно, с полной отдачей, как будто последний в жизни раз, и все больше про Байкал, про Россию, про бабушку-Урал.

Другая моя бабушка, по материнской линии, которую величали Ксения Афанасьевна, была прямой противоположностью Ульяне Исааковне. Она вела внешне неприметную, но полную забот и трудов праведных жизнь. На ней держался весь дом. Семья была большая, но бабушка Ксения незаметно умудрялась всех обстирывать, окормливать, за всеми прибирать, и все строчила до глубокой ночи бесконечные трусы, воротнички, бюстгальтеры. Хотите верьте, хотите нет, но почти за полвека совместной жизни я ни разу не видел бабушку в гневе, наверное за это Господь даровал ей долгую, покойную жизнь.

Отец, на первых порах, шоферил. Был такой, испытанный на фронтовых распутьях чудо-грузовик «пятый Урал-ЗИС», с квадратным деревянным кузовом и такой же ящикоподобной кабиной. Все машины той поры вид имели угрюмый. Ездили с противным трансмиссионным подвыванием и очень неохотно. Обыкновенно водитель стоял раскорякой перед радиатором своего упряма и остервенело ворочал заводную рукоять. Потом внезапно заскакивал в кабину и чего-то там смыкал, понукая крепкими словами бензинового коня.

Денежный достаток мало-помалу начал сказываться на положении отца в обществе. Каким-то замысловатым образом он сделался сотрудником комбината «Краснолущуголь». Работал в отделе техснаба и был ключевой фигурой, с семиклассным своим образованием.

Папе предоставили казенную квартиру рядом с комбинатом, по улице Водопроводной, ведь до этого мы жили на частной, возле базара. Это был двухэтажный, в два подъезда, отштукатуренный дом. Нас поселили на первом этаже. Дом стоял на возвышенности, с которой хорошо просматривался весь Красный Луч. Внизу, под нами, располагалась действующая шахта. Мне доставляло несказанное удовольствие наблюдать по вечерам ползущие по откосу террикона груженные вагонетки, помеченные электрическими огнями. Возникало ощущение пульса трудовой страны, ибо я уже понимал, что эти медленнодвигающиеся вагонетки всего лишь малая часть сложной работы, которую делают мужественные люди глубоко под землей. И больше всего на свете хотелось стать большим, чтобы явиться к маме в шахтерской робе и обязательно с таким же черным лицом и руками, как у настоящих забойщиков, и со светящейся лампой во лбу.

Если папа не был в командировке, обязательно приходил на обед домой. Любил горячий борщ, с добрым куском говядины и непременно свежайшей мозговой костью. Всегда выкраивал пару минут для текущих домашних забот. Успевал починить табуретку или отладить оранжевый абажур, если на вечер намечалось лото.

За большой овальный стол садились все вместе, взрослые и дети. Играли азартно, невзирая на лица. Любимые карты, личные накрывашки, жаргон «кричащего», у каждого свои, особенные. Когда цифра семь, то обязательно «армянский нос», если одиннадцать – «барабанные палочки», двадцать два – «уточки», девяносто – «дед», потому что восемьдесят – это «баба», и так почти по любому поводу. С каким восторгом, полным торжества и надежды, объявлялось партнерам: «квартира». Это означало, что на одной карточной строке выстроился неполный ряд и судьбу кона могло решить заветное число. Поэтому доставать из мешочка следовало очень осторожно, тщательно перемешивая и только по одному бочонку. Господи, до чего же было все это уютно и мило, как, наверное, повторяется только в раю.

Незабываемо приятные хлопоты наполняли дом в предновогодние дни. На самом деле, все начиналось с осени, когда папа вырезал из плотного листа фанеры большую звезду, настоящую

копию ордена Победы. Приходя домой на обед, он успевал выпилить несколько двухкопеечных дырочек, в которые позже будут вставляться электрические лампочки. Их много, по всему периметру звезды. Внутри надпись, также из дырочек: «1952 год». Папа покрасит лампочки в нарядные цвета, перепаяет их. Соберет из разноцветных огней гирлянды для освещения новогодней елки. И по вечерам, задолго до праздника, будет включать в розетку всю эту замысловатую иллюминацию, заново перепаивать, перекрашивать, подбирать оптимальные сочетания.

Ближе к первому января настанет и наш черед. Мама достанет из шкафа цветную бумагу, канцелярский клей, и мы примемся мастерить елочные украшения. Любаша знает толк в зверушках, моя задача изготовить длинные, на весь обхват широкой елки красивые цепи, а меньшая сестренка нарежет и соберет гирлянды из маленьких разноцветных флажков. Знаем заранее, что в Деда Мороза облачится дядя Павел, – он самый веселый и добрый, а еще он мой крестный. Догадываемся о содержании подарков, доставленных будто из заснеженного соснового леса. Но ничего не делается понарошку, все от мала до велика настроены серьезно, без лукавства. Удивительно вспомнить, как послевоенный народ наш был открыт для вкушения любых, даже самых наивных, радостей.

И вот наступил, в звезду оправленный, пятьдесят второй год. Год выжидательный, полный тревог. Страна нутром чуяла закатные дни великого кормчего. Чуял и вождь настигающее в затылок дыхание старухи с косой, стремительно дряхлел, понимал всю беспомощность медицины и за это мстил врачам – жестоко, беспощадно. На дальних подступах он сделался уже не опасен, за отсутствием широкого энтузиазма, но кремлевская, да и обкомовская верховная сволочь переживала тревожные, душененавистные дни.

Непредсказуемо мрачным появлялся в этот год Сталин, никто не мог знать, что творится в его угасающей топке дьявольских интриг и затей. Как распознать, чья физиономия вдруг подвернется некстати и вызовет нечаянный гнев, с неминуемо разрешенными последствиями. Соратники, под всякими предложениями, избегали встреч,

сторонились хереющего на глазах гения. Все чаще сказывались болезнями, искали повода для неотложных командировок, с головой накрывались видимостью не терпящих отлагательств государственных дел, и все труднее делалось заманить кого-либо хоть на ближнюю, хоть на загородную дачу. Он видел все, запоминал каждое предательство, каждую подлость, в надежде подобраться с силенками и в который раз продемонстрировать мерзавцам, кто в доме хозяин.

Но самое тревожное – никто не боролся за власть. От вождя шарахались как от зачумленного. Все понимали, что человек, принявший власть непосредственно из окровавленных рук товарища Сталина, обречен. Уже становилось понятным, что страна обязательно спросит, потребует ответа от верных и не очень завязтых ленинцев. Вопрос заключался лишь в том, спросит действительно или сделает вид, в мягком режиме прокатится на тормозах. С другой стороны, вся околосталинская псарня изготовилась к предстоящему смертельному гону. Потому что сначала сухой щелчок арапника, за ним долгожданное «Ату его!» – и тогда уж пощады не жди, тут тебе ни понятых, ни свидетелей.

В пятьдесят втором меня, с неполными шестью годами, отправили в школу. К тому времени я свободно читал, писал, арифметничал, и дожидаться исполнения необходимых семи лет не имело видимого смысла. Специально моим ранним развитием, конечно, никто не занимался. Разве только бабушка Ксения, постоянно читавшая по вечерам для детей хорошие книжки. Но училась старшая сестра Любаша, и я, между делом, подучивался вместе с ней, заглядывая в букварь через плечо. Школьная учительница жила по соседству и, что называется, не чаяла во мне души. Под влиянием ее активных уговоров родители согласились отвести меня в первый класс. Однако возраст был мал, школа отапливалась печью из рук вон плохо, и я в зиму крепко захворал, застудил уши. Папа прекратил эксперимент с вундеркиндом до следующего года.

НАША СЕМЬЯ В 1951 ГОДУ

ФОНТАН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

ДОМ ТЕХНИКИ

1953 ГОД

Право же, одному небу известно, как оно было на самом деле. То ли пятьдесят третий пришел, чтобы окочился Сталин. То ли вождь дал дуба, чтобы грянул пятьдесят третий. Но он наступил, мартом припечатал страну к роковому пределу. Голос Левитана в черных репродукторных тарелках предвещал конец света. Ощущение всеобщего горя грозило разрастись до масштабов вселенской катастрофы.

Папа явился на обед очень сосредоточенным, снял со стены картонный портрет генералиссимуса и стал наводить под линейку цветными карандашами красно-черную рамочку. Несколько раз подправлял печальный антураж, никак не находил ни себе, ни портрету подходящего места, все метался с ним по квартире, примеряясь к наиболее значительным ракурсам. У меня было такое впечатление, что он горевал неподдельно. Как, почему, после всех своих мытарств и лишений? До сих пор не возьму в толк.

Но пришла бабушка Ульяна и спокойно сказала: «Кончилась, сволочь». С мамой чуть было не приключился удар. Бабушка ненавидела Советскую власть, со всеми ее вождями, большими и малыми, такой душераздирающей злобой, что для внешнего проявления уже не оставалось никаких человеческих сил. Ненавидела молча, непоколебимо, насмерть, как статуя Свободы. Можно только догадываться, сколько горя, какую боль и обиду пронесла через жизнь моя незабвенная бабушка, если даже смерть главаря не принесла облегчения. Обида проистекала не только от ужаса страданий и невосполнимости потерь, но, прежде всего, от вопиющей несправедливости, от абсолютной несоразмерности невообразимо диких обвинений и наказаний.

Дело было ранней весной. Возле комбината кучковались серыми призраками потерявшиеся соотечественники. По всему видно было, что произошло нечто непоправимое и вот-вот отверзнутся хляби небесные. Никто не знал, как следует вести себя перед концом света, что можно и нужно делать с этим несчастьем, ведь и не делать

ничего было смерти подобно. Многие боялись идти домой, чтобы там в одиночку не сотворить чего непотребного. И не было никакой надежды, и помощи ждать неоткуда. Полнейшая растерянность парализовала, накрыла оцепеневшую страну.

Обыкновенно, мы лукаво персонифицируем историю, особенно в части ее кровавых, постыдных страниц. Народ ведь не располагает коллективным мужеством, позволяющим во всеуслышание заявить: это мы, советское падло, своими собственными зубами растерзали лучших сынов и дочерей, на этом настаиваю категорически, нашего бесноватого отечества. Подобного мужества недостает, поэтому возникает потребность назначить подходящего козла отпущения, то бишь тирана, который за все в ответе. Удобно чрезвычайно, без лишних вопросов и ненужных затей по разборке полетов. Кто стрелял? А никто не стрелял. Кто издевался, допрашивал, грабил? А никто никого не допрашивал. Сталин – козырь неубиенный, джокер на все времена. Мы ведь народ подневольный – серенький, маленький. Положим, и хищненький, положим – зубастенький, но нас не видать, не слышать и не сметь ворошить потаенного.

Образ Сталина-тирана более всего устраивает затихарившихся палачей, у которых руки по уши в крови. Всякие разглагольствования о культе, о порочной идеологии – чушь собачья. Конкретные убийства совершали не во имя великих идей, и почти никогда – по личной указке товарища Сталина. Мудрый Коба просто не мешал другим активно заниматься самовыражением. Несказанное наслаждение испытывает безбожный человек от насилия над себе подобным, пуще того, когда сам становится причиной чужих страданий. Попранный стыд – вот настоящий мотив любых преступлений. Совесть, мораль – это все от Бога. Это непереносимое для животного человеческого естества насилие свыше всегда подспудно манит освобождением.

И потом, какое дело мне лично до товарища Сталина, если я точно знаю кто донес на моих. Фамилия их Витюковы. Бог шельму метит, нехорошее занятие предаваться злорадству, но сын этих мерзавцев пришел с фронта слепым. А ведь были и те, кто по ночам арестовывал, кто-то допрашивал бабушку с дедушкой, да с какой

фантазией, с каким пристрастием. Не простое это дело – раздуть скромную персону деревенского кузнеца до масштабов врага народа, пособника агрессивных вражеских разведок. А кто-то еще и собственноручно стрелял в моего беззащитного деда. Причем знал наверняка, что перед ним никакой не шпион, не белогвардеец, не диверсант, а обыкновенный сельский мужик, так и не верящий до последнего дыхания, что все эти дикие обвинения предъявляются всерьез и последствия возымеют самые грозные.

Не могу без возмущения наблюдать демагогию нынешних властей относительно фигурантов тех жутких событий. Что толку посыпать голову пеплом над памятью усопших? Истинное покаяние состоит не в том, чтобы вспоминать миллионы безвинно погибших. Гораздо важнее для здоровья общества поименно перечислить всех надзирателей, палачей, стукачей, чьими стараниями совершались людоедские злодеяния. Чтобы жег позор до седьмого колена.

И не надо рассказывать, что дети не отвечают за своих родителей. Отвечают, да еще и как, только вот все больше с нашей стороны. Могу привести длиннющий список престижных учебных и служебных заведений, не самых элитарных, дорога в которые нам была заказана по факту самого рождения и где неплохо устраивались и благополучно пребывают и поныне отпрыски палачей, без усталости тыкающие в усатую морду расшалившегося семинариста.

Если дети имеют моральное право наследовать материальное достояние своих родителей, то они просто обязаны наследовать ответственность за совершенные преступления своих распоясавшихся предков. Конечно, для этого нужна порядочная власть, которой стыдно будет кривляться, стыдно лицемерить и манипулировать общественным сознанием. Правда, и ничего кроме правды, – вот единственно возможная мера вещей, все остальное – от лукавого. Как заметил один наш умнейший писатель, «Правду говорить легко и приятно». Хотя подозреваю, что на предмет слушанья правды могут быть и другие мнения.

В дни моей младости, был в большой чести забавный такой

суперидеологический групповой портрет, с четырьмя смотрящими вдаль священными идолами – от Карла Маркса до Сталина. Гривы, лысины, усы, бороды – все в ряд, единым порывом устремлены в светлое будущее. Эту портретную галерею свободно можно разворачивать, как тульскую гармонь, в любую сторону. Хотите от Карла Маркса? Извольте: Фурье, Сен-Симон, Жан-Жак Руссо, Кампанелла, – и так без конца и края, насколько достанет эрудиции. Желаете в другую сторону, будьте уверены: свято место пусто не бывает. Иосиф Джугашвили, временно конечно, оказался в этом ряду крайним. Ему и шишки все. Но дайте срок, хамская, сумасбродная идея осчастливить всех скопом, по точно выверенному плану, непременно возобладает, да с такой еще яростью, что дух перехватит.

А все оттого, что у нормального человека может быть в жизни только одна серьезная задача – это спасение собственной души, то есть приведение ее к состоянию горнего безмятежья. К тому единственно прекрасному и блаженному состоянию, которое дарует ощущение счастья вечного. Как только человек начинает заниматься устройством чьего-либо счастья, а то и вовсе организацией счастья всего человечества, он неминуемо оказывается в сетях дьявола.

Дьявольщина – это порождение порочного общественного сознания. Ветхий наш человек Адам благополучно пребывал в раю, доколе оставался сам. В Библии до обидного скупко написано – Ева ли виновата в том, что поддалась искушению змия, Бог ли сыграл нехорошую шутку, насадив в эдемском саду запретное дерево, и был ли то всамделишный рай, когда в нем существовали запреты? Складывается впечатление, что бедолага Адам, войдя в общественные отношения, что называется, связался на свою голову.

Иногда на свет Божий появляются люди, наделенные исключительными дарованиями. Из них вырастают выдающиеся мыслители, музыканты, поэты. Яркий композиторский талант позволяет художнику улавливать и воспроизводить никому неведанную доселе музыкальную ткань. Неизвестно, существовала ли шестая симфония Чайковского в сокровенных глубинах Вселенной задолго до того, как Петр Ильич извлек и озвучил ее. Подобно тому, как закон Архимеда

всегда существовал в природе вещей. Или шестая симфония является исключительно выражением собственной фантазии художника, продуктом его творческого самовыражения? Но в любом случае, носитель такого удивительного таланта абсолютно богоподобен, потому что реально участвует в сотворении мира, являя на белый свет нечто доселе неслыханное, людям неведанное.

Когда мы читаем в Библии, что Человек сотворен по образу и подобию Божию, надо хорошо разумать – это говорится об избранниках Божиих, способных сделаться сопричастными к трудам на поприще сотворения мира. Кстати сказать, в первоисточниках первый стих книги Бытие, по смысловой нагрузке, принципиально отличается от современных текстов. Сейчас пишут: «В начале Бог сотворил небо и землю». Между тем на древнееврейском сообщали много мудрее: «В начале Бог сотворяет небо и землю». Понятие «сотворяет» имеет непреходящее значение, оно четко указывает, что процесс сотворения мира никогда не оканчивается, это постоянно действующий, живой божественный акт. Люди, принимающие участие в таинстве преобразования мироздания, действительно отмечены знаками образа и подобия Божия, ибо и они, вместе с Отцом своим небесным, постоянно сотворяют, созидают мир Божий, преобразуют его.

Иногда рождаются люди, наделенные исключительным даром ощущать потаенную суть мироздания, его богоодухотворенность. Из таких людей вырастают великие пророки, святители, праведники. Они сияют в веках призывом к благочестию для людей, томящихся горением вышнего духа, и стоят живым укором для тех, кто не способен улавливать божественную гармонию мироздания. Виноват ли человек в том, что не воспринимает музыку Баха, плохо рисует, не пишет стихов, не испытывает религиозных восторгов? Нет, наверное, не виноват. Почему так бывает, не знает никто, и это все тайны проведения Божия.

Остается совсем немного времени, когда все наши великие предшественники будут вызваны из небытия, чтобы вместе с Мессией подытожить сей утомленный лунным сиянием мир. И тогда обнаружится ошибка фараонов, которые легкомысленно рассчитывали, с

помощью сохранения плоти и с использованием труда сотен тысяч подневольных людей обрести желанное бессмертие. Залог вечности, счастье горнее, несомненно, даны человеку, но они вовсе не в примитивном сбережении тварного естества – они в делах, в результатах прожитых наших дней.

Большим заблуждением является упование моих современников, будто развивающиеся биотехнологии в скором времени помогут воссоздавать ушедшие персонажи по их бранным останкам. Подлинный генетический код человека не имеет никакого отношения к говядине. Одухотворенный Пушкинский стих, палитра Ван Гога, пируэт Улановой – вот настоящий живой ключ к воссозданию бессмертных людей, и они обязательно явятся еще раз в этом мире, во всем своем могуществе и великолепии. Вспомните заветное игольное ушко, о котором поведал Христос и в которое с черного хода пытаются прорваться толпы никчемных людей. Никому не удастся протащить сквозь волшебное ушко свое сытое брюхо. Только слава подвижников духа беспрепятственно минует заветный рубеж и будет порукой их бессмертного воплощения.

Все талантливые люди ведут сосредоточенную, с большим внутренним содержанием жизнь. Действительный дар Божий требует огромных усилий по его обслуживанию, когда практически не остается ни времени, ни сил для каких-то побочных интересов. Но иногда выпадают на наши головы беспокойные ребята, которым вдруг начинает казаться, что они пришли в этот мир, чтобы улучшить, сделать его идеально совершенным. Правильно устроить течение рек, течение жизней, наполнить их правильным содержанием в соответствии с некоторым очень мудрым учением. На таких людей в обществе не бывает спроса, их никто не ищет, не ждет, не заказывает; они размножаются самосевом, как чертополох, и важно величают себя высокими государственными или политическими деятелями.

Человечество в целом не становится со временем лучше или хуже. Люди были всегда такими, как есть, какими их сотворил Господь, поэтому живут и действуют по законам, отвечающим их натуральной природе. Из этого, прежде всего, следует, что цивилизация, несмотря

ни на какие сумасбродства бесконечных вождей, реформаторов и прочих государственных деятелей, упрямо продвигается к месту своего назначения.

Хорошо, когда выдающийся общественный муж в меру придурковат и не очень настойчив, – тогда дело обходится кукурузой, иконостасом из подметных наград, перестройкой. А когда возникают личности масштабов Гитлера или Сталина, с огромным умом, амбициями, волей, да еще с темпераментом каких-нибудь кавказских кондиций, тогда держись, ну просто хоть святых заноси, тогда неминуема перековка людей, со всеми тяжкими, ведь дело это горячее. Такие экземпляры опасны своей последовательностью; они знают, что, не изменив, не переиначив природу людей, ничего в этом мире изменить невозможно. Но ведь не то чтобы переделать, а и волосы на голове все сочтены, как утверждает Священное писание.

Есть в биографии товарища Сталина одна общеизвестная, но по-настоящему недооцененная, непрочитанная страничка. Я имею в виду годы его семинарской учебы. Это только простакам чудится, что между священниками и большевиками нет ничего общего, будто они огонь и вода. На самом деле, между ними существует железная связь, прочная, принципиальная. Священники, так же как и большевики, знают ответы на все вопросы. У этих людей не бывает сомнений, им известно все, по любому поводу, на любой случай жизни.

Не стоит заблуждаться, будто священниками становятся симпатичные парни, которые сильно, до невтерпеж, поверили в Бога. Батюшками, как правило, становятся интересные ребята, которые умеют картинно изображать веру в Иисуса Христа. Ничего удивительного, бывают люди, которые любясь собой умеют достоверно изображать страуса, пингвина и даже «цыпленка табака». Я никогда не понимал, для чего человеку, действительно верящему в Бога, кликушествовать об этом на весь белый свет. Настоящая вера – это настолько сокровенное сердечное переживание, что публичное высказывание о нем только подтверждает пророческое предостережение: «Слово изреченное есть ложь».

Вообще в жизни людей бывает много чего, что предполагает интимность. Например, если человек начинает публично, то бишь профессионально, заниматься любовью, то это занятие приобретает несколько иное наименование. Не случайно дома, в которых рекомендовано открыто заниматься любовью, называются публичными. Невозможно профессионально любить родную мать, свою родину. Невозможно представить, чтобы выражение этих благородных чувств сделалось ежедневным публичным вашим занятием, конечно если судьбина не вознесла вас в секретари обкома комсомола. Уверен, что и вера, и любовь к Богу – это настолько интимная субстанция, что при переходе в профессиональную деятельность она должна называться все-таки немного иначе. Не возьмусь судить как, это обязаны сделать сами фигуранты подобных деликатных занятий.

Для того чтобы перекинуться от священника к коммунисту, не требуется больших усилий; достаточно только чуть-чуть, самую малость подправить на перископе резкость, и ты узришь, зачаруешься дивной картинкой буколического счастья. Универсального, всеобъемлющего, всеобщего счастья, в теоретическом воплощении сегодня и в практическом решении совсем скоро, в прекрасном светлом будущем. При этом всегда хочется масштабов, большого поля деятельности. В полном соответствии с шариковским правилом: «Чтобы все». Разве завернешь в какой-нибудь Грузии настоящий голодомор, с хорошим результативным выхлопом, где народу всего миллионик, так, паршивенький голодоморчик. Ты подавай Поволжье, ты предоставь украинский чернозем – вот тогда пригубишь, отведаешь семинарской заквасочки.

Страна устала от Сталина – это было ясно по тому, как скоро забыла о нем. Буквально на следующий день после грандиозного прощания закипела новая жизнь. Уход отца народов удивительно органично совпал с пробуждением природы. Не припомню другой такой дружной, оглушительно животворной весны на Донбассе. Солнце куражилось, все ликовало кругом. Люди, птицы, любая живая истота неожиданно обнаружили на себе Божие попечение. Ведь до этого даже мухам казалось, что они пребывают в послушании у

кремлевского горца.

Но не только восторг, ведь и явная растерянность царила в стране. Одним чуялось время надежд, другими овладело беспокойство возможных разоблачений. А ну как возьмутся ворошить: кто в кого стрелял, кто на кого стучал, предавал, подличал? А то вдруг примутся пуще прежнего стучать, стрелять и подличать. Поди разберись в одночасье. Ясно, что кругом одна сволочь недобитая, после такого небывалого светопреставления почти все – потенциальные враги народа, только знать бы, кто в первую, а кто во вторую голову.

Как всегда случается в мутном безвременье, на высоких подмостках закружилась мышиная возня. Стали выдвигаться скороспелые вожди-однодневки – некоторым образом Булганины и Маленковы. Шелкоперы, им еще невдомек, что суетливым нищим мало подают. Или, как говаривала одна шикарная дама, проводя инструктаж перед вечерним выходом своих девочек, – главное, не суетитесь под клиентом. Потому что уже затаился, приготовился к решающему выходу настоящий маэстро. Лысый, пучеглазый, как сатана из мельничного омута, такой же вертлявый и вездесущий.

Но это там, в столице. А на местах новые веяния были заметны по всякого рода административным перетасовкам. Так, наш Краснолучский угольный комбинат для чего-то переименовали в «Ленинуголь», как будто Ильич был самым шустрым шахтерским забойщиком, и переместили в областной центр, по тем временам, дай бог памяти, наверное, в Ворошиловград. Потому что вскоре будет несколько раз то Луганск, то Ворошиловград. В зависимости от того, сукой был Клим Ворошилов или доблестным красным конником. В действительности он был и тем и другим, одновременно, нераздельно, в полном соответствии с кремлевским уставом для торжественного стояния на мавзолеем подиуме.

В первую очередь на новое место жительства перемещался комбинатовский канцелярский арсенал. Рабочие вытаскивали и укладывали на грузовики двухтумбовые столы, шкафы, телефоны, гроссбухи и прочую кабинетную утварь. Доверху заставленные

машины запускали двигатели и мчались по шоссейной дороге в волнующую меня даль. Я все время старательно пытался вообразить большой, по рассказам отца, город и красивый многоэтажный наш будущий дом. Не все, конечно, сотрудники комбината были переведены в областной центр, да еще с предоставлением казенной квартиры. Папа, не исключая, изловчился дать кому следует в лапу, и Родина выделила ему прекрасную новую квартиру на Красной площади, в лучшей части города.

Я абсолютно уверен, что отец мой был очень полезным, по-настоящему ценным работником. Его отличала необыкновенная организованность, он никогда ничего не делал на авось. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь англичанин или немец мог бы соперничать с моим папой в аккуратности, трудолюбии и обязательности. У папы не было высшего образования, к тому же он не был коммунистом, и даже в этой, по советским меркам абсолютно безнадежной, ситуации он умудрился продвинуться по служебной лестнице до весьма солидных чинов, до уровня руководителя областного масштаба. Прекрасно помню уговоры сослуживцев на предмет плюнуть на все и положить в нагрудный карман заветный партийный билет, открывающий перспективу дальнейшего роста. Но для моего отца плюнуть на все означало, прежде всего, плюнуть на себя самого, а это было недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Вот так и оказался я в мае пятьдесят третьего в роскошной четырехкомнатной квартире на пятом этаже архитектурного сталинского дива. После краснолучских шахтерских пристанищ в новых апартаментах возникало ощущение стадиона. Недостигаемых высот потолки, гостиная в тридцать квадратных метров, огромная прихожая, необъятная кухня, удобства, кладовые – все для житейского благополучия, в самом лучшем виде, было скомпоновано в нашем новоявленном царстве. О чем говорить, если даже люстры, самые настоящие, бронзовые с хрусталем, были предусмотрительно развешены и подключены строителями в каждой жилой комнате. Балконами и окнами квартира выходила на обе стороны украшенного карнизами и лепными консолями здания. На первых порах мы были просто

не в состоянии заполнить квартиру. В одной из комнат, с выходом на балкон, устраивали на зиму хранилище антоновских яблок, капусты и картофеля. Хотя, конечно, во дворе имелся капитальный коллективный погреб, для бочек с соленьями и залитых сургучом бутылей с томатным морсом – тогда еще не освоили умение закатывать крышками консервацию.

Для меня является вершиной русского литературного слога то место у Юрия Михайловича Лермонтова, где он описывает жилище Печорина и панораму Пятигорска. Помните ли? «Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту, синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север подымается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее...» .

Увы, увы. Открывавшаяся из наших окон панорама на фасадную сторону оказалась не столь живописной. Очень смущали взор заборы из многорядной колючей проволоки, сторожевые псы и вышки с автоматчиками под прожекторами. Прямо через дорогу, напротив нашего дома, ощетинулась колючкой лагерная зона, где жили и возводили «Дом техники» заключенные. Пронзительно удручающей проступала картина в ночи, когда по всему периметру зоны включали осветительную иллюминацию. Сырость, бесконечные ряды электропроводов, взрыхленная земля, шарящие лучи прожекторов и нескончаемый собачий лай. Сам вид лагеря, люди в серых бушлатах, вперебежку снующие между кучами делового материала и строительного мусора, постоянно напоминали жителям дома, что дорога в тюрьму никому не заказана. Что расстояние от их зыбкого благополучия до лагерного беспредела, как говорится, в два плевка, в прямом и переносном смысле.

Все граждане страны в то беспокойное время пребывали в некотором промежуточном состоянии между волей и тюрьмой. Ни один человек, ложась на ночь в свою теплую постель, не мог быть уверен, что досматривать сновидения ему не придется на казенных нарах, даже пусть он трижды энкаведешник, супер – Павлик Морозов, экстра-стукач. Потому что сначала сажали тех, на кого стучали, потом

тех, кто стучал, потом стучавших на стучащих, и так по кругу без конца и края.

Есть одна характерная черта, особая примета сталинской эпохи. Когда в затравленной стране десятки миллионов людей томятся за решеткой, это вовсе не означает, что оставшиеся на свободе счастливы наблюдают эту экзотику со стороны. На самом деле, оказывается, что сидим дружной компанией, все вместе.

Общество функционирует как система сообщающихся сосудов. Лагеря, пропустившие через свое ненасытное чрево массу униженных и поруганных людей, вываливали на просторы Родины несметное количество бывших зэков, носителей тюремной «культуры», тюремной же «этики». Был преступлен некий критический рубеж, за которым общество оказалось не в состоянии переваривать весь этот гулаговский продукт и само начало неуклонно сползать в джунгли лагерного этноса. Вследствие чего вся большущая страна Советов превратилась в грандиозный «кичман». Не случайно любимой песней вождя оказалась уголовщина из лирики Утесова : «С одесского кичмана сбежали два уркана».

Первое, что я увидел, выйдя на балкон внутреннего двора нашего великолепного дома, оказалась стайка подростков, отчаянно бившихся у шлакоблочного забора. Они играли на деньги в «пристенок». Наверное, кто-то сжульничал, а может, обидно проиграл, и в ход пустили самые убедительные аргументы. Дрались раньше много и часто, по всякому поводу. Дрались большие и малые, с энтузиазмом, до кровищи, не вызывая живого интереса у случайных прохожих.

Игры на деньги, в начале пятидесятых, приобрели настолько массовый характер, что вся денежная мелочь, бывшая в обращении, оказалась настолько изуродованной, что определять достоинство монет приходилось только по цвету и наружному их диаметру. Чаще всего денежные игры имели «битьевое» происхождение. Обыкновенно приходилось что-то швырять или ударять в стенку, монету ли, специальный биток, а потом приниматься вышибать стоящую на кону мелочь, колотить по ней, пока она не опрокинется с

«орла» на «решку». Находились ловкачи, умудрявшиеся с одного бита опрокидывать целую стопку монет. Металлические деньги падали перед игровым азартом, они плющились, коржились, теряли привлекательный вид.

Стуканьем мелочи занималась по преимуществу голоштанная дворовая шпана; серьезные парни тоже играли на деньги, но делали это с толком, с достоинством. Если играли монетами, ставили заклады под «орла» или «решку». Здесь надо было держать ухо востро. В ход пускали особым образом заготовленные фортели. Брели две одинакового достоинства монеты, спиливали идентичные стороны и потом прочно склеивали. В результате получалась интересная денежка с двухсторонним «орлом» или двухсторонней «решкой». Шулера запускали в дело такие штучки в самый ответственный момент, когда игра выходила на заключительные ставки.

Хорошей известностью славилась игра в «чик или лишку». Это когда зажимается в ладони горстка мелочи и желающему предлагается отгадать, делится ли оказавшаяся сумма на двое, тогда будет «чик», если нет – будет «лишка». Но опять-таки, в самый ответственный момент могла возникнуть волшебная копеечка, привязанная через рукав на тонкой леске. Она-то и могла решить исход всей игры.

По-настоящему солидные люди играли в «шмен». Здесь фигурировали бумажные банкноты, ставки делались на казначейских номерах. Закладывалась в руку купюра, и охотник выбирал половину порядковых цифр на банковском денежном номере. Названные цифры складывались, также складывались и оставшиеся. Выигрывал тот, чья сумма оказывалась большей. Знатные шулера обзаводились двухсторонними, поддельными купюрами, с различными банковскими номерами, когда при любом раскладе возникал необходимый перевес на той или иной стороне бумажной банкноты. Разумеется, если обнаруживался обман, зубы летели в разные стороны.

Еще в пятидесятых у дворовой шпаны пользовалась широкой популярностью игра в «жосточку». Это аккуратно изготовленный воланчик из кусочка длинноворсового меха и свинцовой пяточки.

Играющий, или, как его называли, «маящийся», стремился максимально долго жонглировать ногой эту летающую штучку. У каждого был свой любимый, тщательно разглаживаемый, завернутый в тряпочку воланчик. Если дело происходило весной или осенью, никто не снимал с себя верхней одежды, ведь могли и упереть. Надо было приспособиться каким-то замысловатым образом перекосить на себе пальто, чтобы высвободить одну ногу и руку, дабы не путаться в полах и свободно подбрасывать щечкой стопы летающую жосточку. Жонглирование могло продолжаться довольно долго, на счет, со всевозможными канканами, аллюрами и переворотами. Успешней оказывался тот, кто был ловчее и выносливее.

Вся эта играющая в подворотнях на деньги молодежь была насквозь пропитана уголовной «героикой». Жесты, повадки, жаргон, песни, ужимки, наконец, манера носить одежду, способы курить, плевать, свистать – все было «фирменное», оттуда – с Печоры и Колымы. С другой стороны, в каждом сидела героика прошедшей войны, несомненно патриотическая ее составляющая, обусловленная психологией победителей, но во многом и сопутствующая любой войне жестокость. Людям, прошедшим неслыханную кровавую баню, оказалось совсем непросто вернуться к нормальной, мирной жизни. Многие фронтовики ностальгировали по жажде острых ощущений, искали самоутверждения в риске, с избытком поставляемом войной. Это желание пройтись по лезвию ножа передавалось молодежи и, в сочетании с лагерной «героикой», подталкивало к криминальному самовыражению. Вот в таких непростых нравственно-этических общественных кондициях подрастало и утверждалось будущее нашей страны.

В это трудно поверить, но наиболее популярной, прямо-таки кумирообразной персоной моего детства оказывался не физик или лирик (это будет потом, в шестидесятых), а обыкновенный уголовный предводитель, хотя бы и удачливый карманный вор. Из этого никто не собирался делать большой тайны. Если карманник, то об этом знала вся улица, вся округа. Ему улыбались, перед ним заискивали, почти как перед нынешним банкиром. Солидные, уважаемые люди не

гнушались знакомством с подобными ребятами.

Ничего, ничего не меняется в этом мире. Хотя и меняется. Тщательно вымытый, выбритый, стриженный под «бокс», в шелковой тенниске, в хромовых гармошкой сапогах, с финкой за голенищем при голубом кожаном отвороте, такой красавец не идет ни в какое сравнение с нынешним подловатым киллером, трусливо затихарившимся с оптическим карабином где-нибудь у чердачного окна. Тот мог спокойно, глядя противнику в глаза, засадить в бочину финский нож, обтереть его батистовым носовым платком, сплунуть на поверженного со словами «душа с тебя вон» и не торопясь отправиться восвояси.

Для меня категорически необъяснима избирательность человеческой памяти. До сих пор еще как наяву слышу уроки необыкновенного музицирования той послевоенной поры. По ночам, сквозь парадную арку нашего роскошного дома, проходила толпа молодых оболтусов и упражнялась в хоровом искусстве. Подвыпившая молодежь дружно выкрикивала «упа, упа, упа ...», задавая ритмическую основу будущего шедевра, а самый голосистый парняга, октавой выше, что есть мочи выкрикивал «тиливилинадцать румба ква а шарла пуа, пуа, пуа». И далее следовало абсолютно скабрёзное четверостишие, от которого просто уши вяли. Все это происходило в ночной тишине, с прекрасным арочным резонансом. Одним словом – кошмар. Иногда, конечно, звонили в милицию. Были пронзительные милицейские свистки, был топот копыт, но пару дней спустя хоровые упражнения благополучно возобновлялись.

Выскажу мысль парадоксальную, но, по моему глубокому убеждению, поколение молодежи, рожденное в тридцатых и сороковых, по своему потенциалу было наиболее ярким и емким из всех лет двадцатого века. Уникально крепки духом, ярко умны, сильны физически были те люди. Быть может, революция, сталинские репрессии, а потом война каким-то образом мобилизовали генетические ресурсы и вызвали к жизни дополнительные резервные силы.

Я все не перестаю удивляться: насколько изменяются внешние

формы жизни в пределах памяти одного человека. Нет смысла утверждать, делается ли жизнь людей со временем лучше или хуже, но она очень существенно меняется, становится принципиально иной. Ведь надо только представить, что это я, современный человек, ходил с бабушкой Ксенией по улицам Луганска и собирал в ведро конский навоз, чтобы замешивать его с песком и глиной для обмазывания печки на нашей кухне. Газа не было, топили на пятом этаже дровами и углем сложенную из кирпича обыкновенную печку! Таскать наверх из подвала топливо входило в мою ежедневную обязанность.

Городская жизнь обслуживалась по преимуществу гужевым транспортом. Хлебные будки, фуры, груженные крем-содой и вермутом, пролетки – все держалось на лошадиной тяге. Какие «Феррари», какие «мобилки», что за компьютеры? Еженедельным моментом истины, венцом мироздания распахивался воскресный базар. Народищу, товару, барахла стекалось со всего света видимо-невидимо. Знахари, цыгане, ворожки, гадалки, ручные крысы, вещие совы, удавы, коты – все это умело предсказывать, утешать, исцелять, осчастливливать. Уличные фотографические салоны, с задниками под вставные морды. Воткнул рыло в дырку – и ты уже кавказский джигит, князь на горячем коне; воткнул в другое отверстие – летчик, а хочешь – витязь в тигровой шкуре. Красота, только бы не моргнуть, когда вылетит птичка. Там кричат: «Держи вора», там орут: «Есть холодная вода – лучше пива и вина». Обыкновенную воду со льдом носили сорванцы в ведрах и продавали за пятак полную кружку. Ни тебе газов, ни тебе сиропов. И все это с неимоверно красными, задыхающимися от счастья, радостными физиономиями.

Однако заканчивалось лето пятьдесят третьего. Я перезнакомился, передружился с ребятами из нашего двора. Детей тогда в каждой семье водилось много: трое, четверо – обычное дело. Все перемешалось, ровесники, дети постарше, поменьше жили одной большой дворовой ватагой. Носились по улицам как угорелые, забывая о доме, о еде. Босиком с утра до ночи куролесили по всей округе, лазали по деревьям, подвалам, чердакам. Вечером, приходя домой, мыли ноги, едва доползали до коек и проваливались в детские воздушные

сны.

Первого сентября мама собрала меня в школу. Скажу сразу: весь первый класс я простоял у доски в роли провинившегося. Хотя учебный год завершился с похвальным листом. Плохую службу сыграло мое, оказавшееся не кстати умение бойко читать и писать. Когда все нормальные дети с каллиграфическим нажимом осваивали палочки и крючочки, я, от скуки, принимался дурачиться. Вертелся, гримасничал, всячески норовил обратить на себя внимание, чем подрывал образовательный процесс. Вот и сейчас пишу, как вы думаете зачем? – по-прежнему желаю обратить на свою персону внимание.

Моим первым педагогом оказалась пожилая учительница, преподававшая еще в дореволюционных гимназиях, лично видевшая самого Льва Николаевича, надеюсь понятно, что Толстого. Ее главное педагогическое кредо выражалось в стремлении любыми способами укротить первоклашку, привести мальчика в смиренное состояние. Потом все становится легко и сподручно, как гарцевание на англозированной лошади. Я же был настолько упрям и непреклонен, что дело доходило до того, когда целый педсовет уговаривал меня попросить у Марии Сергеевны прощения, чтобы она уже больше никогда не ставила меня в угол. Увы, прощения я не просил.

Стремление оболванить, обкорнать человека подстерегает нас с раннего детства – это один из самых действенных и универсальных инструментов, на котором зиждется управляемость обществом, при любой власти, пусть даже самой раздемократической. Но вот удивительное дело, ведь и религиозные наставники повсеместно утверждают, что главной добродетелью христианина является смирение и послушание. Хотя сам-то Иисус был бунтарем образца беспримерного. Вся его жизнь и даже смерть оказались протестом и дерзанием высочайшим, доселе манящим и смущающим человечество. Достаточно вспомнить, как еще вчера раздражали большевиков златоглавые церковные маковки. В сильно продвинутых странах наловчились, приспособились жить чуть ли ни с Христом за пазухой, но ведь и с фигой в кармане. Сомнительное, знаете ли, это занятие, когда в одной руке – заздравная свечечка, в другой – чемоданчик

черненький с кнопочкой красненькой, а в глазах – благочестие и готовность хоть сейчас на образа.

На всю жизнь запомнилась школьная новогодняя елка в первом классе. Мама нарядила меня в новенький байковый темно-синий костюм. Папа нарисовал, изогнул и склеил из картона маску кота. Руки у отца были золотые, как будто специально созданные для украшения грешного мира. Котяра получился с длиннющими усами и почему-то гусиным пером, заправленным за ухо.

На утренник, по чистому снегу, привела меня бабушка Ксения. Все дети, возбужденные, в карнавальных нарядах, были необычайно приветливы и внимательны друг к другу. Нарочито нас никто не развлекал, не было никаких массовиков-затейников. Мы самостоятельно веселили себя в старинном, с камином, школьном парадном зале. Водили под пахнущей хвоей и мандаринами елкой хоровод, танцевали, затевали игры, читали стихи. Новогодняя сказка, создаваемая нами самими, получалась настолько красивой и захватывающей, что учителя и родители долго не осмеливались прекратить, остановить этот праздник.

Уже когда все очень устали, что называется, иссякли, наша старенькая учительница собрала всех детей около себя, немного помедлила и дрожащим голосом сказала: «Дети, как я хочу, чтобы вы были счастливы». Разрыдалась и оставила нас. Мы были последним ее классом, последним новогодним утренником, – со следующего учебного года она отправлялась на очень заслуженный отдых.

Спасибо вам, Мария Сергеевна, мы конечно же счастливы, уже только потому, что у нас были вы.

НАШ ДОМ

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА. Я В СЕРЕДИНЕ.

1954 ГОД

Следующий, тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год в жизни страны и в моей личной памяти запечатлелся как годовщина чествования трехсотлетия воссоединения Украины с Россией. Доложу вам без преувеличения, власти раскрутили по этому поводу нешуточный шабаш. Складывалось впечатление, что страна никогда, разве только в День Победы, не ликовала и не веселилась так самозабвенно и искренне, как в тот незабываемый юбилей.

Сколько было выпущено всевозможной агитационной бесовщины: расписной посуды, открыток, почтовых марок, значков – всего не перечесть. Непрекращающиеся уличные концерты, бесплатные угощения, танцплощадки – все бурлило, гремело; казалось, что праздник этот будет неизбывным, что он никогда не закончится. Между тем праздник возник и удалился каким-то волшебным образом, и после пятьдесят четвертого года о нем серьезно уже никогда не вспоминали. И этому тоже есть свое объяснение. Под видом захватывающего восторга от слияния Украины с Россией, страна в те дни подсознательно ликовала по случаю избавления от товарища Сталина.

Заключительным аккордом праздничного сабантуя был устроен грандиозный фейерверк. Что зря трепаться, садили с разных точек города из пушек, минометов, ракетниц всю ночь напролет. Получалась сплошная, рассыпающаяся цветными огнями феерия, с огромным количеством зенитных прожекторов, чертивших белыми лучами ожившее ночное небо. Все было продумано до тонкостей. Артиллерийские расчеты, сосредоточенные в разных частях города, устраивали своеобразный перепляс, как бы переговариваясь и состязаясь между собой в изобретательности, силе и яркости залповых огней. Грохот стоял такой, что чертям становилось тошно, чудилось, будто небо не устоит, дрогнет и накроет расшалившийся город. После праздника долго еще, даже несколько месяцев спустя, можно было находить по всем улицам разноцветные металлические кружочки

– крышечки из-под осветительных патронов.

Дабы ни у кого не возникало сомнений на предмет прочности союза двух братских народов, кремлевские придурки продемонстрировали широту большевистской натуры. Хрущев, что называется, «с барского плеча» отвалил в пределы Украинской советской республики Крымский полуостров. Разумеется, Крым, невзирая ни на какие политические игрища, всегда был и останется Крымом, там всегда будут жить люди разных национальностей.

Дикость этой акции состояла в том, что Хрущев переместил Крым, словно табуретку на собственной кухне. При этом, будьте уверены, никому и в голову не пришло, что не худо бы поинтересоваться мнением единственного народа, которому, если положить руку на сердце, и принадлежит эта земля. Справедливости ради следует отметить: крымские татары в то время, что называется, бомжевали, они как бы свалились с Луны, им не находилось укромного уголка на широкой карте Советского Союза, так что и советоваться толком было не с кем.

Однако все непросто в этом мире, зачем-то ведь понадобилось Никитке отвесить поклон украинским сотоварищам. На то были важные политические причины. За годы советского беспредела кремлевские молодцы крепко наследили на украинских черноземах, обильно окропили их невинной кровушкой, а здесь, после смерти вождя, подвернулся хороший повод дать отступного. Дескать, прошлые времена – это все дело рук негодяя Сталина, а мы – демократы, интернационалисты, первые ваши друзья. Вот так в обмен на страдания замордованного народа и возник в пределах Украины полуостров Крым.

Для меня, человека родившегося и выросшего на востоке Украины, совершенно нелепо воспринимается ситуация, когда Украина и Россия оказались разделенными пограничными кордонами. Верите ли, я даже сейчас, хоть убей, не скажу с уверенностью ни об одном из моих одноклассников, был ли он русским или украинцем. Еврея помню каждого, помню армян, помню якута Вову

Малиновского, но нас, даже представить себе не могу, по какому признаку следовало бы различать. Предполагаю, что везде по-разному, но на Донбассе все обстояло именно так.

Донбасс был и остается по преимуществу русскоязычным. Когда я учился в школе, нам преподавали предмет с волнующим названием «родная речь». В этом определении сокрыт глубочайший признательный смысл. Появляясь на свет Божий, человек не выбирает своих родителей, он так же не выбирает язык. Слово, которое есть начало всех вещей в этом мире, дается человеку от момента рождения. Родная речь связана с этнической, культурологической средой, в которой оказывается маленький человек. Моим родным языком является русский. Что ни хорошо и ни плохо, это данность, она так же священна и непреложна, как память моих предков, как слава, как культура моего народа.

Любые посягательства на право человека пользоваться своим родным языком есть преступление гнуснейшее, оно не может иметь никаких оправданий. Вопросы использования языка, то бишь слова, во всем цивилизованном мире давно уже решены настолько понятно и окончательно, что об этом и говорить-то не очень удобно. Тем не менее специфика настоящего момента такова, что в моей несчастной стране проблема использования родного языка приняла отвратительно угрожающие формы.

У языков, так же как и людей, бывает счастливая, благоприятная и не очень завидная судьба. Русскому языку в этом смысле повезло необычайно. Фактически, он давно уже не является принадлежностью одной только нации. Этот язык совершенствовался на протяжении веков представителями десятков, сотен национальностей, людьми различных религиозных исповеданий. Лучшие сыны многих народов вложили щедрость своего таланта в русскую языковую культуру. Не хватит никаких страниц, чтобы перечислить всех казахов, грузин, латышей, башкир, армян, посвятивших свою жизнь развитию, без всякого преувеличения, величайшего языка человечества, именно в силу его многонациональной природы, особого рода соборности.

Разумеется, процесс глобального развития русского языка сопровождался обескровливанием донорских национальных словесностей. Как выразить, чего стоило украинскому языку изъятие одного только гения Николая Васильевича Гоголя. Вклад его творческих усилий в русскую языковую сокровищницу настолько велик, что литературное предание безоговорочно признает гоголевскую «Шинель» прародительницей, из которой вышла вся блистательная галерея мастеров художественного слова золотого девятнадцатого века. А ведь творчество Гоголя на самом-то деле обязано было стать достоянием украинской литературы.

Судьба украинского языка, как, впрочем, и судьба самого народа, отнюдь не из завидных, если не прибегать к более сильным выражениям. Огромная проблема украинской национальной идеи заключается в ее недостаточной удаленности от постоянно нависающей, очень мощной российской идеи, подкрепленной национальной культурой мирового масштаба. Дело не в географической близости двух стран, а, прежде всего, в культурно-этническом родстве наших народов.

Если говорить об украинском языке, то он не настолько отличен от русского, чтобы иметь масштабное самобытное оформление, как положим армянский или польский, над которыми не довлеют властными призраками родственные, конкурирующие языковые напластования. Украинский и русский языки всегда будут существовать в некотором общем контексте, как производные от единой морфологической структуры. В этой ситуации украинская интеллигенция должна проявлять глубочайшую мудрость и ни в коем случае не скачиваться в бездну квасного патриотизма.

Сегодня, когда Советский Союз приказал долго жить, братские республики обрели желанную независимость, но вместе с тем обрели и массу проблем, в том числе и языковых. Заслуживает полного уважения стремление каждого народа жить и развиваться в родной языковой среде, но при этом не следует увлекаться большевистской методологией.

Прекрасно поживает на белом свете огромное количество людей, интеллектуальный багаж которых легко трансформируется в любую языковую форму, хотя бы и племени мамбо-юмбо. Но бывают люди, для которых язык – это гигантское хранилище человеческих знаний, веками накапливаемых в данной лингвистической форме. Ни на один национальный язык огромной советской империи не переводилось и десятой, даже сотой доли памятников мировой культуры, которые представлены на русском языке. Я уже не говорю о качестве этой неподъемной, баснословно драгоценной работы. Поэзию Байрона переводил Лермонтов, многие переводы которого, по единодушному признанию искусствоведов, превосходят своим поэтическим вдохновением тексты подлинников. Шекспира переводил Борис Пастернак, стопроцентный гений, величайший поэт двадцатого века, и так до бесконечности.

Отстаивать достоинство своего родного языка, своей национальной культуры обязан любой нормальный человек. Но делать это необходимо не с помощью луженой глотки, а преимущественно мозгами. Никто и никогда, ни в какие времена не мешал кому-либо наваять великий роман, чтобы прославить на весь белый свет родной язык, свою национальную словесность и даже назвать его громким именем «Война и мир» или «Братья Карамазовы». Человечеству не важно, на каком языке говорят люди, важно, что говорят, почему и как говорят. Когда миру сказать нечего, возникают проблемы хореографического происхождения, постоянно досаждавшие одному незадачливому танцору.

Досадно говорить, но по количеству липовых академиков, профессоров, ректоров-скоморохов и, собственно, высших учебных заведений Украина давно уже обставила все передовые европейские страны – иногда возникает ощущение, что и вместе взятые. Международный рейтинг этих доморощенных ликбезов таков, что ни один наш ВУЗ не числится даже в первых пяти сотнях уважаемых европейских школ. Случилось невероятное: мы умудрились профукать авторитет легендарного Киевского политеха. Между прочим, базовая оценка возможностей любой высшей школы строится на ее

интеллектуальном обеспечении, проще говоря, на наличии хороших книг. Там ведь интересуются, кто учит, чему, на каком языке и с помощью каких учебников. Но как пошутил незабвенный старик Эммануил Кант, «если факты против нас, то тем хуже для фактов».

При всем том, необходимо признать, что, на сегодняшний день, в самом центре Европы проживает огромный многомиллионный народ, который носит гордое звание «украинец». Украинским патриотам не терпится заявить о своей исключительности, о своем национальном превосходстве. Это желание, разумеется, вполне объяснимо. Однако необходимо ясно осознавать, что, в отличие от любых других европейских народов, это самое молодое, самое не-реализованное сообщество людей. И в этом нет ничего постыдного. Не стоит стесняться своей молодости, быть может, это самое дорогое достояние человека. Полагаю, господин Сорос с превеликим удовольствием расстался бы со своими миллиардами в обмен на невозвратные семнадцать лет. Не может быть никакого сомнения, что у нашего народа все самое главное еще впереди. Уже только киевский протестный майдан свидетельствует о могучем здоровье нации, об огромном духовном потенциале.

Факты – штука довольно упрямая, и события последних лет вынуждают признать, что желаемого воссоединения двух братских народов не случилось. Наверное, прежде всего, потому, что это было все-таки не воссоединение, а присоединение пусть и братских, но давно уже разных народов. Чтобы разобраться с провалом на предмет воссоединения Украины с Россией, имеет смысл еще раз обратиться к истории и поразмышлять над великим размежеванием, разделившим древний славянский народ, во времена существования Киевской Руси, на две самостоятельные ветви.

К концу первого тысячелетия наше отечество оказалось в окружении сопредельных государств, исповедующих крупнейшие монотеистические религии – христианство и ислам. Задолго до крещения Руси посланцы из Рима, миссионеры из Константинополя, представители иудаизма и ислама атаковали нашу, задержавшуюся в языческом исповедании страну. Они вели большую агитационную работу, как

среди широких слоев населения, так и в среде власть предержащих, дабы распространить свое религиозное влияние на богатые русские земли.

Мы каким-то огульным образом восторженно принимаем исторический факт Крещения Руси, вовсе не желая задуматься, насколько болезненной для наших предков оказалась эта духовная перелицовка. Современные незатейливые трактовки идеологии языческого исповедания, по преимуществу, основаны на невежестве и поповской лжи. Поэтому к реальному положению вещей не имеют никакого отношения.

Все без исключения древние летописные источники отмечают духовную и физическую красоту наших предков. Они единодушно свидетельствуют об их несравненном гостеприимстве, об обоюдной супружеской преданности, о беспримерном мужестве и храбрости славянских воинов. Славянские жены не соглашались переживать своих мужей, они отправлялись с ними в военные походы, не боясь смерти, добровольно сгорали на кострах с поверженными сужеными. Без высоконравственной религиозной культуры все эти качества в принципе были бы невозможны. Я отнюдь не уверен, что нынешний христианин, носитель Евангельской вести, по своим нравственным и духовным качествам превосходит нашего языческого пращура.

Современным исследователям практически невозможно вести на должном интеллектуальном уровне серьезный разговор о достоинствах и недостатках языческой веры, рассуждать о теологических особенностях этого религиозного учения. Время, а точнее, люди распорядились, как это часто бывает, беспощадно: они уничтожили все источники, способные пролить свет на глубинную изотерическую сущность языческого исповедания. Фактически, мы ничего не знаем об идеологии, о философской парадигме этой древнейшей духовной культуры.

Но ни в коем случае не следует упрощать и сводить цивилизацию Киевской Руси к дерзким походам воинствующих дружин в границы блистательной Византии, где под предводительством

прославленных князей победители-язычники пили хмельное вино из черепов поверженных противников. Потому что язычество – это величайшая религиозная доктрина, корнями уходящая в непревзойденную египетскую мистерию. Язычество вобрало и хранит в себе самые потаенные знания о жизни Вселенной. Египетской мудростью был вскормлен пророк Моисей. Сам Господь наш Иисус, до назначенного часа, пребывал и возрастал духом именно в Египте. Авторы Благой вести, четыре евангелиста, избрали для себя символами элементы дремлющего сфинкса, гербового знака язычества.

С точки зрения организации государственного устройства языческое исповедание явно уступало более молодым прогрессивным религиям. Язычество функционировало как бы вне общественного контекста, оно регулировало потаенную связь между отдельным человеком и природными стихиями. Именно в этой плоскости пролегла изотерическая парадигма языческого исповедания. В то время как христианская доктрина акцентированно ориентировалась на обслуживание взаимоотношений между людьми. Нагорная проповедь – это идеальный вариант морального кодекса строителя коммунизма. Примат общественной составляющей поставил молодые религии в преимущественное положение относительно языческой духовной культуры. Между прочим, современное состояние общественных отношений с большой вероятностью предполагает возврат человечества, именно в силу возрастающей его разобщенности, к массовому исповеданию языческого культа.

Объективные сложности развития взаимоотношений Киевской Руси с внешним миром настоятельно требовали поиска эффективной религиозной идеи, способной реформировать общественные отношения, с последующим выходом на перспективное государственное устройство. Христианское крещение оказалось на поверку делом отнюдь не простым и далеко не безоблачным. Принятие, а более того смена религии даже для одного человека сопровождается глубокой ломкой психики. Когда же речь идет о целом народе, со сформировавшимися традициями культуры и быта, эта реформация приобретает чрезвычайно болезненные очертания. Вспомните недавнее наше

прошлое, связанное с кошмарами становления Советской власти в стране. По существу, это была фундаментальная перелицовка религиозных и идеологических основ жизнедеятельности общества.

Не только простые граждане Киевской Руси, но и элита общества к началу второго тысячелетия пребывала в языческом состоянии, как по убеждениям, так и по нормам житейского уклада. Тот же благоверный князь Владимир делами своими едва ли мог претендовать на христианское благочестие. Известно, что он публично изнасиловал пленную княжну Рогнеду, буквально на потеху хохочущей толпе. Для удовлетворения своих похотей, как полагалось состоятельному человеку, князь держал в загородных дворцах многочисленные гаремы. Он предательски убил своего единокровного брата Ярополка. Он же установил в Киеве обряд человеческих жертвоприношений, согласно которому в жертву Перуну возносились мучения христиан. Наша православная церковь до того запуталась в своей непростой истории, что многие ее святые не только не вытягивают на святость, но едва ли достойны обыкновенного человеческого уважения.

Князь Владимир на первых порах делал решительные попытки преобразить языческий культ. Он искал возможности приспособить древнюю нашу религию под современные нужды общества, однако делал это безуспешно. Поиск новой религии, обновленной общественной морали, складывался довольно непоследовательно. Известны неоспоримые свидетельства, что князь оказывался близок к принятию ислама, – мы едва не сделали последователями пророка Мухаммеда.

Остается только предполагать, в силу каких причин мало походящий на святого, крутого, необузданного нрава языческий вождь находил важнейшие для судьбы отечества решения. Может, под действием политических реалий. Много руссов принимало христианство еще в девятом веке, при Аскольде. Среди дружинников князя Игоря также было значительное число христиан, и об этом прямо говорится в летописях. Надо иметь в виду, что даже великие князья не смели перечить коллективной воле военных дружин. Быть может, Владимир склонился к христианству под влиянием данного ему откровения,

то есть вследствие пережитого духовного опыта. А быть может, все происходило гораздо прозаичнее: просто хорошо сработала легендарная византийская хитрость и князя, что называется, «охмурили». Наподобие того, как польские ксендзы охмурили Адама Козлевича. Тем не менее судьбоноснейший выбор для будущего страны был принят – Владимир разрушил языческие капища и крестил в Днепре свой народ с ориентацией на восточно-византийскую церковь.

Неисповедимы пути Господни – так учит вселенская мудрость. И вот из всех возможных сценариев обретения новой веры, киевский князь Владимир сделал наиболее нелогичный, самый чреватый по своим последствиям выбор. В результате принятия византийского исповедания Киевская Русь тот час же оказалась в окружении вражески настроенных сопредельных государств. С одной стороны – ислам, с другой – римское католичество, и оставался только вопрос времени: когда иноверцы примутся терзать юноправославных славян.

Выбор религиозного вероисповедания князем Владимиром был непредсказуемо рискованным не только с позиции внешней безопасности, но и для внутреннего устройства страны. Процесс крещения Руси протекал в силовом режиме. Митрополит Илларион свидетельствует, что «крестились, если не по собственной воле, то из страха перед крестившим». Не все люди покорно исполняли княжью волю, очень часто замена исконной русской языческой веры встречала открытое сопротивление. В результате насильственного крещения Киевской Руси, вместо ожидаемого единства, государство начало разваливаться на удельные княжества, с последующей междоусобной враждой.

Христианская вера уравнивала многочисленных сыновей великого князя, рожденных от разных жен, в претензиях на собственное владычество, что неминуемо привело к массовым военным и социальным конфликтам. Достаточно вспомнить, что только в самом Киеве с 1068 по 1157 год вспыхивало три колоссальных народных восстания, исключительно как результат насильственного внедрения чужеродной веры, разрушившей глубинные государственные устои.

Несмотря ни на что, православное христианство проникло в Киевскую Русь, многие люди познали нравственную сущность евангельского слова и стали искать возможности для сосредоточенного его исповедания. В условиях непрекращающихся междоусобиц и набегов варваров делать это становилось все труднее. Народ устал от бесконечных конфликтов – кстати говоря, часто и густо спровоцированных извне на религиозной почве – и начал покидать насиженные места. Так иногда назойливые полчища гнуса лишают покоя благородного оленя и он срывается с щедрых пастбищ в поисках умиротворения.

Большущая часть населения Киевской Руси, во главе с князьями, духовенством, воеводами, поднялись с любезных, веками обживаемых земель и направились в северные широты. Они увезли с собой национальные святыни, увезли чудотворные византийские образа, увезли антиминсы с храмовых алтарей. Наконец, они забрали с собой священные дары, царственный венец и бармы, с которыми возводились на трон российские самодержцы. И самое главное, они унесли с собой нечто непреложное, неподдающееся словесной формулировке, что составляет духовную сущность великой нации.

У русских людей, покинувших многострадальный Киев, достало сил построить в сумеречных широтах великие города, воздвигнуть прекрасные храмы, оформить мирового, космического значения национальную культуру. Со временем они покорили ханскую столицу, их влияние распространилось на половину земного шара. Вот кем оказались на поверку потомки киевских русичей.

Можно по-разному относиться к российской истории, по-всякому воспринимать российскую культуру, но самым читаемым на планете писателем, в течение всего двадцатого века, был и остается Федор Михайлович Достоевский. Самым востребованным драматургом, на всех театральных подмостках, был и остается Антон Павлович Чехов. Самыми исполняемыми композиторами, во всем мире, были и еще очень долго останутся русские композиторы во главе с Петром Ильичом Чайковским. В действительности этот список не имеет границ, вклад русских людей в мировую культурную сокровищницу

воистину необъятен.

Падение Киевской Руси фактически стало расплатой за христианское крещение нашего народа в православном исповедании. Если бы русские князья приняли ислам, – а такая перспектива реально представлялась, – развитие страны пошло бы по совершенно иному сценарию. Не было бы никакого монголо-татарского ига, ведь мы оказались бы единоверцами и, скорее всего, примкнули к ханским ордам. Вероятнее всего, и европейская история приобрела бы иную конфигурацию. С другой стороны, если бы киевские князья приняли крещение в римском исповедании, Киевская Русь, скорее всего, не распалась. Потому что римская церковь крепка именно государственной традицией, она всегда умела властвовать над людьми, держать их в повиновении.

Нам неизвестно, по какому признаку одни люди покинули пределы Киевской Руси, а другие остались в ней. Но вот тот, кто остался в Древнем Киеве и впоследствии сделался представителем украинского народа, сполна отведаль весь кошмар чужеземного насилия. В самом общем виде хронология надругательств и глумлений над жителями только города Киева выглядит так:

В 1240 году Киев был дотла сожжен и разрушен ордами Батыя. Почти все население города было вырезано, не жаловали ни стариков, ни детей, ни женщин.

В 1362 году Киев был завоеван, в полном соответствии с варварскими нравами тех лет, великим княжеством Литовским.

В 1482 году Киев опустошило войско крымского хана Менгли Герая.

В 1569 году произошло очередное покорение Киева и переход его под власть феодальной Польши.

В 1651 году Киев пережил жесточайшие разрушения от польско-литовского войска под предводительством Яна Радзивилла.

И это все только крупные, глобальные потрясения многострадального града Киева. Кровь же поруганного народа все это время

лилась непрекращающейся рекой. Надо же понимать, что более чем за четыре века, вплоть до семнадцатого, в Киеве не было отстроено ни одного православного храма, не появилось ни одного сколь-нибудь приметного архитектурного или иного культурного памятника.

Все древнерусские святыни в течение этого долгого периода подневолья, лежали в руинах, руки не доходили даже до восстановления Десятиной церкви – первого христианского храма, сооруженного самим благоверным князем Владимиром. Так случилось не потому, что люди были негодие, в отличие от тех, кто покинул родной Киев и создал великую русскую культуру. Из этого следует заключить, в каких унижительно нечеловеческих условиях жили, а вернее, прозябали сыны молодой Украины.

Быть может, роковым для украинского народа итогом многовекового иноземного гнета сделалась отвратительная готовность плясать под чужую дудку. Вовсе не важно, из Кремля ли, из Белого дома раздается команда «ап!» – и мы тут же, словно цирковые шавки, выстуниваемся на задних лапках и самозабвенно принимаемся тявкать, до семи ли, до одиннадцати раз, как закажет почтенная публика.

Можно ничего не знать из истории Украины, но глубоко исследовав художественный замысел и драматическую судьбу Софии Киевской – Премудрости Божией, получишь полное представление о тернистом, трагическом пути, пройденном во втором тысячелетии украинским народом. Ибо стены Софии – это наша незабвенная память, наша неизбывная боль, испытывающая и вопрошающая.

Смотрю на Софию Киевскую и невольно наполняюсь думами о бурной деятельности Петра Могилы, имя которого в последнее время поднято на штандартах украинской общественной мысли. Сын молдавских господарей, воспитанный на западноевропейских духовных ценностях, он в полной мере реализовал в Киеве свою энергичную натуру. Будучи на этих землях человеком пришлым, Могила меньше всего заботился о сохранении национального достояния древнего златопрестольного града. Вся его деятельность была направлена на разворот украинского общества от московских палат к европейским

столицам.

Задавшись целью обрубить историческую память народа, запечатленную в камне, Петр Могила своей реформаторской рукой принялся перестраивать архитектурные памятники времен Киевской Руси. Он делал это настолько решительно и активно, что в столице практически не осталось ни одного сколь-нибудь значительного по художественному исполнению памятника архитектуры, которого не коснулись нововведения в форме новоявленных куполов и надстройкой всевозможных карнизиков и фронтонок. Не избежала этой участи и София Киевская.

Я все думаю: что означает намерение перестроить или улучшить памятник культуры? Почему никому не приходит в голову подрисовать в известной картине четвертого богатыря? Или, предположим, подмалевать Сикстинской Мадонне балалайку: пушай развлекается барышня. Но вот переиначить древний памятник архитектуры, чего-то там достроить для красоты или отпилить за ненадобностью, в Киеве считается очень хорошим тоном.

Памятники архитектуры, в особенности времен раннего христианства, были выполнены в таком экстремальном эстетическом режиме, что любое вмешательство, любое прикосновение к их художественной фактуре немедленно разрушает высочайшую гармонию этих гениальных творений. Надо хорошо понимать, что изуродованные памятники культуры отнюдь не безмолвствуют. Они, сделавшись нашим отражением, с лихвой возвращают свой срам и уродуют, необратимым образом деформируют духовный облик людей.

Вмешательство Петра Могилы в конструкцию великих храмов древнего Киева было настолько бесцеремонным и разрушительным, что я иногда задаюсь вопросом: неужели посетители Киевской Софии, без усталости щелкающие затворами фотокамер, не подозревают, что перед ними не уникальный архитектурный шедевр времен Ярослава Мудрого, а его искаженная, глумливая пародия?

Со мною, конечно, кто-то не пожелает согласиться, но я утверждаю, что эти примитивные, абсолютно непластичные, с широкими,

грубыми, балаганными гранями формы куполов, венчающие нынешнюю Софию, никакой эстетической ценности не имеют. И весь соборный ансамбль в данном выражении существует дробно, откровенно неинтересно. Буквально любой его внешний элемент носит случайный, и как следствие, вульгарный характер. По едкому лермонтовскому замечанию, напоминает «помесь черкесского с нижегородским».

Поэтому, когда я стану говорить о Софии Киевской, я все-таки буду иметь в виду тот подлинный, первозданный храм Божий, являвшийся действительно одним из чудес света, столпом нашей национальной культуры. Убежден, пройдет не очень много времени и Премудрость Божия отряхнет со своих священных стен чужеродные облачения, и предстанет пред миром во всем своем непорочном великолепии. Как только в общественном сознании возобладает исконная национальная идея, обязательно придет понимание, что Украине негоже метаться между востоком и западом, а настал час продемонстрировать свою самодостаточность, свое христианское первородство. Вот тогда и восстанет София в своем первозданном облике.

Уже очень скоро заголосят умученного сердца фефронские колокола, затрубят недремлющие вестовые волшебно-го града Китежа. И возвратится на призывный звон благовеста из северных широт, и водворится в своем материнском лоне животворная благодать крещенской мистерии. А у моего народа будет еще большая и благородная судьба.

Нынешняя София Киевская, по внешнему своему облику, не имеет никакого отношения к тому грандиозному храму, который был задуман и воздвигнут нашими предками на днепровских высотах во времена Ярослава Мудрого. Внешне тот, настоящий памятник монументальным своим силуэтом приближался к египетским пирамидам. Начиная от охватывавшей его одноэтажной галереи, храм постепенно нарастал и возвышался с каждым новым ярусом своих куполов и закомар, ритмично устремляясь по наклонной к вершине центрального купола. Этим приемом зодчие обеспечивали трехмерность геометрического восприятия всего сооружения, чем в максимальной

степени достигалось впечатление его цельности и грандиозности. Сегодняшняя София, вследствие позднейших надстроек, с любой точки просматривается плоско, практически в двух измерениях. В результате чего полностью уничтожается гениальный замысел древних зодчих, стремившихся достигнуть перспективной цельности восприятия Божьего храма.

Концептуально, внешняя эстетика Софии Киевской спроецировала на себя культуру скифского Приднепровья. Весь ее внешний облик был предназначен не для демонстрации своей наружной красоты, что характерно для традиционных западноевропейских культовых сооружений, но для подчеркивания великой тайны, хранящейся в ее заветных недрах. Так строили египетские пирамиды, так сооружались скифские курганы – как таинственные сокровищницы и стражи вселенских мистерий, обитающих внутри них. Крытая тяжелым свинцовым листом, курганообразная София имела вид неприступного мавзолея, хранящего вечный покой его обитателей. Таким образом, каждому человеку, прежде, нежели он проникал в храм, внешним его обликом сообщалось колоссальное напряжение ожидаемого чуда, заключенного в его недрах.

Войдем и мы в храм Божий, внутренне повторяя удивительные слова из херувимской песни: «Всякое ныне, ныне житейское, отложим попечение, отложим попечение». Наверное, у всех это по-разному, меня же, однако, невероятно волнуют запахи старинных православных церквей. Эти запахи создавались на протяжении многих веков. Они вобрали в себя неисчислимые слезы и радости неисчислимых прихожан, запахи венчальных свечей и погребальных каждений. Вдохнем в себя этот благодатный, ничем не истребимый запах священной Софии Киевской.

Когда, после сдержанных настроений внешнего облика храма, человек оказывался под его сводами, перед взором совершенно неожиданно открывалось непостижимо яркое по своей палитре и освещенности, набранное разноцветной смальтой изображение святых. Этот перепад тонов и настроений был настолько фантастически резок, что паломник, оказавшись под сводами собора, невольно

испытывал потрясение огромной силы. Контраст между внешней монументальной сдержанностью памятника и внутренней его роскошью действовал неотразимо – он повергал человека в неопи-суемый восторг. Именно в этом состоял стержневой эстетический принцип воздействия древнерусского шедевра.

В те благословенные времена гениальные зодчие были еще и мудрыми психологами, они начинали работать со зрителем уже на подступах к своим бессмертным творениям. Загодя готовили эмоциональный настрой, чтобы в решающий момент нанести сокрушительный удар, поразить в самое сердце. Ничего этого не знал, не понимал, не мог прочувствовать в чужой для себя культурологической среде неутомимый реформатор Петро Могила. Все работы по возрождению Киевских святынь проводились наспех, второпях, руководствуясь заимствованными с римского запада требованиями внешней красоты. Так часто за красивой, размалеванной внешностью иного человека скрывается абсолютно пустая, бездарная личность.

О внутреннем убранстве многострадальной Софии Киевской – Премудрости Божией написана большая литература, в том числе и толковая. Я не стану описывать все великолепие ее благородных интерьеров, остановлюсь лишь на главной святыне, во имя которой, собственно говоря, и сооружался сей великолепный храм.

Вот не могу удержаться, чтобы не привести свидетельство духовного писателя девятнадцатого века Андрея Муравьева, посетившего Софию: «Переступи порог и дохнешь иной жизнью; пусть замкнутся за тобою медные врата западные, и за ними мир: иди все к востоку, к той Нерушимой стене, которая осенила собою Церковь и Русь; и когда в алтаре соборном, на сводах горнего места, встретит тебя, с воздетыми к небу руками, Молитвенница земли Русской, которой еще молился великий Ярославль, – тогда пади пред нею в безмолвном восторге, и выскажи свое сердце, если есть еще слова в такие минуты!».

Центральной персоной Софии Киевской является мозаичное изображение Богоматери Оранты, расположенное над горним местом

главного алтаря собора. С незапамятных времен это изображение именуется христианами Нерушимой стеной. Во всей искусствоведческой и религиозной литературе установившееся наименование трактуется как свидетельство нерушимости святого храма, прошедшего через вековые испытания и, соответственно, как порука нерушимости города Киева. Дескать, доколе стоит в Софии Нерушимая стена, быть и Киеву.

Еще считалось, что всякому, кто хоть раз в жизни взглянул на Чудотворную Оранту, провидением сообщалось Небесное заступничество. Я же, однако, сомневаюсь, что создатели этого уникального образа были так уж озабочены судьбой города Киева, ибо все их творческие устремления обращались все-таки к прекрасному Небу. Согласитесь, никакие земные радения не способны мобилизовать человека на создание шедевра подобного уровня.

И вот открываю тайное. Изображение Богоматери на центральной алтарной стене, с ограждающе поднятыми руками, есть не что иное, как нерушимая преграда, стоящая между нами и Царствием Божиим. Приходите в Софию, мобилируйте свое воображение, постарайтесь проникнуть за образ Оранты – и перед вами отворятся чертоги Небесные. Дело в том, что Пресвятая Богородица, даровавшая миру в непорочном зачатии Иисуса, пребывает как бы на рубеже – между Богом и человеком. Она связывает наше земное бытие с предвечностью Божией. Однако заглянуть в Царство Небесное из этого грешного мира весьма затруднительно, подчас невозможно. Здесь требуются усилия высочайшего духовного напряжения, по плечу только избранникам Божиим – праведникам, религиозным святителям. Вот и названа была Софиевская Оранта Нерушимой стеной.

Если хорошенько поразмышлять, фактически все великие памятники цивилизации являются своеобразной нерушимой стеной. Ибо все они пребывают на сопредельности с потусторонним миром. Не только гробницы фараонов и скифские захоронения, но и улыбка Джоконды – это ведь тоже своеобразная нерушимая стена, которую возвел гений Леонардо между тайной бытия и небытия. И я рискну утверждать, что из всех памятников мировой культуры, по своей

эмоциональной и эстетической напряженности, Софиевская Оранта не имеет себе равных. Говорю об этом вовсе не под влиянием местечкового патриотизма, но исключительно по здоровой оценке художественных достоинств мозаичного изображения Софиевской Оранты.

В сердце храню надежду, что мой рассказ о Премудрости Божией пригласит к размышлению всех, кому действительно дороги историческая память и судьба нашего народа. Ведь надо же когда-нибудь разобраться, какие злые силы смутили и вынудили миллионы людей отказаться от истинного почитания своей главной Заступницы. Даже трудно вообразить, до чего же немилосердно распорядилась жизнь, если из памяти народной напрочь вышибло духовное и смысловое значение даже самых первых его святынь.

СФИНКС - ГЕРБОВЫЙ ЗНАК ЯЗЫЧЕСТВА.
ХУДОЖНИК В.А. СОЛОМАШЕНКО.

1955 ГОД

Между тем жизнь идет своим чередом. Река времени стремительно влечет в водовороты новых, подчас нечаянных событий, плещется еще неизведанными радостями, лукаво манит, дурманит предчувствием грядущих восторгов и разочарований. У древних греков, наших духовно-религиозных наставников, на самом деле существовала река времени, и называлась она «Лета». В языковой транскрипции славян периода Киевской Руси, как мне представляется, это наименование слышится благозвучней. «Альта» – говаривали наши предки. Река с таким чарующим названием была и у нас; она протекала в предместьях Киева, по территории нынешнего города Борисполя, и считалась любимым местом уединения многих русских князей. Там, под сенью раки, в тиши неспешных вод, они погружались в раздумья о своей непростой доле, о грядущих путях процветания дорогого сердцу отчества.

Там же, в Борисполе, на берегах самой милой сердцу реки, принял смерть от предательских рук святой князь Борис, любимый сын благоверного Владимира, которому он завещал золотой киевский престол. Здесь же, при Альте, великий русский князь Ярослав, поддерживаемый новгородскими дружинами, сразился с печенегами. То была величайшая по масштабам и кровопролитию битва. Ярослав овладел стольным градом Киевом и положил конец бессмысленной братоубийственной войне. Позже, на этом трагическом, должно быть, священном для нашего народа месте поставили храм Божий во славу убиенного князя Бориса.

Когда киевский владыка Владимир Мономах почуял близкий час своей кончины, он велел отвезти себя на берега реки Альты и представил Господу душу на месте убиения обожаемого князя Бориса, прямо под стенами церкви на крови. А еще позже люди повергнут, уничтожат сей знаменательный храм, вытравят из памяти народа само место нахождения этой величайшей национальной святыни. Вот такие мы, скажем прямо, очень интересные, оригинальные ребята.

Стоит ли после этого скулить, негодовать по поводу неуважительного отношения к себе иноземцев, если и себя-то толком ни ценить, ни беречь не умеем?

Летом одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года родился меньший брат мой, Сергей. Как только стало известно о рождении брата, папа на радостях помчался в ювелирный магазин и купил для мамы золотые, с золотым же браслетом, часы. По тем временам, прошу заметить, воистину королевский подарок. В этот же день, с необъятным букетом любимых маминых роз и дюжиной шампанского для медперсонала, папа поехал в родильный дом, чтобы поздравить супругу и вручить золотые дары.

Об этом не очень приятно говорить, но и молчать не хочется. Через некоторое время родильный дом, в котором появился на свет Божий мой брат, зачем-то переименовали в дурдом, то есть открыли там психушку. Теперь многие из моих земляков, луганчан, говоря о месте своего рождения, должны предостерегать собеседника: дескать, это случилось еще до того, как помещение окрасили в желтый, специфический цвет. Вот такое хамское, такое паскудное отношение к судьбам, к памяти людей, возможно, было только в нашей стране, где на каждом заборе висел здоровенный транспарант с напоминанием: «Все для тебя, советский человек!».

Наступил долгожданный день, мы уселись в легковой автомобиль и отправились за семейным пополнением. Бабушка Ксения, загодя, разостлала на большой кровати свою старинную лисью шубу, в которую первым делом полагалось завернуть младенца, для счастья. Братишка удался на славу. Весом более пяти килограмм, симпатичный, подвижный, смешливый, с хорошим пищеварением и богатырским сном. У мамы оказалось так много молока, что она имела возможность делиться с соседкой, не имевшей грудного питания для своей малышки. Фактически, мама выкармливала сразу двоих детей. Ходить к соседке с бутылочкой маминого молока считалось для нас, детей, хорошей удачей, потому что без пары шоколадных конфет никто домой не возвращался.

В мою постоянную обязанность входило кормление младшего брата фруктовым соком. Папа пробуравил напильником в стеклянном пузырьке небольшую дырочку, чтобы не залипала соска, и я терпеливо поил родного карапуза. Помню, каких усилий стоило удержаться от соблазна отведать вкусного сока, но я держался изо всех сил. В девятилетнем возрасте для меня не оставалось секретом, откуда появляются на свет божий люди. Видел маму в положении, живот у нее был очень велик. Когда смотрел на сосущего яблочный сок брата, сердце сжималось от жалости. Потому что я постоянно соображал: ну как же он находился в мамином животе? Мне все казалось, что брату в темноте было очень страшно, и жалко становилось его до слез.

Брат вырос. В советские годы работал зубным техником, теперь занимается бизнесом, весьма успешно. Настолько успешно, что в середине девяностых обокрал мою семью до последней нитки. Великим нефтедауном он, по счастью, не сделался, может быть рылом не вышел, но автозапчастями на Питерских рынках торгует довольно бойко.

В последние времена обыкновенная процедура деторождения принимает подозрительно уродливые формы. Возникают какие-то, доселе не слыханные фигуранты в этом, в общем-то незамысловатом действии. Чего стоит одно только название «суррогатная мама», за которым, в соответствии со здравым смыслом, неминуемо следуют «суррогатные дети». Нормальное зачатие человеческой жизни является актом божественным, хотя бы потому, что освящается любовью, высочайшим эмоциональным всплеском, апофеозом чувственного естества. Если мы всерьез полагаем, что человек сотворен по образу и подобию Божию и что Бог есть любовь, то порука нашего богоподобия закладывается в годину зачатия, именно под знаком любви.

Об этом не худо было бы помнить будущим родителям, которые иногда торопятся пройтись по всем кругам земного ада, а потом ищут панацею в суррогатных упражнениях. Невозможно без внутреннего содрогания видеть на телеэкране различные медицинские агрегаты для искусственного сохранения недоношенных, недоразвитых, неполноценных малюток. Подается вся эта чудо-техника как

высочайшее достижение цивилизации. В связи с этим вспоминается забавный анекдот, по которому «армянская молодежь сама себе создает разные трудности, чтобы потом мужественно их преодолеть».

Между тем в пору языческого прошлого наши пращурьы относились к рождению детей предельно ответственно. Когда молодые люди вознамеривались обзаводиться ребенком, они брали меховые полости, полагали их на свежевскрытую пашню и всю ночь, под звездами, занимались любовью. Великое таинство зачатия новой жизни происходило в соитии с плодородием матушки-земли, да еще под звездным благословением. Нельзя не склонить голову перед мудростью и деликатностью наших предков в ответственнойшем деле продолжения рода человеческого. Они оформили, сохранили и передали нам уникальный генетический фонд, с невероятной жизнестойкостью. Этот драгоценнейший их дар мы варварски разбазарили фактически за три-четыре последних десятилетия, и похоже, что невосполнимо. Как тут не посокрушаться о диких нравах наших далеких пращуров!

На тысяча девятьсот пятьдесят пятый год приходился десятилетний юбилей Дня Победы. Вероятно, самый необычайный юбилей в ряду следующих круглых дат от девятого мая. Дело в том, что отношения с Великой Отечественной у Никиты Хрущева не сложились. Война не оставила в его биографии яркого, героического следа. Как главный рулевой республики, кукурузный Никита нес негласную ответственность за позорные провалы на украинских фронтах. Воякой-то он был известным. В академиях, как повелось с чапаевских времен, штаны не протирал, но членом военного совета был и генеральскими погонами забавлялся. Отстоять Украину, в первые месяцы войны, у руководства страны Советов объективных шансов не было, однако преступные просчеты с окружениями на собственной территории, унижительные сдачи пленными сотен тысяч боеспособных людей – это все результат «мудрой» стратегии партийного руководства. В итоге Никита окончил войну без дежурной звезды героя, что, по его положению, равносильно наказанию.

По этой-то причине очередной ленинец недолюбливал

соратников в галифе и на всяких торжества по случаю Дня Победы чувствовал себя как татарин на чужом пиру. Вот где-нибудь на скотферме или на колхозном поле в соломенной шляпе да с початком лохматой кукурузы в руках Никитка смотрелся исключительно органично. Ему бы, по-хорошему, приладить свое рыло где-нибудь кладовщиком при колхозном амбаре – щупать в потемках баб, обвешивать под шумок мукой зазевавшихся просителей и благополучно дожидаться старости, не гневя по-крупному Всевышнего. Так нет же, понесла дуралея нелегкая в умопомрачительно-звездный кремлевский залет.

Хрущев, более чем кто-либо другой, хорошо знал настоящую цену праздника Победы. Как и во все времена, отсутствие цены на человеческую жизнь сделалось главной трагедией для нашего народа в этой страшной мировой бойне. Дайте срок, он припомнит генералам весь их победоносный кураж, восстановит статус-кво. Доберется до самого Жукова, исполнит ему «куцен-бацен», невзирая на все его четырежды геройства, – это вам не какой-нибудь танец с оглоблями под звон щитов камуфляжных гладиаторов.

Кроме прочего, в массовом сознании понятия Сталин и Победа слились нераздельно, фактически они сделались синонимами, весьма раздражавшими строптивного Хрущева. Он-то предвидел безошибочно, что генералиссимусу недолго красоваться в мраморной неприступности мавзолея – надо же и честь знать. Акция по изъятию мумии вождя была предопределена, но провести ее требовалось деликатно, очень мягко, не возбуждая ревности фронтовиков и, разумеется, не пороча девственной чистоты, сами догадайтесь, какой целомудренной партии.

Нечто подобное происходит сегодня с другой, самой главной мумией. Вроде бы пора и ей честь знать, но явно не хватает энтузиазма, недостает у застрельщиков пороха. Грозен, опасен, непредсказуемо своенравен Ильич даже в своем одиноком затворничестве. И уж будьте уверены, предрекаю: хлопот еще предстоит с этим парнем не на одно поколение. Потому что слишком уж сладок, заманчив призыв для ничтожества, для посредственности – быть равным, как все.

Принято думать, что самые интересные события происходят в столицах, при больших каменных дворцах. Ничуть не бывало, поведаю вам. Вся эта чехарда со сталинскими перезахоронениями не идет ни в какое сравнение с манипуляциями покойниками на местах. Во времена становления Советской власти в Абхазии был отравлен, по высочайшему распоряжению, один популярный политический деятель, славно потрудившийся за правое дело. Ему закатили роскошное прощание с захоронением в центральном городском парке Сухума.

По прошествии недолгого времени выяснилось, что усопший товарищ не очень верно ориентировался по линии партии, за что был изъят из шикарной могилы и немедленно переведен в более прозаические ландшафты. Этим кампания не ограничилась, надо же знать Кавказ – там все привыкли делать с размахом. Прямо на месте бывшего погребения соорудили капитальный общественный сортир, для облегчения гуляющей публики. Вот это было настоящее, деловое решение. А в Москве все чего-то там возятся у Кремлевской стены, перетаскивают за уши с места на место, ведь явно недостает фантазии для чего-нибудь экстравагантного. Тогда возникает вопрос: чего кобениться? Не проще ли обратиться к недавнему революционному опыту. Людям на пользу и вождю приятно убедиться, что дело его по-прежнему живо.

Как бы там ни было, но властная вертикаль в стране Советов работала безупречно, официальное отношение к десятилетнему юбилею Дня Победы было сконфуженно сдержанным. То есть вроде бы и праздник, однако без лишнего шухера. В нашей школе, разумеется, организовали торжественную линейку. Пионеров, под кряканье горнистов, выстроили в ряд. Потом, для пущей важности, тарахтели в барабаны и отдавали салют выпучившим остекленевшие глаза ветеранам. Каждый из нас при этом на строгий призыв пионервожатых: «Будь готов!» звонко, с восторгом выкрикивал: «Всегда готов!». К чему готов? Зачем готов? До сей поры одолевают сомнения. А ну как не всегда был готов и вдруг не полностью, всего лишь наполовину?

Орденосные дяденьки делились со школьниками тяжелым

опытом военных лет. С вдохновением рассказывали, какими мерзавцами бывают тупорылые немцы. Стращали их кровожадностью и подлостью. И, конечно, с гордостью вспоминали о своей боевой отваге, о ратных подвигах погибших товарищей.

В недалеком прошлом светлейшие предводители ленинской компартии недоуменно сокрушались: да как же так, почему могучим советским писателям никак не удастся состряпать гениальный роман о Второй мировой войне, подобный тому, что проворно соорудил Лев Николаевич? Бойкого пера секретари союза всех величайших писателей, понукаемые центральным комитетом, отчаянно шевелили короткой мозговой извилинкой и пыжились сотворить нечто толстовскообразное, чтобы всем недоброжелателям в пику и, главное, на века. Им было невдомек, что хорошую книгу о прошедшей войне написать никак невозможно. Потому что у советских людей невероятно куцые, обглоданные, абсолютно не книгоформатные судьбы. Князь Андрей Болконский сделался классическим персонажем вовсе не потому, что доблестно воевал, а более всего и в связи с тем, что за ним стояла великолепная фамильная история, могучая российская культура, с прародительскими традициями и глубинным житейским укладом.

Даже самые известные биографии советских людей сляпаны как детский мат в три хода: быдло, кожанка, расстрел. Жизнь их бессмысленна и скоротечна, сродни пузырям, подпрыгивающим в дождливой луже. Ведь кого ни возьми из когорты наших достославных вождей или военачальников, никогда не поймешь, откуда повывадали на наши головы все эти ретивые парни. За ними никого и ничего, упираешься, как в задницу биндюжника, и толку-то, что он Хрущев или Жуков. Тут, брат, как в трех соснах, шибко не нафантазируешь, не распишешься.

Частенько мне припоминается одна забавная военная комедия. Однажды ночью меня, взрослого уже мужчину, подняли по учебной тревоге в городе Луганске и потребовали явиться в клуб Маяковского, который был определен как место сбора для срочной мобилизации. В актовом зале собралось пару сотен таких же вояк,

как и я. Вдруг на сцену выскочил очень волнующийся, в портупелях, человек и принялся стращать публику. Первое, что он сделал, – это предупредил всех, если, в случае войны, кто-нибудь хоть на минуту опоздает к месту сбора, немедленно будет поставлен к стенке, и даже указал рукой в сторону кирпичного забора.

Между тем в рядах запасников поднялся один чудак и как заорет на весь зал: «Точно такое же мне пообещали вчера на работе. Такой же шустряк посулил: если в начале войны хоть на минуту опоздаю в цех, то буду поставлен к стенке и тоже показал к какой. Так что же мне делать, какой избежать стенки, самому застрелиться, что ли?» Народ покатился от хохота, а красавец на сцене как взбесился: «Я бы такую гадость, как ты, пристрелил бы и войны не дожидаясь». На том и разошлись, удовлетворенные, по домам. Все вместе называлось «плановая учебная военная подготовка».

Когда я старательно кропаю эти строки, народы отметили шестидесятилетие Дня Победы. Прошло уже немало лет, о войне написаны горы книг, которые, за небольшим исключением, носят развлекательный, и, как следствие, поверхностный, а то и откровенно примитивный характер. Естественно, что каждая страна, да и каждый человек, принимавший участие в беспощадной мировой войне, видят ее по-своему. Однако общая направленность освещения военной проблематики строится преимущественно по правилам беседы мудрого папаша с незатейливым крошкой сыном на предмет, что такое хорошо и что такое плохо.

Скажем так, Курская дуга – это хорошо, очень здорово, Бабий Яр – это плохо, совсем отвратительно. И так по всему кровавому сценарию, по всем страницам военной истории. Хотя по сроку давности пора бы уже обратиться к правде о той страшной войне не в системе хорошо или плохо, но в первую очередь с позиции зачем и почему.

Наивно рассчитывать, что человеческая природа может как-то радикально измениться за шесть десятков лет. Немцы, тотально изводившие еврейское население в середине прошлого века, остались тем же самым народом по определению. Жизнь никогда, никого,

ничему не учит – это же элементарная истина. Если мы не найдем в себе мудрости рассуждать о мировой войне спокойно, без эмоционального флера, все, с большой вероятностью, может повториться.

Ответственный разговор о Второй мировой войне невозможно выстроить с помощью политических соплей, наматываемых вокруг пакта Молотова – Риббентропа. Неужели кто-то всерьез полагает, что заплечных дел мастера, несшие вахту у печей Бухенвальда, держали в нагрудном кармане копии дипломатических документов, подписанных министрами. Или кто-то наивно допускает, что люди, оказываясь в окопах под смертоносным огнем, не важно, с какой стороны, могли вести захватывающие идеологические дебаты о затейливых политических раскладах.

Для меня, например, так же как и для будущих поколений, гораздо важнее попытаться выяснить: почему просвещенные немцы беспощадно уничтожали не менее просвещенных евреев? Зачем варварски сгноили миллионы абсолютно беззащитных людей – женщин, детей, стариков? Не для того, чтобы трепетать от радости или задыхаться от горя, но по возможности предотвратить эти «прелести» в будущем.

С подачи Владимира Семеновича Высоцкого мы благополучно разобрались, почему аборигены съели Кука. Оказывается, они решили таким остроумным способом вопросы общественного питания. Но немцы-то, явившие миру Канта, Бетховена, Гёте, они что, вот так же запросто, кровожадности ради, принялись истреблять целые народы? Понятно, что эти кошмарные преступления сопровождались эффективной пропагандой, позволившей опустить цивилизованных людей до готовности совершать несусветные гнусности. Должно быть так же понятно, что никакая пропаганда, никакое теоретическое обоснование не может иметь успеха в образованном обществе без привлечения очень убедительных аргументов, имеющих благодатные исторические корни. И тут нечего скрывать – истоки зла должны быть публично обнаружены, опять же таки во имя грядущего.

Об этом никто и нигде не желает серьезно говорить. Евреи

не поднимают этот вопрос вследствие неподдающихся осмыслению масштабов потерь. Остальные молчат из ложного страха, чтобы каким-нибудь нечаянным образом не обидеть евреев и не вызвать на себя шквал всегда имеющихся наготове обвинений в антисемитизме. Вот так и живем – торжествуем, рыдаем, рвем на себе волосы и не утруждаем себя разобратсья, что же происходило в действительности в середине двадцатого века, что не поделили между собой цивилизованные люди, зачем немцы подвергали истреблению древний библейский народ.

В основе фашистской идеологии – любой, не только германской – лежит упование на национальную исключительность, так сказать, на расовое превосходство избранных. Когда Адольф Гитлер пришел к власти и окончательно уверовал, что в жилах его однопартийцев течет голубая, арийская кровь, он с удивлением обнаружил целую череду претендентов на национальную исключительность, которые также пребывают в иллюзиях относительно особых достоинств своей благородной крови.

Беда, однако, в том, что никакая исключительность в принципе не может мириться с конкурентами, ибо не предполагает наличия еще каких-либо соискателей. Иначе это уже не исключительность, а обыкновенная коммунальная тусовка. Стало быть, все другие исключительности, окромя немецкой, оказались в годы Второй мировой войны обречены.

Нравится это кому-либо или нет, но первыми в ряду претендентов на национальную избранность всегда оказываются евреи. Так уж повелось. Во-первых, о богоизбранности этого народа предостаточно наговорено в Библии. Это не удивительно, ведь книгу составляли сами евреи. Другая, несомненно боговдохновенная книга, Коран, о еврейской богоизбранности безнадежно умалчивает. Во-вторых, и это самое главное, у каждого еврея припасен в памяти длинный список представителей его национальности, которые сделались украшением рода человеческого. Этот список – сущее искушение для желающих раздуть свое национальное превосходство до масштабов кровной, биологической исключительности.

Современный культурный человек является собой продукт общественный. Культура не есть нечто биологическое, присущее человеку по факту его рождения. Известны случаи полного одичания людей, когда они оказывались вытесненными из культурологической среды. Нет ничего плохого в том, что люди гордятся своей национальной культурой и лучшими ее представителями, но при этом необходимо иметь ясное представление о том, что есть действительное национальное достояние.

До Октябрьской революции в Петербургской консерватории вел педагогическую деятельность по классу скрипки выдающийся профессор Леопольд Ауэр. Ауэр оказался в чрезвычайно благодатной музыкальной среде, как раз в период ожесточенного соперничества между представителями «Могучей кучки», во главе с Балакиревым, и консерваторцами, группировавшимися вокруг Рубинштейна. Ауэр примкнул к лагерю консерваторцев. У него завязалась большая дружба с Рубинштейном, Давыдовым, Чайковским. Профессору удалось создать уникальную школу скрипичного исполнительского искусства. Выпускники его класса определили уровень инструментального мастерства на весь двадцатый век – по ним оценивали остальных музыкантов, они сделались мерой вещей. То были Яша Хейфец, Мирон Полякин, Ефрем Цымбалист, Миша Эльман и еще много блестящих имен. Кроме артистичного, виртуозного владения скрипкой, этих людей объединяло еще одно качество – все они были евреи.

Однако в мировой искусствоведческой литературе школа Ауэра рассматривается как выдающееся явление русской музыкальной культуры. И это абсолютно справедливое суждение, потому что все названные талантливые люди были носителями и выразителями русского музыкального мироощущения, они были продуктом той общественной культурной среды, которая вскормила их и вознесла к творческим олимпам.

В нашей стране подозрительно часто любят распространяться о необычайной музыкальной одаренности украинского народа. Мне представляется, что немзыкальных народов не существует по определению. Но вот о чем не худо призадуматься: почему украинская

культура, при наличии таких-то талантов, не сподобилась предъявить миру по-настоящему великого композитора, произведения которого пользовались бы широкой популярностью у серьезных музыкантов? Ведь вы не сыщете во всем мире ни одного уважаемого симфонического оркестра, в чьем репертуаре была бы представлена украинская классика. Происходит это вовсе не потому, что в искусстве существует мировой антиукраинский заговор; просто высокой нашей классической музыкальной культуры не существует в природе.

И это происходит не оттого, что на Украине живут бездарные люди; просто украинская национальная культура до сих пор еще не сумела подняться до уровня общечеловеческих кондиций и создать предпосылки для творчества индивидуальностей мирового масштаба. А такие индивидуальности в стране, несомненно, есть, иначе быть не может. Но для этого, прежде всего, необходимо много учиться, в том числе и уважению культуры иных народов. Бесконечной трескотней о своей музыкальности, о своей европейскости делу, увы, не поможешь, Шопены от этого на свет не появляются.

Некоторые евреи наивно полагают, что Альберт Эйнштейн стал великим физиком исключительно потому, что особенно удачно подвергся обрезанию. Хотя великим-то физиком его сформировала уникальная немецкая национальная культура. Эйнштейну лишь посчастливилось оказаться выразителем той напряженной работы, которую вели передовые европейские умы в начале двадцатого века. Окажись маленький мальчик Альберт где-нибудь на задворках могилевского гетто, мир обязательно пришел бы к теории относительности, но никогда ничего не узнал бы о физике Эйнштейне. Современный Израиль – прекрасная тому иллюстрация, как-то не густо в Телль-Авиве с великими композиторами, учеными, писателями.

Подлинным представителем еврейской национальной культуры по праву считается писатель Шолом-Алейхем или непревзойденный бестселлер на все времена – «семь сорок». Продолжить этот весьма скромный ряд я лично затрудняюсь. Вклад непосредственно еврейской национальной культуры в мировую сокровищницу чрезвычайно скромнен. Его не только невозможно сопоставить с великими

европейскими национальными культурами, о нем даже много распространяться не представляется возможным. Тот необъятный калейдоскоп блистательных имен, который, в простоте душевной, предъясняется многими детьми Авраама как свидетельство беспримерности их национальной одаренности, с неизбежными претензиями на исключительные интеллектуальные национальные достоинства, весьма и весьма проблематичен, если не сказать абсурден.

Невозможно отрицать выдающиеся достижения представителей еврейского народа, их способность ассимилировать в различные национальные культуры и добиваться феноменальных успехов. Но дело здесь не в каких-то богоданных особенностях еврейской крови, а все-таки в уникальности еврейского материнства. Почти все знаменитые евреи обязаны своим успехом родным матерям, их непревзойденному стремлению вознести свое чадо на пьедестал судьбы. Редко какая другая мамаша умеет быть настоящей путеводной звездой, наставницей, хранительницей, оберегом для своих деток. В христианском лексиконе существует много прекрасных определений для величания пресвятой Богородицы, даровавшей миру Иисуса. Заступница, Молитвенница – как только не восхваляют Богоматерь верующие люди, и все эти определения очень органично накладываются на великое еврейское материнство. Наверное, когда-нибудь люди воздвигнут грандиозный памятник еврейской матери от имени всего человечества в благодарность за славных ее сынов, так доблестно потрудившихся во благо цивилизации.

Разумеется, это собственное решение еврейского народа, как позиционировать себя относительно иных национальностей, иных представителей человечества. Однако не следует забывать, что любая исключительность – состояние хотя и приятное, но и очень рискованное. Так что, как торжественно предупреждали нас в школе мудрые пионервожатые, на всякий случай «будьте готовы!».

Я, естественно, далек от намерений скандалить по поводу разделения народов на элитные и второсортные категории. Однако не считаю правильным уклоняться от объективных оценок, опирающихся на веками выверенное восприятие той или иной национальной

общности людей. Иногда бывает достаточно одного прицельного определительного слова, чтобы охарактеризовать подлинное лицо целой нации, выразить его отличительную особенность, что называется, высветить одним ударом кисти.

Положим, для англичанина таким знаковым определительным словом несомненно является «джентльменство». Для китайца – «император». Для француза – «любовь». Для русского человека – «земля-матушка». Для украинца настойчиво просится милое сердцу «сало», хотя значительно серьезнее претендует определение «Богородица». А есть еще «сосиски», «макароны», «ром», «шашлык», «коньяк» и много чего еще. За евреями, как ни ряди, закрепилась позиция «хитрость». Лично я не вижу в слове «хитрость» ничего оскорбительного. Это качество сформировалось в результате извечной борьбы за выживание еврейского народа. На худой конец, понятие «хитрость» можно перевести в щадящую формулировку и определить как «предусмотрительность». Вообще я не понимаю, почему о русском пьянстве позволено высказываться сколько угодно, а вот о еврейской хитрости и жадности обязательно с оглядкой.

Много евреев на исходе прошлого века покинуло нашу страну. Трудно судить еврейское счастье. Никто не знает достоверно, что приобрели эти люди в землях обетованных, но вот наши потери имеют разрушительные приметы. Сужу об этом хотя бы и по городу Киеву. Покинувшие столицу Украины евреи увезли с собой неповторимую культуру, бытовую и профессиональную, фактически моделирующую некий общественный тип, отражающий усредненный портрет жителя большого города. Киевские врачи, музыканты, учителя, торгаши, парикмахеры в массе своей были евреями. Они придавали городской жизни особый подольский уклад, сообщали ей некоторую еврейскую доминанту. Потери города в связи с массовым отъездом евреев воистину невосполнимы. Освободившиеся еврейские вакансии авральным порядком заполнили корифеи безнадежно средней руки, отчего качество городской жизни с неизбежностью опустилось до уровня провинциальной безликости.

Вот не устою от соблазна вспомнить одного из старожил

киевского Подола. Мой старинный товарищ Евтеев Александр жил на Нивках, по улице Салютной. Наезжая к нему из Луганска в гости, я первым делом отправлялся в ближайшую парикмахерскую обслужиться у знакомого мастера, уроженца Подола, еврея по имени Саша. Это не было штатное брадобрейство, но полноценное представление, действие, достойное хорошего спектакля. Саша встречал меня такими картинными жестами и возгласами, что со стороны могло показаться, будто на ваших глазах происходит свидание Тристана с Изольдой. Мастер с поклоном приглашал взойти на тронное место, долго обхаживал со всех сторон, щурил глаз и болтал без умолку. После визита в парикмахерскую можно было покидать Киев со спокойной душой, потому что ты знал все, что когда-либо случилось в этом городе, что есть сейчас и что будет потом на многие годы вперед.

Саша, не торопясь закуривал дорогую папиросу и мягкими пассами начинал править опасную бритву на дюжине различных ремней. На ощупь большого пальца поверял готовность золингеневской стали и требовал подать горячий прибор. Подсобная женщина тотчас же подносила парующие снасти, и мастер начинал священнодействовать. Мылил, пенил подобранное белоснежной салфеткой лицо, словно объяснялся в любви, ангельскими прикосновениями снимал излишки пены с кончика носа и, затаив дыхание, демонстрировал чудеса владения трофейным инструментарием. Потом был с обжигающими компрессами кремовый массаж. Потом прохладное пощипывание непревзойденного одеколona «Шипр» и прощальная улыбка кудесника Саши.

Известно, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Не следует упрощать и представлять историю так, будто пришедший в Германии к власти баварский ефрейтор Шикльгрубер с самого начала своей политической одиссеи замышлял глобальную мировую бойню. Вот ведь удивительно: почему-то многие вожди-злодеи предпочитают отказываться от своих родовых фамилий и переходят на зоологический язык кличек. Главное дело, в корне настоящей фамилии Адольфа Гитлера затаилось созвучие «шикль» – право же, удивительно перекликается, едва ли не вытягивает на еврейский «шекель».

Увертюра к кровавой вендетте фюрера отзвучала вполне пристойно. Намерения и обещания рейхсканцлера были весьма благородны, ориентированы на социальную справедливость, полны забот, как принято говорить, о рядовом человеке.

С давних времен люди стремились держать на собственном подворье породистую живность, иметь под седлом крепкого скакуна, растить урожайные нивы. Жизнь оформила умение отбирать и выращивать элитные породы или сорта сельхозпродукции в науку о селекции. Современного человека не удивит сногшибательной стоимостью породистого голландского бугая, потому что вырастить знатного производителя – дело тонкое и дорогостоящее, хотя и вполне рентабельное.

Естественно было задуматься: если люди прилагают столь затратные усилия для выведения элитного поголовья буренок и кроликов, почему бы не обратить внимание на собственное несовершенство и не попытаться улучшить человеческую породу? Рассуждая подобным образом, некто Фридрих Ницше пришел к «счастливой» идее о необходимости становления сверхчеловека, фактически о селекции элитарной личности. Вот, собственно говоря, с какой, вроде бы научно обоснованной затее начинался обыкновенный фашизм. Оставалось лишь перебросить мосток от одного совершенного экземпляра к единственной совершенной нации, и дело оказывалось в шляпе. Потому что немедленно возникал нериторический вопрос: а что делать с остальными, беспородными нациями, хотя бы и на предмет неправильной формы черепа?

Человек устроен таким образом, что его восприятие внешнего мира всегда носит персональный характер. Мы видим и слышим не то, что объективно окружает нас, но только и именно то, что в состоянии видеть и слышать в данный момент. Когда разنوет зуб или одолеет головная боль, картина внешнего мира приобретает надлежащий колорит, соответствующий душевному расположению. Хорошо заметил поэт: «Гвоздь у меня в сапоге кошмарнее, чем все фантазии у Гёте». Когда на сердце легко и жизнь удалась, окружающий мир опять-таки отвечает настроению и видится преимущественно в розовых тонах.

Юрия Гагарина, мужчину, надо полагать, безукоризненно здорового и лучезарного, меньше всего беспокоила мысль о человеческом несовершенстве, о необходимости улучшения породы людей. Фридрих Ницше хотя и был человеком талантливым, но очень нездоровым. Он умер от сухотки спинного мозга, то есть от хронического заболевания нервной системы как следствия позднего проявления нехорошей венерической болезни. Психические патологии, несомненно, сопровождали по жизни Адольфа Гитлера. Парнем он был тоже одаренным, знал толк в высоком искусстве – имея замечательный голос, прекрасно пел, великолепно рисовал. Сталин от рождения был уродцем, с целым комплексом физических недостатков. С детства пытался подвизаться на ниве духовного служения, самозабвенно любил театр, мог часами, по памяти, декламировать высокую поэзию.

Разумеется, для этих ущербных, физически неполноценных людей мир виделся прямо-таки болезненно несовершенным, вызывающим благородные порывы заняться его исцелением. Никому из них в голову не приходило обратиться к себе, навести порядок в пределах собственной шкуры. Но вот устроить профилактические работы по оздоровлению населения планеты, а кое от кого и вовсе избавиться – казалось делом крайне необходимым, абсолютно гуманным.

Все беды на земле от безбожия. Верующий человек принимает жизнь, окружающий мир как абсолютную данность, в которой ничего не следует улучшать или ухудшать, разве только себя самого сделать немного чище, достойней радения Божия. У атеиста дела обстоят значительно сложнее. Если собственная жизнь складывается комфортно, окружающий мир принимается в его существующем виде. Если же в личном плане возникает неудовлетворенность, атеист заявляет во всеуслышание: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться». Взбунтовавшийся человек не желает задуматься, что никуда он не пришел, что жизнь человеческая есть священный дар Божий. Ведь не сами же мы назначаем себе право присутствовать в этом неопишимо прекрасном, бесконечно совершенном мироздании. Тогда, на подмену промысла Божьего, выступает дьявольская гримаса нашего тварного естества, вплоть до нелепой самооценки своего родства с

обезьяной и, как следствие, возможности соответствующих поведенческих норм, вплоть до проведения селекционных работ, по аналогии с разведением кроликов.

Германский народ состоит из очень ответственных, трезво мыслящих людей. Развязывая Вторую мировую войну, немцы свято верили, что несут европейским народам благо. Советские, в сущности, миролюбивые люди так же сулили Европе благо, разумеется, в собственной, марксистско-ленинской редакции. Не говоря уже о том, что сами европейцы имели и свою точку зрения на предмет личного блага. Вот ведь в чем основная коллизия Второй мировой. Столкнулось так много благожелателей, что угрохали чуть ли не сотню миллионов ни в чем не повинных человеческих душ.

Когда-то я спрашивал своего крестного дядю, фронтовика: страшно ли было убивать людей? Он удивленно вскидывал очи и говорил: «Каких людей? Я же убивал немцев». Когда бы мой дядя Павел знал музыку Вагнера, если бы он, как и я, не представлял жизни без сонат Бетховена, он все равно бы, конечно, воевал, но на мой вопрос, быть может, попытался бы ответить содержательнее. Наверное, и многие немцы, если бы они видели Покров на Нерли и читали «Старосветских помещиков» Гоголя, как-то более избирательно обращались с прицелами. А быть может, все гораздо проще – стреляли бы и те, и другие, так же азартно и весело, но мне никогда не понять эту готовность миллионов людей подниматься на убийство себе подобных. Даже в царстве зверей, на очень большом удалении от Библии и Корана, не бывает примеров кровожадности, сравнимых с теми, которыми полна наша история.

Если опять-таки обратиться к далеким, варварским, как представляется иным современникам, временам, то наши предки воевали следующим образом. Человек брал в руки меч или копье и выходил в поле, чтобы сразиться с таким же вооруженным противником. Воины сходились, видели друг друга в лицо, имели возможность просить пощады, наконец, могли не ввязываться в сражение, разворачиваться и бежать восвояси.

Но вот что мне интересно: американский летчик, который нес в чреве своего самолета увесистое благо для японцев, он что, намного гуманнее, цивилизованнее наших диких предков, если одним только нажатием кнопки стер с лица земли сотни тысяч никогда не знавших, не видевших в лицо, не причинивших ему никакого вреда людей? Причем все эти жертвы были лишены выбора и шанса на выживание, их никто не спросил – желают ли они, готовы ли воевать с американским народом. Невольно задумываешься, так ли уж принципиально отличаются подвиги американских военных летчиков, бомбивших Японию, от безумства гражданских парней, направивших пассажирские «Боинги» в наполненные живыми людьми небоскребы. А если быть уж совсем до конца последовательными, то, с точки зрения личной доблести исполнителей этих кошмарных злодеяний, поступок американских летчиков является просто вершиной возможностей человеческого паскудства.

Если внимательно посмотреть на политическую карту мира, можно заметить, что каждое государство в пределах своих границ окрашено собственным цветом. Из этого, в частности, следует, что каждый человек, будь то президент великой страны или рядовой гражданин, должен хорошо понимать, что он имеет моральное право сеять разумное, доброе, вечное только в пределах границ своего государства. Все равно как на своем приусадебном участке можно выращивать клубнику, кукурузу, ананасы, но не сметь шустрить с мотыгой на соседских грядках. Это единственно возможное условие мирного, добропорядочного сосуществования на Земле всего многообразия народов.

Как только кому-либо, под любым предлогом начинает казаться, что на соседской усадьбе вместо баклажан не худо бы развести чечевицу, начнутся серьезные проблемы. Сразу для всех – и для тех, кто сильно умен, и для тех, кто не очень. Потому что если факел на статуе Свободы начинает падать от несварения иракской нефти – жди беды, обязательно разгорится большая пламя по месту жительства этой благороднейшей леди.

1956 ГОД

В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году произошло событие, определившее очень многое в моей дальнейшей судьбе. Внешне оно выглядело весьма заурядно. Папа принес с работы несколько почтовых марок, наклеенных на конверты для служебных переписок. Он научил меня отпаривать над носиком кипящего чайника эти симпатичные зубчатые картиночки. Научил закреплять почтовые марки на специальных бумажных язычках в альбоме для рисования. Одним словом, посвятил и приобщил к когорте коллекционеров.

Собирательство редкостей стало на всю жизнь моей второй натурой. Я уже никогда не расстанусь с волнующей страстью прикасаться к вещам, несущим на себе память прошлых лет. Никогда не устану, не пресыщусь испытывать несказанное удовольствие от прикосновения к изделиям, хранящим следы художественных и ремесленных вдохновений, сотворенных руками знаменитых и неизвестных мастеров.

За долгие годы чего только не перебивало в моей собственности. Я имел редчайшие, античные, византийские золотые солиды. Обладал драгоценнейшими царскими наградами, выполненными по заказу придворными ювелирами фирмы «Эдуард». Я владел уникальными картинами, иконами, скрипками самого высокого достоинства – всего не перечесать. Никаких слез не хватит, чтобы вспоминать и печалиться обо всех антикварных раритетах, прошедших через мои руки.

Всякий бывалый коллекционер проходит в своем развитии, если, конечно, проходит, три четко обозначенные стадии. На первых порах он руководствуется некоторым общим интересом, по избранной для себя тематике. Ему доставляет наслаждение сам факт обладания вожаделенным предметом, приносит удовлетворение осознание расширяющегося кругозора, непременно сопутствующего любому собирательству.

Следующая ступень – и она абсолютно неизбежна – связана с предпринимательским соперничеством и вовлечением в материальные страсти, кипящие вокруг хождения раритетных вещей. Здесь иногда фигурируют серьезные интересы, сталкиваются амбиции маститых коллекционеров и довольно значительные суммы. Во всем мире торговля антиквариатом – это целая индустрия, и каждый собиратель, в разной степени, причастен к ней. Чем значительней, масштабней ценитель старины, тем больше оборотных средств запущено в его деятельности. Финансовые дразги непредсказуемы, здесь все как в любви: от успеха до разочарования один только шаг.

Но есть еще высшая, третья ступень, которую достигают редкие магистры антикварных дел. Это удел избранных. Я имею в виду знатоков, истинных жрецов, хранителей древностей, которые умеют читать, постигать духовную сущность раритетов. Такие люди способны входить в тонкую связь, сожительствовать с уникальными вещами. Они понимают сокровенную суть мистической жизни рукотворных изделий, могут угадывать их настроения, намерения, способны понимать и уважать их непреклонную волю. От этого возникает несказанное наслаждение, томительное, ревностное, всепоглощающее.

Из школьных лет мы выносим убеждение, будто видимый мир делится по двум признакам – на одушевленные и неодушевленные предметы. И вроде бы между этими двумя категориями не существует никакой очевидной связи. Такое примитивное разделение окружающего мира, в духе вульгарного материализма, формирует абсолютно неверное, уродливое отношение к жизни. Потому что в действительности мир Божий един и неделим. Более того, вокруг нас существует огромное количество необыкновенных, мистических, особо одухотворенных предметов, способных оказывать на людей колоссальное живое воздействие. К ним относятся, в первую очередь, подлинные произведения искусства.

Когда талантливый человек создает то или иное художественное произведение, он вкладывает в него свое вдохновение, некоторую индивидуальную творческую энергию, попросту говоря, переносит частичку собственной души. У очень талантливых, гениальных

создателей щедрость души, воплощенная в их творениях, может обрести убедительность и силу необыкновенную. Вышедшие из рук больших мастеров, одухотворенные изделия несут на себе неотвратимые знаки собственной кармы, они могут заключать счастливую или трагическую судьбу. Поэтому, вступая в интимную связь со своими обладателями, становятся их жизненными партнерами, а иногда и противниками. Если какой-нибудь случайный, неопытный человек попытается неловким способом завладеть подобной одухотворенной вещью, да еще и навязать несвойственную данному предмету судьбу, он будет раздавлен, уничтожен творением мастера.

Это только начинающему собирателю приходится гоняться за раритетами. Он рыскает по блошиным рынкам, тусуется на специальных сходках старьевщиков в надежде на встречу с нечаянным антикварным чудом. Опытный же маэстро спокоен и терпелив, он знает наверняка, что серьезная вещь сама выбирает для себя хозяина, сама комбинирует выбор, может затаиться до срока, потом выкинуть совершенно непредсказуемый фортель, прокладывая свою персональную судьбу. Сколько раз случалось: идешь по следу, кажется, что вот-вот, остается последнее усилие и желанная вещь окажется в твоих руках. Но происходит какой-нибудь невообразимо непредсказуемый канкан – и добыча навсегда ускользает от тебя. Так иногда на рыбалке: у самого берега подцепленный на крючок карась делает какой-то замысловатый пируэт и моментально скрывается в спасительных водах.

Я знаю массу различных случаев, когда рукотворные вещи оказывались сильнее живых людей, навязывали владельцам свою непреклонную волю, а бывало, что и расправлялись с ними. Дабы не выглядеть голословным, приведу из своего личного опыта какой-нибудь поучительный пример. Почему, собственно говоря, только один пример? Расскажу для верности два-три интересных приключения из моей обширной коллекционной практики. Наверняка это будет занятно, а для кого-то и назидательно.

Как-то в начале девяностых, живя в Киеве, я по привычке заглянул в антикварный магазин, что находился на углу пересечения улиц

Красноармейской и Саксаганского. Любители старины со стажем отлично помнят этот магазин; его уж нет, а жаль. Вернее, магазин-то есть, но продают в нем теперь обои да унитазы.

Едва переступив порог антикварного торжища, я не просто увидел, сердцем почуял присутствие настоящего раритета. Достаточно было мимолетного взгляда направо, в сторону, где обыкновенно выставлялись на продажу иконы, чтобы увидеть необыкновенной чистоты и убедительности изображение Покрова Пресвятой Богородицы. На стене, за прилавком, красовалось исключительного достоинства, как по качеству исполнения, так и по редкости содержания, подлинное произведение искусства. На большеформатной, мощной, благородного дерева доске был изображен издавна почитаемый христианами образ Божией Матери. Уникальность раритета обуславливалась безупречной зрелостью вкуса, твердостью руки мастера. Икона поражала необыкновенной гибкостью обыгрывания голубых тонов, превалирующих в палитре художника и являющихся в церковной идеологии цветом Богородичного чина. К тому же это было крайне редко исполняемое явление Богоматери донским казаком в Августовских лесах, что связано с реальными историческими событиями.

В годы Первой мировой войны российские войска несли тяжелые потери на территории Польши. Однажды в Августовских лесах отбившаяся от войск донская казачья сотня, после долгих преследований неприятелем, угодила к концу дня в окружение. Казалось, что судьба сынов Дона предрешена: с рассветом они будут полностью уничтожены, ведь казаков в плен старались не брать. Всю ночь сотня не смыкала глаз, кто-то молился, кто-то вспоминал близких, люди готовились к принятию смерти. И вот только забрезжил рассвет, перед очами изумленных дончан предстала на облаке, в божественном сиянии, с пречистым Младенцем на руке Небесная Заступница. Казаки, при виде нечаянного чуда, пали на колени, и стали воздавать хвалу Господу за щедрый, утешительный, как представлялось, предсмертный дар.

Наступил рассвет, а неприятель все не давал о себе знать.

Дозоры стали докладывать, что во всем лесу, намного верст кругом, нет ни единой живой души. Казаки заседлали лошадей и тронулись в поход, по направлению к своим войскам. Они вышли из окружения, так и не потеряв ни единой сабли.

Все эти события имели место быть на глазах большого количества обреченных людей, получивших чудесное избавление. Русская Православная Церковь по свежей памяти признала и канонизировала небесное явление Богородицы донским казакам в Августовских лесах. Было утверждено и рекомендовано иконописное изображение происшедшего чуда. Явление полагалось рисовать как бы в двух уровнях. В верхней части иконы следовало изображать стоящую на облаке Божию Заступницу всех христиан, которая в одной руке держит Младенца, другой осеняет небесным покровом войска. В нижней части иконы изображалась разбившаяся лагерем, терпящая бедствие казачья сотня.

Продаваемое теперь в антикварном магазине произведение имело, несомненно, первосписочное происхождение. Возраст иконы выдавало состояние дерева и красочного слоя, но самое главное – на изображении весьма явно проступала рука польского художника. Манера письма, в особенности на лице Богородицы и Младенца, несла на себе все признаки католической иконописной культуры. Это означало, что священный образ заказывали и выполняли непосредственно в Польше, сразу же по факту чудотворного явления Покрова Пресвятой Богородицы. Мне же оставалось только достать из кармана необходимую сумму, пробить чек и принять в свои руки прекрасную икону.

Есть в физике такое понятие, как «торричеллиева пустота», нечто наподобие глубокого вакуума. Мои финансовые возможности, на то время, были близки к этому суровому состоянию. Я недавно переехал из Луганска в Киев, в силу не совсем благоприятных обстоятельств, жил на квартире с женой и девятилетней дочерью. Жил, скажем осторожно, не на широкую ногу. За икону требовалось заплатить, в купонном выражении, что-то около трехсот долларов. Для меня же, что триста, что миллион, не имело большой разницы, денег

не было в упор. Я покрутился вокруг магазина, пощелкал зубами и очень расстроенный отправился восвояси, с полным пониманием, что такая уникальная вещь в магазине долго не задержится.

Между тем покоя я лишился по-серьезному, икона не покидала моего воображения, постоянно напоминала о себе. Неудивительно, что на следующий и еще через день я приезжал в магазин на Красноармейскую. А Богородица все стояла, сияя своей неповторимой красотой, на удалом антикварном торжище. Киев – многомиллионный город, с солидным представительством любителей старины, священников, перекупщиков и, вообще, множеством людей, для которых подобное произведение должно бы представлять горячий интерес, да еще при откровенно мизерной его цене. Казалось невероятным, что такая знатная вещь не находит своего покупателя.

В то время единственным моим источником дохода был ремонт и изготовление скрипок, и я, почти без всякой надежды, приступил к строительству нового инструмента. Дабы продать его и на вырученные деньги купить икону. Затея представлялась утопической, поскольку для изготовления скрипки требовался немалый срок. Тем не менее я настойчиво принялся за дело, но каждый вечер приезжал к магазину, чтобы очередной раз убедиться – на месте ли Богородица. В какой-то из дней продавцы выставили икону в витрину, чтобы она эффектно просматривалась с улицы и завлекала покупателей. Меня эта затея повергла в панику, я был в отчаянии.

Но однажды вечером, когда я приехал к магазину и внимательно всмотрелся в священный образ, меня осенила совершенно спокойная, непоколебимая уверенность, что не следует суетиться, – икона обязательно окажется в моих руках. Бестолковым поездкам был положен конец, и я с удвоенным рвением устремился к завершению работы над созданием скрипки, чтобытаки явиться в магазин с деньгами. Приблизительно месяц я не навещал Красноармейскую, до того самого дня, когда нанял такси, взял чистую простынку и в чудесном расположении духа переступил порог антикварной лавки, даже в мыслях не допуская, что могут произойти какие-либо неожиданности. По предъявлению оплаченного чека, мне с приятной

любезностью завернули икону в беленькую простынку и поздравили со счастливым приобретением.

Радость мою невозможно описать никакими словами. Я снимал очень скромную однокомнатную квартиру. Дочка Ульяна спала на диване, мы с женой ютились на полу, довольствовались матрасом. Икону ставили на ночь возле себя, так же на полу, запаливали лампаду и упивались ее неземной красотой. Мы прожили в Киеве с этой иконой не менее трех лет, она сделалась неотъемлемой частью нашего существования, фактически полноценным членом семьи, а быть может – ее главою. Судьба, как это иногда бывает, заложила очередной вираж, и я, по необходимости, возвратился обратно в Луганск.

За время отсутствия, а это более пяти лет, прямо около моего нового уже места жительства поставили Казанскую церковь, на месте небольшого сквера, где до войны стоял храм Божий, который приглянулся большевикам на предмет «шарахнуть динамитом». Мера цинизма при этом достигла революционного апогея – советские чертяки покуражились вволю. Прямо на месте бывшего алтаря поставили скульптуру горниста, алебастрового краснопузого мальчика при пионерском галстуке и дудке в гордо оттопыренной руке. Скажу по-совести: и мальчика мне жаль, позже с ним расправятся так же беспощадно, как в свое время разобрались с храмом.

Знаменательно, что к вновь открывшейся церкви Казанской Божией Матери приписалось луганское донское казачество. Таким образом, икона явление Пресвятой Богородицы в Августовских лесах оказалась в двух шагах от своего исконного храма, где ей должно находиться по чину и положению.

В Казанской церкви правил службу знакомый священник, отец Николай, человек в высшей степени достойный, и я поделился с ним радостью обладания имеющейся у меня святыней. Батюшка изъявил желание взглянуть на Богородицу. Я дал согласие, и он явился с парой казаков на свидание с донской Заступницей. Войдя в дом, гости обомлели: почтенного возраста казаки, при портупях и лампасах, грохнулись на колени и возликовали, как малые дети, батюшка

в восторге уронил слезу.

После этого визита моя жизнь утратила покой. Казаки принялись «доставать» со всех сторон, любыми путями вознамерились заполучить святыню – просили, увещевали, сулили деньги, грозили судом Божьим и так далее. Я, разумеется, и сам понимал, что подобное духовное сокровище не может и не должно принадлежать одному человеку, но расстаться с Покровом было выше моих сил. Надо хорошо представлять, какое это счастье, какая радость и утешение – видеть перед собой каждую минуту священный образ высочайшего духовного достоинства.

Между тем обстоятельства складывались таким образом, что мне предстояло уезжать обратно в Киев. Увозить явление Богородицы из-под стен казачьего храма представлялось делом сомнительным, что-то внутренне подсказывало о недопустимости подобного шага, и я принял сложное для себя решение – расстаться с Покровом.

За день до отъезда пришел к отцу Николаю и сообщил о своем намерении передать образ в храм. Батюшка ответил, что с великой радостью примет подношение, вот только хорошо бы устроить крестный ход, вынести икону из моего дома с певчими, со всем церковным церемониалом. Я же был непреклонен: икону следует брать сейчас же и без всякой помпы. Священник прихватил с собой бархатную скатерку, и мы отправились за Богородицей. Было делом одной секунды снять со стены образ, завернуть в скатерку, и я даже глазом не успел моргнуть, как батюшка был таков.

Когда я затворил за отцом Николаем дверь и вошел в свою комнату, где в святом углу, среди домашних икон зияло огромное пустое место, передо мною померк свет Божий. Потеря оказалась настолько кричащей и невозполнимой, что в эту минуту я возненавидел себя, отца Николая, казаков, богомольных старух – одним словом, всех, кто имел отношение к Казанской церкви. Чего только не передумал я в отчаянии! Когда домой пришла жена и обнаружила утрату, она молча посмотрела на меня, как смотрят на мерзавцев, подлецов или идиотов. Ночь я, конечно, не спал, маялся, как в судный день.

Утром, перед дальней дорогой, мы с женой поплелись в церковь, чтобы напоследок взглянуть на бывшую нашу икону. Шли, надо полагать, равно как на Голгофу. Что вам сказать, когда я увидел Покров Пресвятой Богородицы, то не поверил своим глазам. Воистину произошло чудотворное преобразование. Богородица лучилась неопишимо живым светом, торжествовала всем своим божественным естеством. Казалось, переночевав в церкви, осуществилась самая заветная ее мечта.

Господи, сказал я себе, ну кем же надо быть, чтобы не видеть и не понимать, что это наверняка один из самых благодатных дней в моей жизни. И как же можно было жалеть и сокрушаться, что моя любимая икона перестала наконец скитаться по свету и оказалась в единственно благоприятном для себя окружении.

Позже, по зрелом размышлении, я в который раз для себя убедился, что подлинное произведение искусства неудержимо в изъявлении собственной воли. Ведь во всей этой истории я оказался всего лишь инструментом, с помощью которого Богородица преодолела путь от антикварного магазина к донскому казачеству. И молю Господа, что у меня достало ума, а быть может еще чего, чтобы не стать поперек воли священного образа и не попасть под его негодующее око.

Впрочем, был в моей жизни случай, когда пришлось на собственной шкуре по полной программе отведать грозную силу настоящего раритета.

Однажды в Киеве ко мне обратился, через общих знакомых, солидный мужчина с предложением купить у него старинную ценную скрипку. Мы созвонились, и я, проявив уважение к возрасту, поехал за инструментом лично. Хозяин принял меня весьма любезно, продемонстрировал действительно интересную скрипку и пригласил отведать хорошего чая.

Надо отметить, что квартира, в которой меня принимали, была тесно заставлена какими-то несуразными вещами, не имеющими друг к другу никакого отношения. Складывалось впечатление, что это не

жилая квартира, а барахолочный развал. Вещей было неестественно много, все старые, собранные без элементарной логики и, в целом, не коллекционные. Тем не менее ощущение интриги ни на секунду не оставляло меня. Пока хозяин гремел на кухне чашками, я, под разными предложениями, перемещался с хозяйкой по квартире, в надежде обнаружить нечто любопытное, щекотавшее мой наостренный нюх. Однако ничего достойного внимания серьезного собирателя на глаза не попадалось. В кухню я явился практически в безнадежном настроении. В самом деле, на какой раритет можно всерьез рассчитывать на наших совковых кухнях?

И вот – век живи, век учись. Именно на кухне, под потолком, на крыше старинного буфета, стоял предмет, который оказался самой крупной моей антикварной добычей. И только ли моей? Понимание истинной ценности этой вещи пришло не сразу, потому что ни о чем подобном я никогда не знал, нигде не читал, ни от кого не слышал. Перед моим взором предстал довольно внушительных размеров, сложной, я бы сказал паукообразной, конструкции старинный керамический сосуд, не имеющий аналогового определения в арсенале моих весьма обширных знаний в области антиквариата.

Представьте себе густо-черного цвета керамическое изделие, центральная часть которого выполнена в форме правильного шара. В верхней части сфера круто переходит в горловину, в нижней – в подставку. Посередине центральной, шарообразной части сосуда изваяны четыре барельефных изображения, имеющие портретное сходство с представителями народов, живущих по разным сторонам света относительно Киева. Если сосуд сориентировать по розе ветров, то на южной его стороне окажется изображение человека с ярко выраженными татарскими чертами лица. На северной стороне, соответственно, изображение человека с чертами представителей северных народов. На западной – представлена еврораса, и только на восточную сторону обращена какая-то фантастическая физиономия в виде конской морды с петушиным гребнем. Кроме того, в верхней половине изделия размещены четыре мощные рукояти, протянутые от верхней горловины до середины сосуда между четырьмя

барельефными изображениями. Рукояти выполнены таким образом, что они могут функционировать как музыкальные флейты. Если сосуд залить водой, поставить на огонь и плотно накрыть крышкой, то образующийся пар, по специально проделанным ходам, начнет продувать рукояти-флейты, в результате чего возникнет замысловатое музыкальное пение.

Обо всем этом я узнал позже, когда появилась возможность увидеть в деле чудесный сосуд. Любопытно, что поющие флейты музыкально точно интонированы по розе ветров. Каждая рукоять, обращенная на ту или иную сторону света, издает звук, отличающийся особыми тембральными окрасами, характерными именно для данной стороны. Но все это обнаружится потом, а пока что я пил чай и как замороженный смотрел на фантастический сосуд.

Было глупо скрывать свое любопытство, и я поинтересовался у хозяина, что это за предмет и откуда он у него. Вот какую удивительную историю поведал хозяин.

В послевоенные годы ему довелось работать учителем и преподавать уроки пения в специальной школе, где набирались знаний и воспитывались дети высшего руководства. Между прочим, и дети Никиты Сергеевича Хрущева. Школа находилась неподалеку от Софиевского собора, напротив пожарной части, в помещении нынешнего посольства Узбекистана. После войны было модно организовывать при школах всевозможные собственные музеи, помню это и по своей луганской школе. Здесь же, в соответствии с исключительностью заведения, местный музей отличался особым размахом и эксклюзивностью.

Уж и не знаю, на счастье ли, на беду, рядом со спецшколой находился Академический институт археологии, который принимал активное участие в жизни школы и, разумеется, в подборе экспозиции музея для венценосных чад. Полагаю, если бы от директора института потребовалось вывесить в том школьном музее собственные яйца, ждать пришлось бы недолго. Услужить-то мы умеем, а уж в приснопамятные сталинские времена – святое дело.

Сейчас невозможно установить, каким образом сосуд оказался в институте археологии, но в школьный музей он попал именно оттуда. Мне представляется, что война – это еще и миллионы кубометров изувеченной, искореженной земли. Вполне вероятно, что сосуд обнаружили где-нибудь на развороченных киевских улицах и, как подъемный материал, доставили в институт. Бог весть. Как бы там ни было, но руководство института отменно постаралось ублажить отпрысков вождей и отдало в музей экспонат, являющийся уникальной ценностью не только для отечественной культуры.

А что же детки? Детки оказались верными наследниками своих коронованных родителей, нет, не зря говорил Платонов: «Естество свое берет». Помните ли, Максим Горький, в своем очерке о Ленине, описывает дикую выходку советских хлеборобов, расквартированных в дни съезда в царских покоях. Когда господа от сохи покинули гостеприимный дворец, обнаружилось, что многие мировые шедевры были использованы ими для отправки своих, как бы сказать поделкатнее, невинных нужд. К расследованию этой милой шутки была привлечена специальная комиссия, которая с недоумением констатировала, что все подсобные службы работали безукоризненно и не было никакой видимой надобности искать альтернативные удобства.

Максим Горький очень верно анализирует крестьянский подход к делу, он утверждает: когда серость видит перед собой нечто возвышенное и прекрасное, она обязательно пытается опустить эту красоту до уровня своего культурного развития, то есть изгадить, осквернить возвышающуюся над ним вещь. Воистину, большевистский подход, когда все на равных.

Дети наших вождей начали систематически гадить в этот величайший памятник культуры. Он до сей поры еще источает из своих недр запахи мочи. В школе возник особый род состязания: каждому из мальчиков хотелось отличиться и первому повеселить публику, с девочками дело обстояло сложнее. Завхоз ежедневно опорожнял оскверненный сосуд, а мальчики, со своей стороны, не дремали, умудрялись не оставлять дядьку без работы. Наконец завхоз не выдержал издевательств и спрятал злополучный экспонат у себя в каморке.

По смерти Сталина, на волне либеральных перемен, спецшколу упразднили, а пай-учеников перевели в обычную школу, что напротив Андреевской церкви. Музей, скорее всего, растащили шустрые хлопцы, а вот с бедолагой сосудом произошла следующая история. Завхоз вынужден был освобождать помещение, и он ни до чего лучшего не додумался, как выбросить памятник на помойку, может и потому, что от него серьезно разило мочо и хозяйственник видел в нем срамное назначение. На счастье, а скорее всего по-другому и быть не могло, перед самой помойкой завхоз повстречался с учителем пения, с которым я пил на кухне чай и который забрал эту вещь к себе в дом. Надо бы низко поклониться доброму человеку.

Следующим владельцем таинственного сосуда оказался ваш покорный слуга. Придя домой, я набрал полную ванну воды и принялся отмывать, отдраивать это фантастическое изделие. Под многолетним слоем грязи обнаружилась довольно живописная картина. Портретные барельефы оказались покрытыми черной поливной глазурью, кроме того, фрагменты лиц были проработаны цветной эмалью. Четыре флейты-рукояти тоже оказались покрытыми поливной глазурью, тогда как сам сосуд имел мягкую, черно-матовую фактуру. Скажу так: уникальное произведение искусства заметно преобразилось.

Несколько дней я пристально рассматривал эту диковину. Ритуальное предназначение изделия не вызывало сомнения, напрашивалась связь с языческой культурой, но мои познания в этой области не позволяли делать какие-либо ответственные предположения. Глубокое, серьезное изучение памятника началось после прямого контакта с его мистической сущностью.

Дело в том, что донная часть сосуда требовала некоторой реставрации, и я разложился вечером на кухонном столе с набором необходимого материала и инструментария, чтобы подлатать днище. Хорошо запомнил первое внутреннее ощущение после того, как принялся зачищать наждачной бумагой места наложения латочек. Неожиданно по всему позвоночнику явственно обнаружил легкое жжение, как будто сработал внутренний теплоизлучатель. Мой

личный опыт общения с подлинными антикварными редкостями указывал, что я соприкоснулся с предметом мистического содержания, именно по ощущению тепла в позвоночнике. Однако оценить степень воздействия данной вещи на мое физическое состояние не представлялось возможным.

По окончании процесса реставрации и приготовившись ко сну, я почувствовал, что со мной происходит нечто неладное. Сначала возникла легкая лихорадка, которая нарастала, и дело дошло до того, что меня стало подбрасывать на постели, как на вибрационной доске. Трусил так, что супруга в панике кинулась вызывать «скорую». Я категорически запретил ей делать это, прекрасно понимая, что никакие врачи не помогут и вопрос заключается лишь в том, хватит ли у меня сил выдержать это испытание. Положение становилось настолько серьезным, что дело фактически шло о жизни и смерти, говорю об этом без всякой бравады. Я несколько раз терял сознание; могу только догадываться, что пережила в эту ночь моя бедная жена. К утру трясучка стала отступать, но неожиданно начала подниматься температура до каких-то невыносимых градусов. Однако во мне появилась надежда на избавление. С рассветом атака начала затухать, и я понемногу впал в забытие. Проснулся к вечеру свежий, вполне удовлетворенный состоявшимся знакомством и полон решимости разобраться с нечаянным приобретением.

Не стану утомлять читателя рассказами о хождениях по библиотекам, музеям, о встречах со специалистами, сделаю лишь короткое резюме. Оказавшийся в моих руках древний сосуд является не чем иным, как языческим идолом. Был в языческом пантеоне один из верховных властителей, именованный Стрибогом. Небесный Бог ветра, в народе его величали «Посвистач». В пользу этого утверждения говорит наличие четырех ликов, смотрящих «на все четыре стороны» и являющихся классическим апотропеем, оберегающим от всякого зла, могущего прийти с любой стороны света. Кстати говоря, фантастической физиономией, изображенной на восточной стороне идола, в виде конской головы с красным петушиным гребнем, оказался «Световид», предвещающий зарю. Разумеется, что и поющие

«на все четыре стороны» рукояти-флейты призваны были бороться со злом, ведь носителями зла считались «злые ветры».

Значительно сложнее оказалась проблема датировки изготовления идола. Нет смысла распространяться о возможных допущениях, скажу лишь о том, что известно доподлинно.

Размеры Стрибога выполнены в полном соответствии с метрической системой русского локтя периода XI-XIII веков. Высота Стрибога тридцать три сантиметра и точно такая же ширина, по самым выступающим точкам. Тридцать три сантиметра, как известно, приходится тремя четвертями древнерусского локтя. Надо иметь в виду, что многие ритуальные вещи той поры были выполнены именно с привязкой к русскому локтю в сорок четыре сантиметра. Например, легендарная вжищская бронзовая арка, найденная близ Брянска и датированная двенадцатым веком, точно расчислена в древнерусских локтевых мерах. Внешний радиус дуги на престольной сени равен половине локтя, внутренний – четверти локтя. Расстояние между опорными подставками равняется целому локтю. Поэтому с точки зрения пространственной метрики моего Стрибога можно датировать XI-XIII веком.

Но вовсе не это главное. Самым убедительным аргументом в пользу того, что ко мне попал настоящий языческий идол, говорит вот какой факт. Мне удалось отыскать человека, весьма известного археолога, академика, в личной коллекции которого находится предмет, развеявший все сомнения. Этот ученый, перед оккупацией Крыма, вывез из одного местного музея небольшой сосуд, высотой около пятнадцати сантиметров, полностью повторяющий моего Стрибога. Сосуд найден во время раскопок поселения пятого века, паспортизован, имеет объективную научную атрибуцию. Назначение этого симпатичного предмета археолог не знал – он полагал, что это курительница.

Дело в том, что на всех четырех сторонах того маленького Стрибога изображен один и тот же портрет. Это обстоятельство затрудняло рассуждать в системе четырехчастного, крестообразного

расположения мистических ликов по географическим координатам. Трудно поверить, но один из портретов, изображенных на моем Стрибоге с западной стороны, абсолютно точно, то есть фотографически точно, соответствует портретам, изображенным на крымском сосуде пятого века. Следовательно, попавший ко мне предмет является не просто выражением свободной фантазии художника, но изделием, выполненным в строгой культурной традиции языческого исповедания. И уже не важно, в каком веке изготовлен мой Стрибог, важно то, что он подлинный по своей религиозной, изотерической сути.

В заключение расскажу, как выглядит Стрибог в деле. Когда в сосуде закипает вода, из флейтовых отверстий – а их восемь штук, по два на каждой рукояти – начинают фонтанировать струи пара и кумир как бы оживает. По мере возрастания парового потока, начинают оформляться явственные музыкальные голоса. На первых порах заманчиво далекие, зазывные, фактически безаналоговые, они совершенно непохожи на привычный окружающий нас звуковой фон. В этих голосах сокрыта, я полагаю, основная мистическая сила Стрибога.

Далее между флейтовыми голосниками затевается своеобразная игра: они то перехватывают исполнительскую инициативу, всегда очень точно интонированную по розе ветров, то неожиданно замолкают все вместе, чтобы затеять очередную магически проникновенную песнь. Однако все это еще только увертюра. В разогретом состоянии Стрибог по-божественному прекрасен и грозен – он шипит, свистит, клокочет. Возникает потрясающая эмоционально-эстетическая панорама, в ней задействованы роскошный внешний вид кумира, богатый звуковой ряд и динамический момент фонтанирующих струй. Зрелище, замечу, не для слабонервных.

Можно только догадываться, какое внушительное психологическое воздействие оказывал Стрибог на наших пращуров-язычников. Люди под его фантастическое пение предавались восторгам, с его помощью изгоняли хвори, устрашали недругов – одним словом, жили под его покровительством. Сейчас Стрибог обосновался при мне, а

может, я при нем. Кто знает? Сосуществуем мы, разумеется, с полным уважением друг к другу, сохраняя собственное достоинство.

Как человек, лично соприкоснувшийся с культовым языческим памятником, я в который раз убедился, что наши упования на некоторое поступательное совершенствование людей от века к веку довольно наивны и призрачны. В абсолютном выражении время не делает нас ни умнее, ни лучше. Подобно тому, как сегодняшний заяц никоим образом не отличается от своих сородичей, существовавших тысячу и более лет назад.

Человечество в своем развитии всегда было и остается самодостаточным и самоограниченным, в любое время, в любой ипостаси. Происходит это от того, что, приближаясь к чему-то и что-то приобретая, мы обязательно что-то утрачиваем, отходим от чего-то очень дорогого и важного. Нелепо, конечно, сравнивать достоинства Благой вести, дарованной нам через Иисуса, с мистическими возможностями Стрибога, но, опираясь на собственный опыт, должен признать, что совместная жизнь с языческим кумиром, в смысле духовной содержательности, не менее интересна и целесообразна.

Данное обещание следует выполнять, поэтому расскажу еще одну, третью поучительную историю из личного опыта общения с подлинными раритетами, несущими на себе духовные знамения творческих дерзаний великих художников.

Однажды, волею всяких судеб, ко мне в руки попала удивительная скрипка. Это старинный инструмент восемнадцатого века, я склонен полагать – саксонской школы, вероятнее всего, вышедший из мастерской известного автора Иоганна Готфрида Гамма. На инструменте отсутствовала авторская этикетка, но возможность ошибки по атрибуции данной скрипки я полностью исключаю.

На этом прекрасно сохранившемся творении большого мастера не весть кем были выжжены на обеих деках, по четырем углам и верхнем и нижнем клоце, зловещие знаки пиковой масти. Очень жирные, глубоко вдавленные символы рока придавали произведению вид весьма мрачный. Когда я впервые прикоснулся к скрипке,

признаюсь, сделалось не по себе. Естественной реакцией было желание немедленно выпустить скрипку из рук. Но надо понимать натуру истинного любителя старины – для нас ведь чем необычайней, тем заманчивей, тем привлекательней.

Первое, что я сделал после приобретения инструмента, – это явился в Киевскую консерваторию к покойному уже профессору Горохову, на предмет обсудить и прослушать старинный инструмент. Надо сказать, что профессор Горохов был человеком многоопытным, долгие годы проведенным в окружении знатных музыкальных инструментов. Прекрасный педагог, он вполне был осведомлен о мистических возможностях этих загадочных произведений искусства. Когда я открыл футляр, Алексей Михайлович даже не осмелился взять в руки лежащую там скрипку. Он в ужасе посмотрел на меня и посоветовал немедленно избавиться от сомнительного приобретения. К этому присовокупил рассказ о хранящейся в московской госколлекции итальянской скрипке, которую вот уже много лет боятся брать в личное владение концертирующие музыканты. Потому что все исполнители, дерзнувшие воспользоваться услугами великолепного инструмента, по скорой дорожке отправлялись на кладбище.

Об этой невеселой истории я впервые услышал из уст профессора Горохова, но лично меня она не очень шокировала. Почти за каждым экземпляром московской коллекции музыкальных инструментов тянется преступный, кровавый шлейф. Все эти произведения, во времена оные, были разбойничьими методами изъяты у прежних владельцев, часто с последним приветом у краснокирпичной стеночки. Я все ожидаю, что когда-нибудь у наших известных исполнителей, играющих на инструментах ценою в тридцать сребренников, заговорит человеческая совесть и они примутся бойкотировать этот музыкальный освенцим. Похоже, история с роковой итальянской скрипкой никого ничему не учит.

Между прочим, услугами подобной коллекционной скрипки пользуется и наш небезызвестный киевский маэстро Богодар Которович, музыкант с очень сложной личной судьбой. В этом смысле есть о чем призадуматься и многим сотрудникам художественных

музеев, выставяющим в экспозициях истекающие кровью настоящих владельцев вопиющие свидетельства былых преступлений. Хороши при этом физиономии директоров всемирно знаменитых музеев, рядящихся в великих гуманистов, всегда прекрасно осведомленных, кому по праву обязаны принадлежать взывающие к правосудию Божию награбленные произведения искусства.

Должен признаться, что меня вовсе не испугали предостережения бывалого человека, напротив, возникло внутреннее расположение к оказавшейся в собственности необычайной скрипке. Уже зловещие символы пиковой масти воспринимались со здоровым любопытством, одним словом, возникло ощущение внутреннего контакта с данной вещью.

Достоинства любого музыкального инструмента в конечном счете определяются его акустическими возможностями. С этой целью я отправился к знакомому концертмейстеру симфонического оркестра Киевского оперного театра, чтобы в зале, в студийных условиях прослушать старинную скрипку.

Через мои руки за долгую практику прошло немало интересных инструментов, в том числе и итальянских кровей, однако услышанное на сей раз откровенно потрясло всех присутствующих в зале. Скрипка обладала очень мощным концертным звуком, при этом тембральный диапазон ее оказался насыщенным такой фантастически яркой палитрой красок, что она буквально физически действовала, волновала ваше нутро. В лирических пассажах звук был настолько теплым и проникновенным, что невольно подкатывал ком к горлу. Когда же исполнение переходило в более решительные формы, зал наполнялся звуками неподражаемой патетики и драматизма. Потрясенный исполнитель Сергей Шот временами невольно прекращал игру и внимательно всматривался в дивную скрипку.

Искушенным коллекционерам прекрасно известно положение, согласно которому иногда попадают в собственность антикварные вещи, от которых невозможно избавиться. Не потому, что художественное изделие не представляет собирательского интереса,

– просто раритет не желает расставаться с вами. Вы будете много раз обменивать, продавать подобную штукуну, а она вновь и вновь будет находить вас. И вот каким-то подсознательным наитием я почувствовал, что эта клейменная скрипка довольно прочно увяжется за мной.

А потому принялся потихоньку забавляться, стал нарочито искать клиентов, дабы сосватать им скрипку и с любопытством наблюдать, каким образом она возвратится обратно. Учитывая уникальные концертные возможности инструмента, я с легкостью находил покупателей, но она невероятно быстро вновь и вновь возвращалась ко мне. Наконец я предпринял решительный шаг и завез инструмент в Крым, на довольно значительное от себя удаление. И вот здесь произошло нечто непредвиденное – скрипка по-серьезному проявила свой характер.

Однажды вечером, примерно через полгода после того, как я расстался с таинственной скрипкой, у меня в прихожей раздался дверной звонок. На пороге я встретил женщину и едва признал в ней крымскую скрипачку, которая сделала владелицей клейменого инструмента. Сказать, что она изрядно постарела, – это значит не сказать ничего. Передо мной стоял абсолютно несчастный, разрушенный горем человек. Она молча разрыдалась и показала свои негнущиеся в суставах, опухшие пальцы рук, под мышкой у нее я признал знакомый скрипичный футляр. Разговор оказался предельно коротким. Я, разумеется, вернул пострадавшей женщине деньги и принял в дом забавную проказницу.

История с крымской скрипачкой заставила посмотреть на дело ответственно, и я прекратил рискованные игрища. Несколько лет не прикасался к инструменту, пока однажды все-таки решился очистить деки от злополучных символов рока, что для скрипичного мастера не составляет большого труда. Последствия вмешательства в энергетику скрипки оказались для меня примерно такими же, как в случае с ремонтом Стрибога, разве только в более щадящем режиме. Сейчас, насколько я осведомлен, скрипка находится в Германии, по-прежнему радует слушателей своим чарующим звуком и, надеюсь,

не доставляет законным владельцам обременительных хлопот.

В заключение этой главы желаю обратить внимание читателей на показательную судьбу великого музыканта Леонида Борисовича Когана. Как известно, вся творческая жизнь маэстро была напроочь связана с наследием легендарного Никколо Паганини. Оба этих несравненных художника, разумеется, играли на скрипках одного и того же непревзойденного мастера. Проникновение Когана в художественную и исполнительскую манеру гениального итальянца оказалось настолько глубоким и органичным, что это даже обусловило одинаковый возраст прожитых ими лет. С большой вероятностью смею предположить, что любой человек, дерзнувший на будущее неловко вторгнуться в эту тончайшую мистическую связь, будет безжалостно уничтожен проведением. К скрипке Леонида Когана следует относиться с высочайшим благоговением и много о чем передумать, прежде чем отважиться прикоснуться к ее струнам.

СТРИБОГ

ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТНЫЕ СТОРОНЫ

1957 ГОД

Своим чередом наступил следующий, опять-таки юбилейный, в сорок лет от штурма Зимнего, тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год. Тщетно пытаюсь развеять розовый флер моего пионерского детства. То ли издержки возраста, то ли коммунистическая бесовщина какая-то, но, право же, вовсе не отложились в памяти внешние признаки проявления социальных неравенств той поры. У нас напрочь отсутствовало восприятие друг друга с позиции имущественного превосходства. Невозможно даже представить, чтобы кто-то из моих одноклассников позволил себе кичиться материальным достатком.

Полагаю, такая атмосфера была повсеместно, хотя в моем случае, справедливости ради, следует заметить, что я учился в необычной школе. В луганской школе номер два учились преимущественно дети большого начальства, проживающего в элитарной части города. Родители моих одноклассников – это все больше директора, партийные боссы, вплоть до первого секретаря обкома, воротилы торговли, золотопогонники.

Нет ничего отвратительней, чем нужда в детском возрасте. Ни за что не соглашусь, будто бедность не деформирует душу ребенка необратимым образом. Никакими разумными доводами невозможно объяснить маленькому человеку, почему у одного все есть в изобилии, в избытке, а у другого только жалкие крохи на общественном пиру жизни. У ребенка неизбежно возникают чувства зависти, обиды, озлобленности – весь комплекс самых отвратительных ощущений, беспощадно угнетающих становление полноценной личности. Поэтому я не очень-то доверяю людям, бравирующим своим босяногим детством. Подозреваю, что у подъездов многих преуспевающих ныне моих соотечественников булгаковский профессор Преображенский поостерегся бы оставить без присмотра свои любимые калоши.

Безмерно благодарен своим трудолюбивым родителям, что лично меня миновала суровая чаша сия. В нашем роскошном

сталинском доме, одном из самых уважаемых в городе, папа первым приобрел новую «Победу», модели М-20. Шикарный по тем временам автомобиль, цвета «беж». Папа первым построил капитальный каменный гараж со смотровой ямой, он и до сей поры благополучно стоит во дворе. Сейчас-то я хорошо понимаю, что иметь собственную «легковуху» означало по тем временам очень многое, было знаком высшего благополучия и доставляло истинное наслаждение.

Чего стоили одни только летние поездки к Черному морю! Машин мало, дороги свободны, заправки, зоны отдыха, придорожные рестораны всегда доступны, в образцовой готовности, без суеты и хамства, готовы предоставить свои услуги. Автомобили ездили тогда не торопясь, скорость движения позволяла полноценно общаться с окружающим миром. Ты успеваешь рассмотреть в открытое ветровое стекло каждую травинку, любую пташку. Можно было свободно, без оглядки остановиться у приглянувшегося озера, у чистой речки, расположиться на отдых, хотя бы и на ночь, порыбачить, разложить костер, слушать музыку, мечтать, любоваться звездами, надеяться и верить, что ты храним на Земле чьим-то добрым радением.

Летом я всегда спал на открытом балконе, прямо над въездной аркой нашего благополучного дома. Удивительно бойко протекала по ночам дворовая жизнь, когда со всей области свозили к начальству продуктовые подношения, дары полей и птицефабрик. Уже по резонирующим в парадной арке двигателям мог догадываться, к какому подъезду и какому слуге народа обломилась гуманитарная помощь в виде бараньих туш, коробков с куриными яйцами, ящиков с вишнями, бидонов с медом. Папаховым мельтонам, дабы те избежали страданий голодающих Поволжья, дармовой харч подвозили в новеньких «воронках», обкомовцам – на черных «волгах», хозяйственникам – на крытых брезентом газиках. Пусть мусора – народ и не самый сентиментальный, но жратва в «воронках», несомненно, заряжалась благородной аурой, что придавало легкую пикантность семейному достатку.

Я категорически не приемлю, когда начинают делить коммунистов на честняг и проходимцев, не желаю слушать байки про истинных

ленинцев-бессребреников и обкомовских злыдней, по-черному опустошавших колхозные закрома. Потому что все коммуняки, все до единого, паразитировали на общественных хлебах, другое дело – в меру отпущенных возможностей.

Страна Советов была устроена таким замысловатым образом, что если вы устраивались работать в гараже обыкновенным водителем, то в зависимости от того, были ли вы большевиком или беспартийцем, возникали, как говорят в Одессе, две большие разницы. Коммунисту немедленно предоставляли лучший автомобиль, выписывались доходные путевые листы, что очень сказывалось на заработной плате. Беспартийцу доставалась какая-нибудь подзаборная колымага, под колесами которой в бесконечных ремонтах и протекал трудовой процесс, с соответствующим денежным довольствием. Так было повсюду, в любой сфере человеческой деятельности. А ведь были еще всевозможные премиальные выплаты, санаторные путевки, пионерлагеря, пристраивание детей в институт, распределительные продажи, и коммуняки при дележе всех этих совковых милостыней стояли в первых рядах насмерть.

В пятьдесят седьмом году произошло событие, значение которого мы все еще до конца не осознаем. Я имею в виду запуск первого искусственного спутника Земли. Потом будет блистательная космическая эпопея с полетом человека по околоземной орбите, с посадкой астронавтов на Луну и много чего еще. Но все это будут прямые свидетельства наших технических побед, результаты свершений научного толка.

Тогда же произошло глобальное тектоническое потрясение нашего вселенского миропонимания. Мало кто в действительности знал, что из себя представляет таинственный спутник, как далеко от Земли летает и где его можно увидеть хоть краешком глаза. Но люди напряженно всматривались в ночное небо и впервые, за всю историю своего существования, искали среди сонма звезд рукотворный маячок земного происхождения. То был колоссальный, прежде всего психологический прорыв в глубины Вселенной. Человечество впервые реально осознало возможность распространения своего

влияния за пределы Земли, к тому же как бы воочию убедилось, что она действительно круглая.

Мне, если верить календарю, исполнилось одиннадцать лет. Я по-прежнему подхожу по ночам к своему любимому окну и вижу все. Вижу площадь, увитую красным кумачом накануне большевистского шабаша. Плещутся на ветру знамена, волнуются портреты вождей, надуваются транспаранты, все вместе голосят революционными призывами. Ночь, площадь пуста, но гордо реет на шпиле «Дома техники», щедро политое кровью моих соотечественников багровое знамя Октября. Спросите, для кого реет? А так, для себя и еще для шельмующей на лишениях своего народа кучке прохвостов, которых судьба отечества и его великая история никогда не касались и не интересовали.

Завтра седьмое ноября – стало быть, в нашем доме развернется большое гуляние. Побойтесь Бога вообразить что-либо худое, праздник состоится в связи с днем рождения моей мамы, так уж случилось. Придет много гостей, соберутся родственники. К этому времени все Дмитриевы перебрались в Луганск, и только бабушка Ульяна осталась доживать свой век в Красном Луче. Но приедет и она, обязательно с дорогим подарком. Строгая, все еще энергичная, так и не разлучившаяся до конца своих дней с памятью прошлых лет.

В ней постоянно присутствовала упрямая надежда на возможность нечаянной встречи со своим мужем. Эта надежда подпитывалась массой невообразимых историй, которых в круговерти войны и азарте сталинских репрессий складывалось невероятное множество. Цена человеческой жизни, по тем окаянным временам, опустилась до таких смехотворных значений, что любой делопроизводитель с легкостью путал фамилии, искажал адреса, не нарочито, по известной славянской безалаберности. Иногда люди получали фронтовую похоронку или лагерное извещение о смерти, а спустя некоторое время давно оплаканный, а часто и позабытый человек возникал перед очами ошалевших родичей. Бабушка дожидалась мужа всегда. Я даже уверен: если бы он постучал к ней в окошко, то встретила бы его так, как встречают супруга с работы или с прогулки. Она ничего

не желала, не смела менять в своей жизни.

В нашей большой семье все дни рождения отмечались обязательным образом, непременно с гостями и крепким застольем. Папин день рождения приходился на тридцатое сентября – это было серьезное семейное торжество, как по значению, так и по размаху. Все понимали, что без папиных именин не было бы ничего и никогда. Увы, время только подтвердило это. По удивительному стечению обстоятельств, многое в моей личной жизни оказалось связанным с этой датой.

Поздравлять маму начинали рано, сразу по завершении демонстрации. Гости приходили возбужденные, слегка разогретые в праздничных колоннах. Папа частенько приводил с собой нечаянных, непредвиденных гостей-сослуживцев, с которыми остограммился на параде, чем немного огорчал наших бабушек, но виду те не подавали. Званные гости являлись с подарками, со свежими сплетнями, анекдотами и хохмами, неизбежно возникающими по ходу грандиозного праздничного шухера. Удивительное дело, как только начиналось застолье, о «коммунистической пасхе» уже не вспоминал никто. Наверное, это великая удача, что у нас был свой семейный праздник именно седьмого ноября. Мамин день рождения, словно оберег, закрывал домашний очаг от большевистской проказы.

Надо сказать, что по мере моего взросления самый главный советский праздник изрядно тускнел, он приобретал откровенно ернический характер. Люди, приближаясь к сияющим высотам коммунизма, радовались октябрю все больше без вдохновения, это дело превратилось в одну из форм общественной повинности. Человек, дерзнувший проигнорировать демонстрацию, рисковал попасть в черный список, всегда хранящийся под сукном до известного часа. При распределении совковых милостыней могли прокатить на талон для приобретения ковра или обнести детей путевкой в пионерлагерь.

Я хорошо помню октябрьские торжества в пятидесятые годы. Праздничная демонстрация в Луганске была организована таким образом, что сначала почти весь город собирался на Красной площади,

под нашими окнами, чтобы оттуда выстроенными колоннами двинуться к высоким трибунам, разбитым у подножия памятника Ленину, по одноименной улице. Между прочим, немцы, оккупировавшие город, поначалу не стали рушить памятник вождю мирового пролетариата. Они поступили по-иезуитски изобретательно – одели на голову Ильичу ржавое, поганое ведро и воткнули в руки метлу. Вот таким веселым снеговиком и стоял в центре города Владимир Ильич Ульянов, на потеху потомкам обожаемого им Карла Маркса. Не правда ли, удивительные гримасы судьбы?

Не понимаю зачем и не знаю что испытывали люди, шествуя широкими рядами перед местными партийными придурками, но я с чистой совестью свидетельствую: под нашими окнами разворачивалось грандиозное гуляние.

Ни свет ни заря на Красную площадь лихим десантом съезжались для торговли праздничными угощениями всевозможные конские фуры, автомобили, передвижные палатки. Они располагались по всему пространству площади, и из них выгружались привезенные товары. С глухими вздохами выкатывались дубовые пивные бочки, тархтели ящики с портвейном, коньяком, лимонадом. Разворачивались и выставлялись балыки, колбасы, сыры, окорока, корейки. Специальными пирамидами, на-подобие ёлки, укладывался «Гвардейский» шоколад, шоколад «Труд», папиросы «Дюбек». Раскрывались торты, пирожные.

Вкус, аромат, сам вид этой снеди таков, что нынешнее гастрономическое изобилие представляется жалкой пародией. Если современного молодого парня прикормить той французской булкой да с ломтем хоть какой угодно колбасы, он как пить дать замурлыкает «Смело, товарищи, в ногу». Не хватит никаких Гоголей, чтобы описать вкус и запах той «Любительской» колбасы или «Голландского» сыра. Постарайтесь понять, что прошло уже очень много долгих лет, но меня все еще преследуют луганские запахи кондитерской фабрики, хлебозавода, пивоваренного завода. Эти запахи накрывали целые районы, по ним ориентировались в городе, их здоровое аппетитное содержание никогда невозможно забыть.

Следом за торговлей на Красной площади появляются мужчины в парадных военных формах. Они проходят спешно, в глянцевых сапогах, и не обращают никакого внимания на пылающих яркостью напомаженных губ продавщиц в аж до дрожи накрахмаленных кокошниках, чующих славную поживу. Сразу за военными наступает черед по-деловому озабоченных мельтонов. Те идут не торопясь, по-хозяйски оглядывая изготовившуюся торговлю и заранее предвидя прорву хлопот, веселых и не очень. В восемь часов, как шайкой по голове, со всего замаха врубают громкоговорители, и площадь вздрагивает от грохота праздничных военных маршей.

Будто по мановению дирижерской палочки на Красную площадь вываливает разухабистый люд. Идут со знаменами, портретами, шарами, транспарантами. Идут группами, вдвоем, поодиночке. Шагают бойко, налегке, чисто вымыты и выбриты, в лучших одеждах, с сияющими лицами, в полной боевой готовности. Каждая организация загодя определяет место сбора на Красной площади. Вот там-то, как бы исподволь, и начинается завариваться настоящее гуляние. Никто не приходит на праздник с пустыми руками, потому что только глупые люди начинают веселье с покупного. Портвейн, коньяк – это все будет, но только потом, когда в захмелевших головушках деньги утратят привычную, будничную цену.

Сначала кто-то украдкой, едва ли не из рукава, извлечет чекушку и робко полюбопытствует: «Ну, а ждем-то чего?» Кто-то, покопавшись в потаенном кармане, обнаружит раскладной стаканчик, а кто-то шустренько развернет пирожки, котлеты, огурчики. Женщины не будут стоять в стороне, сейчас же настелят платки, по-своему разложат котлеты, огурчики, добавят солений, курятинки. Возникнут фляжки, бутылки, стаканы, рюмочки, и уже не разберешь, где чья котлета, где чье соленье.

Для разгона, конечно, опрокинут за революцию. Только не надо, прошу вас, думать, что при этом кому-то привидится залп «Авроры». Пьют, во-первых, потому что собрались все вместе, что музыка кругом, что знамена, что можно с начальством говорить на равных за одним столом. И как же тут не выпить? Пьют, во-вторых, потому

что для этого специально пришли и к этому серьезно готовились. И в-третьих, пьют потому, что должно же это чем-нибудь когда-то закончиться. Этот праздник, весь обернутый в красный сатин, должен же в конце концов обнажиться и показать свое настоящее нутро.

А потом загремят духовые трубы, расправятся гармони, закружит, запоет, запляшет подобревший народ, и не потому вовсе, что седьмое ноября. Просто вдруг все почувствуют, что жизнь – удивительно вкусная штука. Однако у распорядителей праздника возникнет немало хлопот, чтобы к назначенному часу организовать весь этот разгулявшийся хоровод, с разноцветными шарами и флагами, в стройные колонны советских тружеников.

Если разобраться, то коммунистическая эйфория пятидесятых – а она была, самая прекраснотушная из всех лет Советской власти – во многом обусловлена смертью Сталина. Так всегда бывает, когда из жизни уходит настоящий хозяин, а оставшиеся наследники, погрустив для порядка, пускаются в проматывание накопленного капитала.

Советский народ вкупе с Никиткой Хрущевым по простоте душевной решил, что это прикативший с гор злодей Иосиф Джугашвили препятствовал строительству коммунизма. Хотя, в действительности, именно с уходом Сталина и завершилось его реальное конструирование. Пусть никто не сомневается, отпусти Господь вождю еще десяток лет и страна организованно вступила бы в светлое настоящее, имея в виду, что хождение денежных знаков на территории Союза было бы прекращено, за полной ненадобностью. Все как взаправдашней зоне.

Со смертью Сталина фактически начался глубинный распад гигантской империи. Страна, взнуданная усилиями человека-дьявола, была настолько крепка и надежна, что понадобилось сорок долгих лет для бездарного ее разрушения. Трагедия страны Советов заключается в том, что Ленин и Сталин лепили ее под себя, под свой злой гений. Только в случае прихода к власти такого же человека-демона могло продолжиться ее успешное функционирование. Однако сама система не в состоянии была репродуцировать из своих высоких

рядов настоящего предводителя, и потому она была обречена. Людей, равных по масштабу обитателям мавзолея, возносит стихия бунта. В тепличных условиях, когда становление личности волочится по пионерским и комсомольским дружинам, вожди не созревают.

Для того чтобы понять, кем был Сталин или какой-нибудь там Брежнев, достаточно взять любую вещь, сработанную в сталинские времена: табуретку, шифоньер, топор, ботинок, книгу, чайник – и сравнить ее с подобным экземпляром эпохи Леонида Ильича. Если в первом случае на всем лежит печать надежности, добросовестности, то во втором – везде халтура, подтасовка. Ключ к разгадке этого феномена очень прост. При Сталине не было двойной морали. Можно соглашаться или нет со сталинской идеологией, но это уже другой вопрос. При Брежневе страна действительно превратилась в империю лжи, причем не в рейгановской, а еще в более дикой редакции, потому что эта ложь, в первую очередь, была обращена против собственного народа.

Я убежден, что в массовом сознании большевистский обман окончательно оформился к полувековому юбилею Октября, к тысяча девятьсот шестьдесят седьмому году. Разумеется, первый тяжелый удар по коммунистическим идеалам был нанесен развенчанием культа Сталина. Все ведь знали, что позади огромные жертвы, миллионы безвинно погибших людей, но величие идеи как бы допускало и подобную людоедскую цену.

Оглашение культа произошло по той причине, что пришедшие к власти сталинские прихвостни решили немедленно отмежеваться от своего кровавого прошлого, дескать, наша хата с краю. Народ же понял все по-своему, и как всегда очень правильно. Никому не было дела до того, кто лично подписывал и исполнял приговоры: Хрущев ли, Сталин ли, Ворошилов ли. Важнее всего оказалось то, что приговоры исполнялись не во имя великой идеи, а в результате нечеловеческой кровожадности, трусости, подлости наших вождей. И это повергло людей в шок, народ буквально офанарел от нечаянного откровения.

В нашей интересной стране, при наличии красивой идеи, кровь

никогда никого не останавливала. Корни этого безобразия уходят в далекие языческие времена. Согласно языческим поверьям, человек в загробной жизни навсегда остается тем, кем покидает этот мир. Славяне никогда не давались живьем в плен, они скорее соглашались принимать смерть, нежели на века оставаться рабами. Иноземцы панически боялись наших пращуров, всячески избегали прямых стычек со славянами, ибо знали наверняка: биться придется до смерти. Так что выбирать между идеей и жизнью – это наше излюбленное занятие, почти как гадание на ромашках.

Второй нокдаун, с крюка, любезно преподнес народу кукурузный генсек Никита. Этот неугомонный деятель своей дремучей некомпетентностью (в сравнении со Сталиным он был обыкновенным неандертальцем), своей взбалмошностью и агрессивностью умудрился за считанные годы довести страну до карточной системы. И все под звон политических бубенцов и фанфаронских обещаний. Если бы Никиту в шестьдесят четвертом не турнули, он, скорее всего, развалил бы страну. Всего-то оставалось шлепнуть пятно на лысину, пропечатать отметиной шельму.

Я желаю быть правильно понятым. При Сталине большинство граждан страны Советов, увлеченное строительством светлого будущего, вне всякого сомнения, жило впроголодь. На Руси перед большим праздником всегда полагалось крепко выпоститься. Иосиф Виссарионович был настоящим государственным стратегом, он точно выдерживал дистанцию между желаниями и возможностями подопечных несмышленишек. Показное изобилие, оно как пучок сена на конце оглобли перед очами запряженного мерина постоянно манило сытым ароматом светлого коммунистического будущего. При Никитке и любоваться оказалось нечем – продукты напрочь исчезли с прилавков магазинов, не потому что их стали меньше производить, просто показное гастрономическое изобилие сожрали на аппетитной волне так называемой «хрущевской оттепели».

О достатке советских трудящихся в приснопамятные хрущевские времена здорово напоминает мне приезд родной тети Лены из-под старинного города Ельца. Перед тем как отправиться к нам на

Донбасс в гости, ей довелось погулять на свадьбе у кого-то из наших дальних родственников, и она по свежей памяти живописала моей мамаше свадебное изобилие. На вопрос «Чем угощали гостей?» тетя Лена с восторгом сообщила: «Веришь, Тамара (моя мама), щи со стола не сходили». Надо иметь в виду, что здесь не какая-то замысловатая аллегория, не литературный пассаж, а информация прямого толка. То есть человек таки съедал тарелку щей и ему тотчас же подсовывали новую – это и было верхним пределом возможностей свадебного разгуляя для очумелого строителя коммунизма.

Но впереди, как бы там ни было, маячила символическая дата – пятидесятилетие Советской власти. В сущности, к тому времени уже никто ни во что не верил, работала подсознательная привязка к мистической метке. Каждый рассуждал про себя: если к пятидесяти годам торжества Советской власти ничего сверхъестественного не произойдет, то уже не произойдет ничто и никогда.

Дураку ведь понятно, что ничего особенного не случилось. Разве только покричали, побесились возле затянутых ситцевым кумачом трибун больше обычного. Люди, как водится, попели, поплясали, опохмелились и дружно сказали себе: коммунизм – это бред сивой кобылы. Вот так бесславно наши соотечественники окончили в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году поход в коммунизм.

Это по нынешним бездумным временам с легким сердцем можно потешаться над недавним коммунистическим прошлым. Кто из нас не силен задним умом? В школьные мои годы все обстояло совершенно иначе. Без тени иронии почтенные дяденьки и тетеньки восторженно живописали детишкам о прелестях будущей жизни, уготованной с подачи Владимира Ильича. Многие наставники в сердцах завидовали подросткам, иногда с раздражением подчеркивали халявность грядущего благополучия, обломившегося нам не весть за какие заслуги. Мы же на переменках, в перерывах между воспитательными экзекуциями, принимались фантазировать на тему предстоящей безденежной жизни. Чаще всего упражнялись в находчивости по поводу бесплатных магазинов и наперебой сочиняли дармовые приобретения из полюбившейся крем-соды и кондитерских изделий.

Мы-то дети – нам простительно, но ведь и серьезные люди, уважаемые ученые, целые институты осуществляли какие-то важные расчеты по обеспечению коммунистических потребностей. Социологи, представители экономической науки выдавали в средства массовой информации оптимальные нормы по количеству штанов, съеденных яиц, израсходованных карандашей, требующихся для полноты коммунистического счастья. Все научно обосновано, с ссылками на классиков марксизма-ленинизма.

Вот только не припомню, как обстояло дело с минимальным количеством улыбок, добрых сочувствий и вообще человеческих радостей, без которых даже лошадиное существование не мыслится по-хорошему. Кремлевские отморозки всегда видели в подопечном народе биологическую массу, высшим удовольствием для которой отводилось разве что хоровое пение. Не случайно в диссертации одной будущей первой леди, посвященной организации досуга советских людей, хоровому пению отводилось исключительное, самое почетное место. А чтобы не путали с сомнительным застольным пением после бокала доброго вина, все виноградники распорядились выкорчевать, дабы не нарушать идиллию. Они-то точно знали, за каждого из нас, кому что положено, а кому чего и нельзя.

Все-таки мы удивительные люди! При коммунистах всевозможные запреты носили ярко выраженный идеологический характер, они если и были неприемлемы, то хотя бы как-то понятны. В нынешние демократические времена все чаще проклевываются признаки националистических, читай людоедских, ограничений и всевозможных табу. Сегодня любой заведующий сельским клубом, сплошь и рядом из тех, кого совсем недавно коммунаки майкой гоняли на водопой, может с легкостью решать за каждого из нас, каких артистов следует привечать, а каких и нет. Этим ребятам не терпится разруливать проблемы мирового масштаба, потому им доподлинно известно, на каких языках следует петь песни, читать стихи, в каких штанах, на каких телевизионных каналах, порой забывая о своих непосредственных обязанностях: подборке собственных соплей и чистке сортиров.

Я вот часто задаюсь вопросом: почему именно в нашей стране

реализовалась эта импортная – ведь знаем же откуда приплывшая – коммунистическая пандемия? Авторы самой универсальной теории человеческого счастья ведут себя как Собакевич на званом обеде. Тот, если помните, умял со старта здорового осетра, а потом целый вечер со скучающим видом тыкал вилкой какую-то паршивую рыбешку, изображая полное равнодушие к гастрономическим слабостям. Чопорные европейцы ведут себя еще паскудней: они серчают, возмущаются, строят оскорбительные физиономии – дескать, до чего же обнаглели эти русские, устроили у себя какую-то пролетарскую революцию и мутят воду по всему белому свету. Терпение, господа хорошие, памятите библейскую мудрость: «Все возвращается на круги своя».

Мне представляется, что в деле возникновения коммунистической идеи, так же как и в вопросах практической реализации этой абракадабры, решающая роль принадлежит христианскому вероисповеданию. При этом почетные лавры авторства теоретических основ коммунистического кошмара, несомненно, следует отнести на счет католической церкви. В то время как лавры заслуг по воплощению западных прогрессивных откровений в реальную жизнь по праву принадлежат родной православной церкви.

Речь не идет о злоумышленном заговоре христианских первосвященников, с конечной целью вывода человечества под коммунистические хоругви, речь о другом – о неспособности официальной церкви вести за собой общество, быть его нравственным знаменем, его гуманитарным оправданием. Вместо того чтобы сделаться «хлебом жизни» по заповедям Иисуса, церковь постепенно превратилась в параллельный мир, изощренно обставленный всевозможными запретительными химерами. Здесь, на изощренно обособленной территории, неплохо устраивались и успешно делают это доньше ловкие парни, вольготно паразитирующие на духовных чаяниях и нуждах людей.

Коммунистическая абракадабра явилась своеобразной рефлексией общественной мысли на церковный произвол, чинимый духовенством в христианском мире. Люди, что называется, с черного

хода пытались подобраться к вершинам Нагорной проповеди. Им казалось вполне правомерным решать интеллектуальными средствами нравственные проблемы общества, по существу, подменяя прямое назначение церкви.

Если немного углубиться в историю развития христианства, можно с абсолютной достоверностью обозначить критические вехи падения евангельского духа в церковном обращении и, как следствие, популяризации коммунистических идей, своеобразного новозаветного эрзаца.

До возведения христианства в ранг государственной религии, наследники евангельской вести представляли живой организм, состоящий из различных течений, не во всем согласных между собой, иногда конфликтующих, но неизменно находящихся в процессе творческого самообновления. Именно возможность свободного поиска, перспектива нахождения новых, еще неизведанных путей Господних наполняли деятельность первых христиан особым смыслом сопричастности ко Христу.

Это было время жесточайших гонений. Власти всеми способами пытались препятствовать распространению христианского духа, полностью отрицающего превосходство и владычество земных князей. Но подвиг Спасителя, высветленный Им путь к вершинам бессмертия, наперекор гонителям и супостатам, завоевывал все новых последователей. Во главу своей деятельности первые христиане ставили призыв Иисуса «Яко кто хочет, следуй за Мной». Разумеется, яко кто не хочет, волен оставаться сам по себе. Во все времена находились люди, честно следующие по Христу, но только первые века остались в истории церкви полностью незапятнанными всевозможными дельцами и прохвостами, лихо обустроивающими свою греховную жизнь под молитвы верующих людей.

Когда Константин Великий принимал решение о провозглашении христианства официальной государственной религией, его меньше всего интересовала эзотерическая сущность новозаветного исповедания. Слово «религия» проистекает от латинского глагола

«связывать». Император, как государственный деятель, руководствовался исключительно соображениями целесообразности. Он усматривал в христианской доктрине универсальный инструмент, с помощью которого удобно держать подопечный народ в повиновении, то есть связывать его в необходимом покорном положении. Императора до глубины души устраивала в христианской догматике чудесная возможность «отсрочки по платежам». Человек, принявший Христа, ничего не требовал для себя в земной жизни, воздаяние предполагалось где-то там, далеко, вне зоны ответственности царствующих особ. Ничего лучшего для любого правителя и придумать нельзя – вот уж воистину дар небес, почти как перспектива построения коммунизма.

Давно известно, если кто-нибудь когда-нибудь вознамерится развалить любое живое дело, не надо выдумывать ничего сверхъестественного, достаточно просто придать процессу правильную организацию, еще лучше – возглавить его. И дело будет загублено на корню, бесповоротно. Потому что глупо и безнадежно становиться поперек водяного потока, гораздо разумней направлять его в желаемое русло.

Нечто подобное произошло с христианским учением. Взяв на вооружение и возглавив христианское исповедание, император Константин тотчас же принялся формулировать неискаженную «Истину Христову», так сказать, стерильно правильную, окончательно выверенную истину, разумеется, в соответствии с его личными представлениями и интересами. Власти немедленно развернули деятельность по разработке и обеспечению интеллектуальной смысловой нагрузки, наполняющей христианское богословие.

К тому времени существовало много различных версий новозаветного повествования. Одних только евангельских текстов, отличных друг от друга, насчитывалось более десятка. Мы знаем Евангелие от Фомы, от Павла, от Марии и так далее. Книги, которые по понятным соображениям не устраивали авантюрную власть, не были канонизированы и остались в собрании апокрифов.

Для придания христианству необходимого властям теоретического наполнения были организованы Вселенские Соборы, постановления которых объявлялись обязательными к исполнению для всех христиан. На этих соборах принималась оптимальная редакция священных Новозаветных текстов. Не должно быть никаких сомнений, что канонизированные на этих сановных собраниях тексты были аккуратно выправлены, приспособлены под нужды текущего момента. Соборы проходили в очень жарких дискуссиях, многие видные богословы оказывали отчаянное сопротивление реставраторам Христова наследия, за что подвергались жесточайшим репрессиям.

Мало кто из современных ревнителей христианства подозревает, что самый ранний список известного нам текста священного Евангелия датируется пятым веком. Он хранится в Британской национальной библиотеке, с тех самых пор, как был преступно продан большевиками в годы красного беспредела. Это вовсе не означает, что до пятого века не существовало письменности и не имели хождения более ранние редакции Благой вести. Это свидетельствует лишь о том, что все ранние тексты священных заветов Господа нашего Иисуса Христа кого-то по принципиальным соображениям категорически не устраивали, а потому были тщательно уничтожены.

Методы, которыми христианство насаждалось в Римской империи, сами по себе являлись грубейшим надругательством над Евангельской вестью. Ничего общего с христианской моралью не могли иметь варварские гонения на язычников, которые возглавил александрийский епископ Феофил. Не может быть никакого сомнения, что преступное истребление оболваненными христианами Александрийской библиотеки, крупнейшей сокровищницы мировой культуры, или разрушение храма Сераписа, при котором погибло уникальное собрание древних рукописей, имели своей главной целью не столько уничтожение языческих манускриптов, сколько расправы с подлинными раннехристианскими текстами.

Как бы там ни было, но остается фактом, что в наших руках не оказалось ни одного евангельского списка до вселенского соборного периода. Очень может быть, что то Евангелие, которым мы ныне

пользуемся, имеет лишь отдаленное отношение к слову Божьему, возвещенному миру Господом нашим Иисусом. И разве результаты двух прошедших тысячелетий, прожитых во многом под знаком Новозаветных рекомендаций, не свидетельствуют об этом же?

Так же весьма вероятно, что появление Корана, вскоре после проведения Вселенских Соборов, тотально заорганизовавших, исказивших христианскую идею, сделалось своеобразной реакцией исконной религиозной мысли на оголтелый произвол, чинимый «закваской фарисейской». Отнюдь не случайно первым словом к Мухаммаду от архангела Гавриила был призыв: «Читай!» Само название «Коран» в переводе с арабского означает «то, что читают». Видимо читать то, что осталось после Вселенских Соборов во многом утратило боговдохновенный смысл.

Мухаммад познакомился с Кораном в откровениях, книга ниспослана была Пророку частями, источником ее он называл «Небесную книгу». Очень здорово, что Коран начали записывать еще при жизни Пророка. Пусть не полный сборник сур, но отдельные фрагменты переданы, что называется, из первых уст. Можно только представить, каким счастьем было бы для христиан всего мира прикоснуться мыслями к подлинным речам Господа нашего Иисуса, минуя формулировки евангелистов, да еще в редакции Вселенских Соборов. Справедливости ради надо заметить, что и судьба Корана оказалась отнюдь не безоблачной. В соответствии с арабской письменностью краткие гласные звуки тогда не записывались, это позволяло читать одни и те же слова по-разному, придавать им особое толкование, что неминуемо привело к разночтениям и к возникновению семи канонических вариантов изложения Корана.

Искусственная христианизация римского общества носила, несомненно, формальный характер. Граждане, крестьяне по воле императора, лукаво пренебрегали духовной стороной принятого исповедания. Император щедро одаривал церковную кассу, тем самым провоцировал принимать крещение из корыстных побуждений. То, что раньше существовало как «христианство-мученичество», в одно мгновение превратилось в «христианство-процветание», поскольку

открывало дорогу к почестям, богатству, власти. Таким образом, христианская идея, которая дарована была миру, чтобы преобразить его, заразившись мирским духом, оказалась союзником зла, рабом правящего класса.

В конечном итоге церковь превратилась в арену политической борьбы и расколола христианский мир на два противоборствующих лагеря – на Западное и Восточное исповедание. В самом общем виде на Востоке церковь сделалась необходимым придатком, инструментом светской власти, а на Западе – государство стало играть роль инструмента, обслуживающего интересы церковной власти.

В данном случае нет никакой надобности анализировать сложные теологические противоречия, разделяющие магистральные христианские направления, а они есть, и весьма существенные. Попытаемся разобраться: каким образом в общественном сознании римского исповедания созрела коммунистическая идея? И почему эта идея реализовалась именно в обществе византийского религиозного исповедания?

Многие люди знают, что каноническое изображение распятого Христа в православной и католической иконографии имеет свои специфические особенности. В вопросах религии не бывает пустяков, тем более когда речь идет о трактовке самого кульминационного события в земной жизни Спасителя. Любые различия в подходах к изображению Голгофских страданий являются в высшей степени знаковыми. У католиков распятый Христос изображается таким образом, что одна нога Спасителя перехлестывает другую и обе они закрепляются на кресте одним гвоздем. В православной иконографии ноги Спасителя не переплетаются и каждая из них крепится на кресте отдельным гвоздем.

Символическое исполнение католического распятия призвано напоминать верующим, что все люди, исповедующие католичество, составляют одно целое, скрепленное единым церковным гвоздем, как ноги у распятого Спасителя. Декларируемое единство паствы позволяло духовенству проникать во все сферы человеческой

деятельности, вплоть до личной жизни. Римская церковь на протяжении многих веков фактически выполняла государственную функцию, она прессинговала своих граждан по всему жизненному пространству. Часто делала это откровенно грязно, не брезгуя методами инквизиции, что привело к широкому протестантскому движению.

По существу, католичество посягало на самое высокое достоинство человека – быть свободным. Тотальное доминирование, жесткое давление церкви вполне закономерно вызывало обратную реакцию, потому что, согласно законам Ньютона, «сила действия равна силе противодействия». Вместо желаемого единения люди стали замыкаться в себе. Они приходили в храм Божий, садились на скамью, принимали участие в общественном богослужении, но сердцем своим оставались наедине с собой. Вот эта духовная человеческая разобщенность западного мира жива и поныне, невзирая на видимое внешнее благополучие.

В православном мире все происходило с точностью до наоборот. Восточная церковь никогда не выказывала стремления подчинить свой воле гражданское общество. Ее философское кредо изначально заключалось в том, что каждый человек стоит пред Богом сам по себе, и об этом она заявляла в иконографических канонах, изображая распятого Христа с независимым закреплением каждой ноги по отдельности. Православная церковь никогда грубо не посягала на личную свободу человека, не вторгалась бесцеремонно в его повседневную жизнь. По известному закону противодействия, люди восточного исповедания сами устремились сердцем своим в лоно церкви, в братские объятия друг к другу, и возникло то вожденное единство, высочайшая церковная соборность, за которую так безуспешно боролось католичество. Не случайно стержневым рефреном в православном богослужении звучит призыв: «Миром Господу помолимся».

Никогда, ни в какие времена, ни в одном католическом храме невозможно было совершать высочайшие подвиги религиозного духа, которыми полна история нашей церкви. Это только православные христиане имели мужество, в годину великих испытаний, сотнями душ затворяться в намоленных святынях и заживо предавать

себя огню во имя веры отцов, во славу Господа нашего Иисуса. Зашашлычить публично кого-нибудь на кострище, чтобы Земля не вертелась без толку, – это у католиков получалось превосходно, но чтобы самим вознестись сквозь огонь жертвенного подвига – тут уж увольте, как говорится, только после вас.

Обыкновенный человек, как известно, существо стадное, поэтому для полноценного функционирования сообщества людей всегда требуется некоторая консолидирующая идея, наполняющая общественную жизнь коллективной целесообразностью. В западном мире подобную консолидирующую функцию длительное время выполняла католическая церковь. Однако к середине второго тысячелетия эта «контора» настолько нравственно разложилась и дискредитировала себя, что уже само духовенство включилось и возглавило широкое протестантское движение. Почти все великие реформаторы вышли из лона католической церкви. Прогрессивно настроенные религиозные деятели отчаянно искали пути обновления института церкви, возвращения ей доверия граждан.

Светское общество, в противовес церковному мракобесию, пребывало в мучительных поисках новых социальных идей, по преимуществу тяготея к модели «Республики» Платона. Некая усредненная версия справедливого социального устройства человеческого общежития предлагалась автором «Города солнца». У Кампанеллы продуманная завершенность функционирования платоновской республики искусственно комбинировалась с уставом монастырских общин, и этот уродливый симбиоз абсолютно несовместимых концепций щекотал воображение европейских мечтателей.

Западное общество в конце концов приняло церковную реформу с последующими глубокими социальными преобразованиями. Но вот освоить кампанелловские утопии в полном объеме, с установлением специальных общинных порядков, европейцам не довелось. Не потому, что они оказались так уж прозорливы или особенно умны, – этому серьезно препятствовала закрепленная католичеством разобщенность людей.

Нравственное состояние православной церкви, в период западной реформации, было несравненно чище и богобоязненней, поэтому протестантские идеи не могли иметь решительной поддержки в богоносной Руси. Но вот социальная программа общинного устройства жизни людей рано или поздно просто обязана была реализоваться в нашем отечестве. Этому способствовала объективная легкость, с которой соборность православного вероисповедания накладывалась на выпестованную римским западом утопию построения града солнца.

Кроме вышеизложенного, была еще одна весьма тонкая причина состояться коммунистическому шабашу в наших пределах. Вы когда-нибудь задумывались, почему самый главный храм России, собор Василия Блаженного на Красной площади, посвящен юродивому? Между прочим, в недрах собора покоятся святые мощи великого подвижника духа. В ответе на этот, отнюдь не тривиальный вопрос заключена сакраментальная причина реального воплощения марксистско-европейских идей непосредственно в нашем отечестве.

Юродство – это высочайшая религиозная доблесть, несомненно наиболее праведный путь к достижению Царствия Божия. Институт юродства Христа ради возник как достояние православной веры. Больше нигде в христианском мире подобное служение не получило такого признания и распространения. Отказываясь от земных благ, исповедуя категорическое презрение к тварному зову собственной плоти, люди заживо достигали горнего света и обретали неземные дары. Являя миру живые свидетельства торжества религиозного духа над бренной плотью, юродствующие подвижники стяжали в награду чудесные способности – могли пророчествовать, исцелять с неподдающейся разумению эффективностью. Таким образом, низложение, попирание земных человеческих потребностей издавна считалось на святой Руси самым высоким, самым доблестным духовным служением.

Не молочные реки и вовсе не кисельные берега манили православный народ в коммунистическую западню, а исключительно бескорыстное служение великой идее, независимо от качества ее

теоретического наполнения. Сам факт посвящения жизни чему-нибудь идеальному, пуще того, вкуче с тяготами сегодняшнего дня, был очень любезен для нашего человека, как особая разновидность юродства. Вот почему так затейливо, так органично сплелись судьбы и прахи блаженных юродивых, почивающих в причудливой близости на Красной площади первопрестольного православного града.

Коварство, авантюризм коммунистической идеологии парадоксальным образом проистекают из якобы благих намерений, которыми вымощена дорога известно куда. Чем отличается здоровый человек от покойника? Да в общем-то ничем, разве только в последнем отсутствует энергия жизни. Так вот коммунистическая идеология абсолютно верна во всех отношениях, за исключением самой малости – она подавляет человеческую инициативу, в ней роковым образом истребляется энергия жизни. Коммунизм – это не просто заблуждение, это преступление против самой жизни. Преступление, проистекающее от великого хамства, в основе которого лежит иступленное неприятие Божьего мира. Потому что подлинное приятие Бога начинается с великой любви и ответственности и серьезных самоограничений.

Большевистские идеологические нестыковки с реальной жизнью обнаружили сразу же, в первые годы Советской власти. После октябрьской революции по всей стране прокатились волны стихийных восстаний, особенно крестьянских. Люди категорически протестовали против навязанного им неестественного способа и образа жизни, они нутром своим чуяли фальшь. Власти отреагировали своеобразно. Кроме того, что бунты были подавлены жесточайшим образом, большевики сделали следующие практические выводы. Идея построения коммунистического общества, несомненно, гениальна, но люди не совершенны, вот в чем беда. И большевики, засучив рукава, принялись перековывать ни в чем не повинных людей.

В связи с этим показателен знаменитый конфликт, разразившийся в академических кругах молодой советской республики. Сталин хотя и не был генетиком, но человеком слыл толковым; он прекрасно понимал, что учение Вавилова с точки зрения научной компетенции значительно прогрессивней доморощенных умствований

академика от сохи товарища Лысенко. Но теория Вавилова вступала в противоречие с главной задачей партии: генетика отвергала возможность сотворения человека новой формации, соответствующего требованиям коммунистической абракадабры. Судьба ученого была predetermined, коммунисты до сей поры только разводят руками, с физиономией, выражающей восхитительное «Вас здесь не стояло».

С лысенковщиной сталинские установки на селекционные работы по выращиванию солнечного человека совмещались превосходно. В качестве наглядного пособия был поднят на пьедестал известный преобразователь природы Мичурин Ваня. В его задачу входило выращивать по личному усмотрению всевозможные садовые диковины, иллюстрировать методику разведения краснопузых экземпляров. В народе бытует упрямая молва, что герой труда Мичурин трагически погиб при сборе урожая своей любимой клубники. То есть он таки вырастил чудо-куст величиной с баобаб, дождался урожая, стал карабкаться за ягодами, но не удержался на ветке, затархтел и разбился до смерти.

Нынче в Западной Европе происходят удивительные процессы. Стареющие, почтенные народы сбиваются в табун; печально видеть и понимать, что происходит это вследствие очевидной усталости хиреющего Старого Света перед лицом пробуждающейся Азии, с неминуемым глобальным стратегическим и экономическим переделом. Европейцы наивно рассчитывают обрести могущество в продуманном, интеллектуально выверенном единстве. «Все возвращается на круги своя» – так учит библейская мудрость. А ну как зацветет, заколосится на Эйфелевой башне клубника, ведь какие уважаемые люди головы посворачивают! Жизнь никогда не обещала быть скучной, но заварка, но интрига начала третьего тысячелетия воистину непредсказуема для судьбы Старого Света.

1958 ГОД

Когда-то давно люди умели обращаться с магией чисел. Знание таинственного значения математических символов называется «каббалой». Закрепленный, закабаленный цифровым набором знаковый смысл чисел, применительно к отдельному человеку или какому-либо явлению, может оказаться добрым и не очень. Для советских людей доленосной, воистину роковой цифирью оказалось число «58». Это номер зловещей статьи из уголовного кодекса, положившей барьер и расколовшей страну на две несовместимые половины. На тех, кто ретиво её применял, и тех, кто обреченно испытывал ее беспощадную формулировку, неотвратимую, как топор палача, как конец света: «враг народа».

Мне представляется, что и тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, при всей своей неприметности, оказался знаковым в жизни страны, на предмет ее неминуемой гибели. Внешне, как часто бывает в серьезных делах, все выглядело на удивление прекраснодушно, можно даже сказать весело. На улицах наших городов стали появляться странные экзотические персонажи, так называемые «стиляги». Иногда пытаются рассматривать стиляжничество пятидесятых как некий модный рецидив прошедшего Всемирного фестиваля молодежи в Москве, иногда ставят вопрос очень круто и усматривают в стиляжничестве особую форму протеста против тоталитарного советского режима. И то и другое абсолютно неверное, крайне упрощенное видение прокатившегося по стране стихийного движения.

Стиляги – это молодые люди, который носили одежды вызывающе ярких тонов, слушали и танцевали рок-н-ролл, всем своим видом подчеркивая личную независимость и раскрепощенность. Стилягами становились советские граждане, которые раньше, чем кто-либо в нашей стране, ощутили, что человечество вступает в новую, принципиально иную жизнь, которая приведет к компьютерам, мобилкам, спутниковым антеннам. Своими зелеными с мартышками галстуками, ботинками на толстой «микропоре», шевелюрами-коками они

предвосхищали сегодняшние времена, к которым наша страна, увлеченная реализацией бредовых идей европейского средневековья, то бишь построением коммунизма, вовсе не готовилась.

Надо хорошо понимать, что цивилизацию нельзя принимать избирательно. Квантовая теория, «Битлы», компьютеры, рок-н-ролл тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой. Хрущев был настолько дремучим человеком, как, впрочем, и все последующие головотяпы, дефилирующие на мавзолейном подиуме, что у них не хватало ума относиться к прогрессу как к комплексному достоянию человечества. Им все казалось, что водородные бомбы, ракеты – это хорошо, но Элвис Пресли – ни в коем случае, хотя дураку понятно, что одно без другого абсолютно невысказано. Мы проиграли научно-техническое соперничество с Западом во многом потому, что норовили собирать вершки с питательной закваски, в которой бродило человечество во второй половине двадцатого века.

Существует много различных версий по поводу безвременной гибели динозавров. Чаще всего это горе связывают с резким изменением климата на Земле, наступившего вследствие соударения нашей планеты с солидным блуждающим космическим телом. Мне же представляется убедительной толковая идея, согласно которой сама природа отвергла нерациональные формы развития жизни, основанные на бесконтрольном наращивании массы тяжеловесных животных при относительно скудном объеме мозгового вещества. Нечто подобное произошло и с Советским Союзом. Страна советов бестолково, непропорционально много увлекалась гигантскими начинаниями – строила БАМ, крепила военную мощь, перекладывала русла рек, но при этом не позволяла свободно развиваться мозговому веществу, жестко фиксировала его в рамках дозволенного.

В целом гигантомания – весьма обманчивая и коварная штука. Вот представьте, вам выпала удача и вы оказались владельцем новенького стоквартирного дома, при условии, что жить в нем обязана только ваша семья. Очень скоро это кажущееся счастье превратится в кошмар по обслуживанию принадлежащей вам собственности. У вас просто не хватит ни сил, ни средств на финансирование

коммунальных услуг, на бесконечные ремонты водопроводных кранов, стаярки, парового отопления.

В нашей бывшей стране всегда с большим восторгом подчеркивали, что на территории какого-нибудь сибирского колхоза можно с легкостью разместить восемь Франций. При этом мало кто задумывался, чего стоит государству обслуживание этих необъятных просторов, оказавшихся в собственности народа. Наверняка существует некоторая масштабная целесообразность рационального соотношения между количеством населения и занимаемой им территорией, с наиболее эффективными экономическими последствиями. Иначе самыми счастливыми и процветающими на Земле людьми должны оказаться чукчи. Это у них самые большие пространства, да еще с залежами алмазов и нефти, не в пример какой-нибудь зачуханной Японии.

Тем не менее к концу пятидесятых появилось два вида штанов. Те, кто за Родину и за Сталина, носили «клеша». Космополиты, умащивая пятки баннным мылом, напяливали «дудочки». Скажу без ложной скромности: пусть не в пятьдесят восьмом, пусть несколько позже, но к «дудочкам» имел отношение и я. Мама сшила мне, не сама конечно, у знакомой портнихи, из папиного серого костюма изумительной красоты модные брюки с широченными манжетами. К штанам присовокупили желтые носки и красно-коричневые туфли на «микрופоре». Никогда уже, во всю жизнь, я не буду испытывать столько радости, столько восторга от ношения личной одежды, как от тех, перелицованных из папиного старого костюма штанов. Впрочем, и это не вся правда. Будет у меня в жизни еще один подарок от кутюрье, но об этом разговор впереди, поскольку связан он с хромовыми сапогами лагерной уже моей экипировки.

Надо ли сомневаться, что мой крестный, родной дядя Павел, до конца своих дней носил неизменно «клеша». Красота того кроя, в отличие от нынешних легкомысленных брюк, заключалась в верхней части штанов. Они плотно облевали сильное мужское тело. На них явственно выделялись широкие ременные петли, четко прострачивалась вызывающая уважение ширинка. Штаны украшали

благородного кроя карманы, выточки, все скомбинировано крепко, рельефно. Одним словом – шедевр.

В пятьдесят восьмом году дядя Павел с супругой и двумя сыновьями наконец-то въехал в государственную квартиру, ведь до этого они горемыкали по чужим углам. Родина предоставила советской трудовой семье, за верную многолетнюю службу, в личное пользование двухкомнатную «хрущевку». Какое привычное слово, но сколько значения, сколько смысла таит в себе это коммунистическое сладкозвучие!

Помню как сейчас, на новоселье к дяде Павлу я ехал с папой и мамой в деревянном, гремящем трамвае, с большим внутренним подъемом, искренне радуясь за своих близких родственников. Папа держал в руках новенькие, с блестящим никелированным маятником, настенные часы. Но, как говорится, человек предполагает, а «хрущевка» располагает.

Прозрение не заставило долго ждать. Оказавшись в прихожей, у меня возникло ощущение западни, полная иллюзия плена, было такое впечатление, что ты попался и это уже навсегда. Радость тотчас сменилась недоумением. Обойдя квартиру-мышеловку, с застенчивой мини-кухней и еще более мини-сортиром, мы все еще улыбались и поздравляли новоселов, но чувство досадного недоразумения просматривалось на всех лицах.

Мне, между прочим, никогда в жизни не случалось пользоваться в полном объеме услугами совмещенных хрущевских санузлов. Интересное дело, в них устроено все настолько компактно, что, очутившись в так называемой сидячей ванне, ты немного пребываешь и в унитазе. Потому что, как ни верти, если туловище расположено в ванне, то голова обязательно окажется при унитазе, если же голова в ванне, то задница опять-таки норовит пристроиться в объятия холодного керамического седалища.

А теперь сами призадумайтесь: может ли человек, выскочивший из совмещенного малогабаритного санузла, практически из-под унитаза, прискакать на городскую площадь и публично требовать от своих

властей немедленного вывода советских войск из Чехословакии? Как вам вопросик, он же и ответик на бесконечные поиски причин всех несчастий, обрушившихся на наш очумелый народ и продолжающих сыпаться нескончаемым камнепадом.

Унижения, которым подверглись мои соотечественники за годы краснопузой власти, не поддаются никакому измерению. Это дикая ложь, вопиющая неправда, что возникновение «хрущевок» продиктовано жилищной необходимостью. Эта необходимость живуча в нашей стране, как перпетуум мобиле. Но уж лучше жить в коммуналке, на чужой квартире, однако все-таки с надеждой на обретение достойного человеческого жилища, нежели оказаться в унизительно-издевательском благополучии до конца своих дней. Мой родной дядя Павел, фронтовик, кавалер солдатской «Славы», так и покинул этот мир, не отведав, не испытав элементарного удовольствия от купания в большой чугунной ванне, где можно свободно потянуться, расслабить уставшие члены и ощутить, убедиться, что жизнь – действительно прекрасная штука.

Сталин в этом смысле был стократ умнее. Он точно знал, что надежное будущее создается методически, упорно, без суеты и спешки. Ведь наша квартира на Красной площади и по прошествии полувека остается вождеденной мечтой многих современных состоятельных людей. Загоняя своих граждан в хрущевки, власти фактически ввергали их в звероподобное состояние и закладывали на будущее неминуемую гибель страны. Потому что рядовой труженик, испивший утренний чай в хрущевской кухне, где и трем тараканам невозможно разминуться, не потревожив друг друга не очень растопыренными усами, должен был отправляться на производство и конкурировать со штуртартским слесарем-сборщиком на ниве производства автомобилей. Отсюда, с кухни, с утреннего чая, начинается непостижимая для многих разница между «Мерседесом» и «Запорожцем».

В Советском Союзе, за годы большевистского маразма, была создана уникальная среда обитания, из которой как из гвоздильного станка выплевывались удивительно примитивные, очень похожие друг на друга товарищи-граждане. Как справедливо заметил

советский поэт Николай Тихонов, «Гвозди бы делать из этих людей, в мире бы не было крепче гвоздей». Когда я говорю о среде обитания, то имею в виду весь материально-вещественный мир нашего окружения. Противно вспоминать висячие книжные полки, серванты с хрустальными, стены в плебейских коврах. Все эти прелести совкового благополучия доставались человеку с огромным усилием, в страданиях, как награда за доблестный труд или свидетельство его изворотливости. Поголовная безвкусица, выхолощенность, унифицированность примитивного совкового быта, особенно постсталинского периода, поражали своей убогостью и, конечно же, очень корректировали духовное содержание подрастающих поколений.

Нельзя упрощать степень влияния окружающего предметного мира на качество формирования человеческой личности. Не к ночи будет сказано, но я никогда не поверю, что если повесить над детской кроваткой одну из гипсовых, крашенных грязной охрой уродливых масок, которыми буквально наводнили страну в начале перестройки, то из этой дитятки вырастет какой-нибудь Шопен или Моцарт. Вот хоть тресни, никогда не пойму, о чем думает взрослый дядя, неся в собственный дом, по собственной воле подобную гадость. Все эти уродливые гримасы приплыли в наши края из джунглей, от племенных народов, живущих в первобытном состоянии. Принося в дом частичку их культурологической среды, мы как бы погружаемся в туземное бытие, и тогда остается один только шаг в компанию аборигенов, закусивших филейными прелестями несчастного Кука.

Сегодня почти невозможно встретить в чьей-либо квартире настоящее, подлинное произведение искусства. Даже известные люди, имеющие претензии на некоторую причастность к культуре, удовлетворяют свои запросы на вернисажах Арбата и Андреевского спуска, в действительности, на уровне китча. По эстетическому содержанию любое творение базарных поставщиков мало чем отличается от гипсовых страшилищ, привезенных с уличных развалов республики Бангладеш. Невозможно переоценить значение присутствия в человеческом жилище хотя бы одного подлинного произведения искусства. Оно как свет зари, как камертон благовеста наполняет весь дом

особым ароматом деликатности и чистоты, связывающей нас с божественной предвечностью. В таком доме никогда не вырастет мерзавец, негодяй не приживется под этюдами Левитана, не развернется в присутствии мейсенского фарфора.

Практически все советские люди родом из китча. К деградации духовного состояния общества основательно приложились наши любимые художественные музеи. При этом чем выше статус музея, тем значительнее мера его вины перед собственным народом. Несметные запасники, которые буквально трещат от хранящихся там материалов, были созданы по преимуществу на основе изъятых у населения предметов красоты. Если раньше миллионы прекрасных художественных произведений выполняли очень необходимую и благородную функцию – они формировали духовный облик людей, то теперь томятся в заточении, в подвалах наших выдающихся музеев. Давно набрыдло пресловутое сравнение музейных коллекций с блуждающими айсбергами, но ведь именно невидимая, подводная ледовая глыба сразила бедолагу «Титаник». Точно так же не задействованная в экспозициях, большая часть музейных собраний смертельно ранит наше одичавшее общество, живущее вне культурно-исторического контекста.

Речь не идет, конечно, о Рафаэле и Сурикове, но доложу вам, что даже у моего родного деда, деревенского кузнеца, имелось в наличии прекрасное столовое серебро, вышедшее из известных мастерских ювелира Хлебникова. До меня дошла чудом уцелевшая серебряная чарка, которой дедушка имел удовольствие пользоваться. Имел удовольствие пользоваться изделием Хлебникова и я. Очень советую, обязательно обзаведитесь старинной серебряной чаркой. Возвращаясь домой из нелегких мужских дорог, присядьте к обеденному столу с любимой супругой, наполните старинное серебро крепкой, холодной водочкой, пригубите чарку – и вы обязательно ощутите на устах живительную прохладу благородного серебра, проникающую в самое сердце вашей уставшей плоти. Мера напитка, глоток предельно выверены, ни капли ни взять, ни добавить. Все настолько умно, удобно, приятно, что вы уже никогда в жизни не притронетесь

к этим псевдохрустальным рюмочкам и стопочкам, легкомысленно позвякивающим в хлипких совковых сервантах.

А еще у меня хранится приданое бабушки Ульяны – старинные, с боем, настенные часы. Помню их с раннего детства. Каждое воскресенье папа самолично поднимался на ореховый стул – потолки-то были будь здоров – и заводил часовой механизм. Ритуал очень строгий, никто не смел самовольно забавляться пружинным ключом или подводить циферблатные стрелки. Папа делал это основательно, не торопясь, мягко вкладываясь в старинный бронзовый механизм. Настоящий часовой ход сродни семейному гимну. Все живущие в доме круглыми сутками купались в этих глубоких, умиротворенных звуках, они задавали особый ритм всей нашей жизни. Ритм спокойный, надежный, весьма располагающий к любви и добропорядочности.

Я иногда слышу звуки мобильного, напоминающие моей дочери о необходимости собираться в университет. Это даже не звук, какая-то электрическая суматоха, напоминающая хаотическую возню нереализовавшихся сперматозоидов. До чего же жалко нынешнюю молодежь, досадно за родную дочь, но ведь ничего не изменишь, ничего не поделаешь.

Размышляя о всех надругательствах над средой нашего обитания, невозможно обойти вниманием (мучительно подбираю смысловой эквивалент) и культуру градостроительства, особенно в части нынешнего церковного строительного бума. Сравнительно недавно завершилось возведение Михайловского Златоверхого собора в городе Киеве. Казалось бы, чего желать, когда храм красуется во всем своем великолепии. Однако массового ликования верующих людей в связи с этим как-то не очень заметно. Неверующим же одинаково весело – что строить, что взрывать.

Наши высокие правители, отличающиеся, как известно, исключительной набожностью, в простоте душевной смотрят на храм Божий как на «Ваньку-встаньку». Махнул рукой – рухнуло, махнул другой – заново вскочило. Между тем практика возведения и содержания культовых сооружений имеет строгую религиозную традицию,

освященную церковными таинствами и многовековым христианским опытом. Как бы хотелось, чтобы эта область человеческой деятельности осталась неприступной для большевистской методологии.

Я вот все ломаю голову: а для чего, собственно говоря, нынешним властям потребовалось возводить столь дорогостоящий архитектурный комплекс, как Михайловский Златоверхий? Сказать, что православному люду тесно в киевских церквах, это будет, мягко говоря, не совсем верно, ибо храмы наши во время богослужений, как правило, полупусты. Предположить, что власти руководствуются желанием возвернуть древнему Киеву его старинный, дореволюционный облик, – значит отказать властям в наличии здравого рассудка, ибо такая задача невыполнима в принципе, да и нелепа сама по себе. Ведь тогда придется возрождать и «конку», да, пожалуй, и «золотарный» промысел.

Если заподозрить, что киевские власти страдают от переизбытка средств, значит, их усилия следует обратить к более животрепещущим нуждам общества. Не худо, например, выстроить приличный интернат для нашей беспризорной детворы, да много чего хорошего можно осуществить с помощью этих средств. А быть может, мы являемся свидетелями негласного соперничества между нашей столицей и Москвой, где с переполоху отчебучили вроде бы как настоящий храм Христа Спасителя.

Почему я сомневаюсь в подлинности вновь возведенного храма Христа Спасителя? Да прежде всего потому, что подменен, утрачен феноменологический побудительный мотив возникновения этой святыни. Люди, возводившие первозданный храм Божий, вкладывали в свое детище сердечное духовное благодарение Господу за освобождение России от иноземных завоевателей. Нынешние радетели восстановления храма Христа Спасителя руководствовались совершенно иными побудительными мотивами. Вся их суматошная деятельность неприлично откровенно напоминает мрачные времена покупателей и торговцев индульгенциями. Как ни кривляйся, но голая правда состоит в том, что власти фактически вознамерились откупиться звонкой монетой за свои преступления перед церковью

Христовой. Не уверен, что Всевышний склонен поощрять подобные игрища. Есть что-то карикатурное в данном грандиозном проекте, весьма напоминающем судьбу кремлевской Царь-пушки, отлитой, как оказалось, на потеху почтенной публике.

А еще немаловажно вот что. Сегодняшние зодчие принципиально не в состоянии воссоздать старинный памятник в полном объеме, как с технической, так и с художественной точки зрения. Ставить перед собой подобную задачу так же нелепо, как требовать от наших далеких предков, возводивших Михайловский Златоверхий, умения конструировать космический ракетноноситель. Я полагаю, нет нужды выстраивать бесконечный список уникальных атрибутов храма Христа Спасителя или Михайловского комплекса, которые ставили их в ряд всемирно известных памятников культуры. Атрибутов, которые мы утратили навсегда, невосполнимо. О чем можно говорить, если стены великого храма расписывал сам Василий Суриков! Нынешние росписи на стенах собора Христа Спасителя откровенно голосят: «Налетай, торопись, покупай живопись». Поэтому сегодня, в сущности, возводятся некоторого рода фантомы, наподобие призраков из музея восковых фигур. Вроде бы и похоже, совсем близко – а вот поди ж ты! – не поведешь под венец.

Старая истина учит: в одну и ту же воду нельзя войти дважды. Современные строительные технологии основаны на цементных композициях, в отличие от старинных яично-известковых связующих веществ. К тому же почти все сегодняшние конструктивные элементы имеют стальное или железобетонное решение, что делает нынешние сооружения абсолютно непригодными для религиозных богослужений. Надо обладать совершенно крокодильей толстокожестью, чтобы не чувствовать весь холод, всю нежизнетворность, заэкранированность этих глухих бункеров, куда не проникает ни один божественный посыл из Царствия Небесного. Никакой истинно верующий человек, находясь под железобетонным перекрытием современных храмов-бункеров, не в состоянии ощутить на себе небесный покров Пресвятой Богородицы.

Однако зачем-то ведь возникают, появляются на свет Божий эти

помпезные сооружения. Подозреваю, что в основе рождения современных храмов-призраков лежит интеллектуальная беспомощность нашей общественной мысли. Только неумение разглядеть перспективу, явная неспособность общества прогнозировать свое будущее заставляют нас жить с головой, обращенной в прошлое. Мы постоянно копошимся в старых временах, кого-то там хулим, кого-то оправдываем и все ищем, безнадежно ищем оправдания дню сегодняшнему. И боимся, малодушествуем по дне завтрашнем, ибо не видим себя в нем.

Спору нет, люди должны обращаться к памяти прошлого, но созидать-то надо день сегодняшний, устремленный в будущее. Лишь только то общество может рассчитывать на безоблачное процветание, которое своими творческими усилиями как бы опережает время и уж ни в коем случае не пытается вернуться в состояние давно прошедшего.

К тому же лично я, например, очень тревожусь, весьма опасюсь, что если разрушение Михайловского комплекса было чудовищным надругательством над телом Христовым, то нынешнее его как бы восстановление легко может обернуться в надругательство над кровью Христовой. Ибо страшным, трагическим для православной церкви был разгул большевистской чумы, но более коварными для самого православного духа могут оказаться большевистские методы руководства над церковным домостроительством. По разрушительным своим масштабам, по губительности для всего православного исповедания второе надругательство куда как страшней и зловещей, нежели первое. Потому что те же самые вредные руки, которые много лет подряд настойчиво мостили на вербного ослика кремлевских вождей, ничтоже сумняшеся норовят возвести на броневике Голгофское ристалище.

Могу без труда изложить длиннющий поименный список этих вредных лап, но, во-первых, бумагу не хочется марать и еще – очень противно. Взять того же первого президента нашей страны. Леонид Макарович в бытность свою долго возглавлял идеологический отдел ЦК КПСС Украины. Стало быть, с утра до ночи, с неопишущим

сладострастием измывался над религиями наших народов. За свою шикарную жизнь он настроил столько всевозможных сатрапских циркуляров, оскверняющих церковь, унижающих исповедальные чувства людей, что черти в аду последнее время постоянно ломают от недоумения рога и копыта: оказывается, они еще не научились делать жаровню, способную вместить всю эту гадость и запечь фигуранту именинный большой каравай.

Сделавшись президентом страны, ясновельможный пан Кравчук, разумеется, не уgomонился, он с удвоенным усердием принялся дожирать православную веру, незаметно подкравшись к ней с другой стороны. Самостийный церковный раскол, учиненный этим комиссаром от религии в кожаном картузе, бездарно расчленивший страну на Восток и Запад, уже принес и еще доставит нашему народу столько хлопот, столько несчастий, что и предугадать невозможно. Это как раз и есть классический образчик водружения Креста Господня на башне бронепоезда или все тот же «куцен-бацен» в исполнении солиста кремлевского ансамбля песен и плясок.

Каждому нормальному человеку должно быть понятно, что негоже открывать танцевальную площадку в Бабьем Яру, у подножия памятника жертвам фашистского зверства. То есть открыть-то там развлекательное заведение, в принципе, можно, и как знать, может, так и случится, но с точки зрения человеческой морали делать это нехорошо. Вообще, в цивилизованном обществе существует много различных мест, где делать что-то хорошо, но что-то и нежелательно. Как водится, чем больше хамства, тем больше вседозволенности, ведь дикарю позволительно все и в любом месте.

К возведению храмов Божьих, во все времена, окромя нынешнего, люди относились с величайшей бережностью. Места, на которых возводились храмы, выбирались особым образом, часто с промыслом сил небесных. Для верующих людей такие Богом отмеченные места воспринимаются как территории, наполненные спасительной благодатью.

Надо сказать, что понятие «благодать» является

основополагающей доминантой в христианской мистерии. В материалистическом толковании это понятие необъяснимо. Оно как категория «совесть»: вроде бы физиологически два совершенно одинаковых человека, только у одного совесть есть, а у другого нет ее вовсе. Для христианина любое явление в этом мире подразделяется в контексте со знаком наличия или отсутствия благодати. Верующий человек смотрит иногда на роскошную грудь, обильно уснащенную драгоценными панагиями и крестами, и, в полном соответствии с системой Станиславского, говорит себе: не верю. Вот так и я, смотрю на нынешний Михайловский Златоверхий, а что-то внутри настойчиво щемит: не верь им.

Я хочу еще раз напомнить всему миру, что место, на котором возвели нынешний Михайловский Златоверхий, несет на себе следы совершения величайшего преступления против церкви Христовой. Имеется в виду варварское убийство ни в чем не повинного древнего православного храма. Следовательно, само место это, как принято считать у религиозных людей, пребывает в скверне. Поэтому ни о какой Божьей благодати, освящающей строительство и функционирование вновь возводимого храма, не может быть и речи. Мера осквернения этого места не идет ни в какое сравнение с мерой покаяния нашего общества, если таковое вообще происходило, когда-нибудь наблюдалось в стране.

Истории известны случаи возведения храмов Божьих на местах совершения страшных преступлений. Это так называемые храмы на крови. Мы знаем храм на крови в Петербурге, который освящает место убийства императора. История хранит в памяти факты возведения почитаемых святынь после разрушения их иноверцами. Но все это преступления иных содержания, иных побудительных мотивов. Никогда еще люди не совершали таких чудовищных преступлений против своей собственной религиозной культуры, ни один народ не опускался в своем самоосквернении так низко и мерзко, как это сделали мы. Поэтому я-то думаю, что путь к спасению народа, к обретению благодати Божией будет куда как сложнее и, надеюсь, доблестней, нежели авральное возведение храмовых призраков на местах

прежде поруганных святынь.

Приятно, наверное, жить с наивной уверенностью, что вот пришел бородатый батюшка, помахал кадильцем, совершил эдакое благорастворение воздушных – и все окрест обволокло елейным духом ладана, дарующим присутствие спасительной благодати. Между тем вопрос о существовании благодати Божией имеет сакраментальное значение во всем христианском вероисповедании. Для того чтобы разобраться, что есть небесная благодать на самом деле, надо крепко усвоить, чем отличается Ветхий завет от завета Нового.

В нашем интересном отечестве даже люди, профессионально занимающиеся проповедью Евангельского слова, зачастую не умеют толково объяснить, чем отличается Ветхий завет от Нового, почему Ветхий завет не устраивал народы, зачем потребовалась Евангельская весть. А уж те из моих соотечественников, которые самодовольно величают себя просвещенной интеллигенцией, и вовсе безнадежно плавают в этом вопросе, хотя до чего ловки ссылаться на библейскую мудрость.

Так вот, доведу до сведения широкой публики. Вершиной Ветхого завета является закон. Избавитель израильского народа объединил своих единокровных братьев законом в повиновении Божию. Пророк Моисей, величайший из когда-либо живущих на земле людей, сформулировал требования-заповеди, соблюдение которых давало человеку надежду именовать себя чадом Божиим. Человек, не признававший, не исполнявший эти заповеди, пребывал в грехах – от него отворачивались силы небесные. Закон был строг и тверд. По преданию, он был начертан на каменных скрижалях, что свидетельствовало о его неизменности.

Новый завет учит, что вместе с верою в Светлое воскресенье из мертвых Иисуса Христа, в человека вселяется ниспосланное свыше состояние благодати, дарующее внутреннее ощущение закона Божьего. Такой, отмеченный благодатью человек соблюдает заповеди Господни не потому, что они начертаны на каменных скрижалях заветным слогом, – он делает это по велению своей религиозной

совести, ибо заповеди Божии становятся заветами, запечатленными на скрижалях его бессмертной души.

Ведь что такое закон, начертанный буквами для человека? Например, в Украине всегда существовал и остается в силе выписанный красивыми буквами закон, который не велит человеку воровать, однако это отнюдь не стало помехой для наших шляхетных комсомольцев разграбить богатейшую страну. Всегда был и остается в силе закон, не рекомендующий убивать людей, особенно хорошо он известен служителям Фемиды, дяденькам в золотых погонах, которые взяли да и призабыли его, повстречавшись с журналистом Гией Гонгадзе.

Новозаветный человек, пребывающий в благодати Божией, никогда не станет воровать или убивать, независимо ни от каких буквами прописанных законов, ему не позволит этого делать его собственная религиозная совесть. Преимущество благодати Нового завета над буквой закона завета Ветхого столь же велико и значительно, сколь огромно превосходство живой плоти над мертвым камнем. Если мы отвергаем наличие благодати Божией, то этим самым отвергаем славу Христовых страданий и славу светлого Его воскресения.

Нам не дано знать, по какому расчету и принципу Господь расточает спасительную свою благодать. Однако верующая душа безошибочно остро отличает наличие или отсутствие благодати Божией в любом человеке, в любой житейской ситуации. Наши православные прихожане прекрасно ориентируются, где служит священник всамделишный, отмеченный небесной благодатью, а где кропит мир сей откровенный шарлатан. Знают люди храмы, щедро отмеченные благодатью. Знают и храмы, лишенные такой высокой чести. Рассчитывать, что в заново отстроенном Михайловском соборе будет с избытком расточаться милость Божия, по меньшей мере – бессовестно. Тогда возникает извечный вопрос: что же делать? Прекратить функционирование храма или заново разрушить его? Ничуть не бывало, скажу я вам. Начатое дело всегда следует завершать. А вот что делать потом, об этом надо хорошенько поразмышлять.

Мне представляется, что Михайловский Златоверхий собор должен стать в нашем отечестве храмом сокрушения, святым местом покаяния для всего народа. Может быть, наподобие Стены плача в Иерусалиме. Было бы весьма уместно, если бы церковные иерархи нашли возможным организовать в храме круглосуточное бдение, с непрерывающимся чтением покаянного канона Андрея Критского, дабы Господь даровал стране прегрешений оставление. Чтобы любой наш гражданин, во всякое время дня или ночи, мог прийти в сей молитвенный дом и выразить там свое сердце, совершить великое таинство христианского исповедания.

И, быть может, когда мера раскаявшихся наших сердец превысит меру преступления, совершенного на месте воздвигнутого собора, – произойдет невечернее чудо и отворится животворная благодать христианской мистерии. Как знать, пути Господни неисповедимы. Мы помним, что великий грешник Савл, по призванию свыше, сделался великим праведником, апостолом Павлом. Будем же молиться, чтобы Господь, по неизбывной милости и щедрости Своей и, конечно, по усердию веры в наших сердцах, даровал Михайловскому Златоверхому собору счастливую православную судьбу.

Возрождение духовной славы Михайловского комплекса не мыслится без возвращения на свое исконное место нетленных мощей великомученицы Варвары. Подвиг этой страдальицы за веру Христову почти тысячу лет служил духовным знаменем Златоверхого собора. Сейчас невозможно даже вообразить, какое несметное количество паломников прибегло к помощи святой Варвары за многие века и получило избавление от тяжких недугов, с упованием на заступничество великомученицы. По мнению христиан, врачующая сила святых мощей наиболее ярко проявляется в защите от внезапной и насильственной смерти. В добрые времена считалось, что чудодействие происходит и от «серебра и злата, в кои мощи заключены».

Серебряная рака с пьедесталом, весившие около двадцати пяти пудов, усеянные бриллиантами и увешанные драгоценными дарами от важных доброхотов, вплоть до царствующих особ, разумеется, не обойдены оказались чутким большевистским вниманием. Уперли все,

конечно, сволочи, и следа не оставили. Расправиться с мощами великомученицы у киевских краснопузых отморозков градусу не достало, а ведь в Питере руки не дрогнули подвергнуть уничтожению святые мощи самого Александра Невского. Его серебряную раку высвободили для важных государственных дел, а с мощами легендарного князя, и секунды не сомневаюсь, покончили раз и навсегда.

Если быть точным, то в начале перестройки власти приперли в Невскую лавру бумажный мешок с каким-то суповым набором и предъявили эту радость как мощи великого князя. Но ребята совсем недавно, в Киеве, подвергли современной экспертизе мощи Ярослава Мудрого, которые в свое время побывали в Москве. Мало того что привезенные из Москвы мощи оказались женского происхождения, но они еще были собраны из останков разных людей. Как вам почерк? Неужели вы серьезно допускаете, что в разгул большевистского шабаша кто-то из государственных мужей мог позволить себе проявить заботу о сохранности мощей Александра Невского? И вообще, как вы представляете себе большевика Сергея Мироновича Кирова, стоящего у врат коммунистического рая с котомкой мощей за плечами?

Всем тем, кто распространяет бредни про нынешнее возрождение религиозного духа в стране, основываясь на повальной эпидемии картинно осенять себя крестными размахиваниями руками по поводу и без, советую на минуточку отложить все свои грандиозные дела и заглянуть во Владимирский собор, где сиротливо дожидаются своего триумфального часа много чего повидавшие на своем веку нетленные мощи Варвары. Если серьезно разобраться, по подлинности происхождения, по давности лет, по мужеству духовного подвига и силе целительных возможностей, святыня, пребывающая во Владимирском соборе, не имеет во всем христианском мире чего-либо равного.

Окажись подобное молитвенное достояние в какой-нибудь Англии или Америке, тотчас устроили бы вавилонское столпотворение, народищу бы потянулось со всего света видимо-невидимо, кто по религиозным убеждениям, кто по надежде получить на халяву

избавление от неизлечимых болезней. Вот где большевики опростоволосились в разлюбезные тридцатые, могли бы переправить святыню за океан и срубить неплохие деньжишки. С другой стороны, завези к нам из-за бугра какой-нибудь блестящий ларчик с подозрением на присутствие в нем чего-нибудь магического, зевак припрется, навалит в черных лимузинах столько мерзопакостины, что голова кругом пойдет. Вот в этом все мы, вся наша вера, вся наша дурь.

Интересно, задавался кто-либо из киевских ревнителей чистоты православной веры обыкновенным вопросом: по чьей недоброй воле продолжается разлучение мощей великомученицы Варвары с Михайловским Златоверхим собором? В принципиальном плане на этот вопрос существует два варианта полных ответов. По одному из которых нашим высоким государственным небожителям, крестно размахивающим руками под объективами телекамер, словно мельничными крыльями, глубоко наплевать на судьбу великой православной святыни. По второму ответу выражусь на сей раз исключительно тонко, предельно филигранно: кому-то во Владимирском соборе до жути страшновато оставаться один на один со своей интересной биографией. Кто-то шкурой своей насмерть прилепился к священным мощам великомученицы, как за последнюю надежду, как за последний патрон. Быть может, какая-нибудь уборщица, а может, кто-то еще.

Впрочем, не стану распространяться по этому деликатному поводу, чтобы как-нибудь ненароком не бросить тень на чье-нибудь персональное благочестие. Лучше догадайтесь сами, о ком идет речь. Учитывая невероятную сложность поставленной задачи, предлагаю форум: попробуйте определиться хотя бы с пяти тысяч раз. А скорее всего, в нашем случае работают сразу оба бессовестных фактора, до срока, конечно. Ведь не следует сбрасывать со счетов, что святая Варвара является и покровительницей артиллерии, так что сама она вроде бы как небесное орудие. Такое если громыхнет, как выражается нынешняя молодежь, мало не покажется.

Очень настораживает, что подобное легкомысленное отношение к древнейшей христианской святыне никого не волнует, и это

при наличии несметного полчища новоиспеченных богоносцев при пионерских галстуках. Трудно даже представить, чего здесь больше – глупости или невежества. Разумеется, можно не верить в Бога, это вовсе не обязательно. В конце концов, абсолютно не важно, как ты веришь в Бога, главное – верит ли Бог тебе. Но уважать историю своей страны, хранить верность памяти предков, быть залогом незыблемости почитания и местонахождения религиозных святынь обязан любой нормальный человек – правда если он в самом деле нормальный.

1959 ГОД

В пятьдесят девятом мне исполняется тринадцать лет. Это упрямое время под печальное сияние небесной лампы бороздит планету. Что и говорить, нежнейший возраст, когда кажется, что позади уже много всего, а вперед вообще не проглянуть, как в туманную ночь у окна. Где-то там, высоко в ночи, томится безмолвием Луна. Одной лишь ей известно, что мир существует сам по себе, что мы явились сюда на мгновение, ведь мы приходим и уходим, а холодный свет Луны от века и доныне висит над бездной.

Много старше, научившись созерцать любовь, я буду переноситься в пространство, где нет никаких измерений, где не на чем остановить взгляд и не на что опереть ногу. И в этом ледящем мозги ничего медленно нарождается волшебный цветок, напоминающий по очертаниям бутон тропического алоэ. В тиши прозрачного эфира ясно слышится небесный перезвон колокольчиков хрусталя, и под эту благоговейную мелодию волшебный цветок любви расправляет свои чарующие ланиты. Краски самые неземные, подернутые томной негой, струятся мне в очи и все округ наполняется благоуханием любви и Божества.

Однако прочь некстати снизошедшие сентиментальности; я приглашаю вас в Луганск, к моей школе номер два, что по улице Юного Спартака. Славное наименование, не правда ли? В переводе с совкового, суконного на язык человеческий оно означает «улица молодого гладиатора». Страна Советов являла собой настолько несуразное, прямо-таки фантазмагорическое образование, что, оказавшись в любой ее точке, было от чего прийти в замешательство.

Вот представьте, судьба привела вас в тенистую аллею по улице Юного Спартака, что в старой части города Луганска. Короткая улица, всего-то метров триста, но чего вокруг вас только не нагорожено. Детский садик, городская прокуратура, Дом-музей Владимира Даля, образовательная школа, водолечебница, епархиальное управление, жилые дома, ремесленное училище – и весь этот компот называется

почему-то Юным Спартаком, то есть еще не гладиатором, но мальчиком с хорошей перспективой. Чем руководствовались власти, положившие такое мудреное название улице, кого они имели в виду: детишек, попов, прокуроров, врачей, ремесленников?

Справедливости ради следует сказать, что сегодня улица носит имя великого моего земляка, большущего знатока русской словесности. Прокуратуры там давно уже нет, нет и епархиального управления, отчего весь колорит старой школьной улицы утратил былое многоцветие. Вы только вообразите: тут тебе зловещие «воронки», доставляющие на допросы тюремных арестантов, тут же стреляющая «чинарики» голытьба в форменных фуражках из седьмого ремесленного училища, следом важные попы в черных зашторенных «зимах», за ними, вприпрыжку, дьяконы и церковные старосты, медсестры в белых халатах, сопливые детсадовцы и мы, учащиеся школы имени Кирова, с пионерской дружиной опять-таки имени Павлика Морозова.

Вот ведь что удивительно, всю жизнь, от самого рождения, меня преследовала близость к духовенству. Началось все с того, что папа завел дружбу с жившим по соседству батюшкой, крестившим меня в младенческом возрасте. Частенько под чарочкой священник брал меня на руки и щекотал своей курчавой бородой, как бы заранее заигрывая со мною, предчувствуя наперед нашу неразрывную дружбу и крепкую, до боли в объятиях, любовь. В школе я учился рядом с епархиальным управлением, которое позже расположилось по соседству с моим домом на Красной площади. А совсем позже я и сам почти двадцать лет проработал на ниве церковного домостроительства. Фактически, большая часть моей жизни прошла в окружении людей, одетых в черные рясы.

В христианской иконографии существует прекрасный сюжет, согласно которому Спаситель изображается в окружении детворы. Он так и называется – «Христос проповедует детям». Признаться, это самое милое для меня изображение Иисуса. В нем присутствует потрясающая воображение кротость и безмятежность, воистину райского происхождения мудрость и чистота, возникающие от слияния детской непорочности с Христовой любовью. Тем удивительней

вспоминать неизменное чувство страха, с которым мы встречались с духовенством на наших улицах. От попов шарахались, как от черных кошек. То ли дети мы были какие-то не такие, то ли батюшки подгуляли на предмет сходства своего с Иисусом.

Мне за свою околицерковную жизнь довелось повстречаться, перезнакомиться с сотнями священнослужителей. Могу засвидетельствовать, что духовенство, в общем случае, делится на три четко обозначенные группы. Это батюшки городские, батюшки сельские и выездные, вояжные служители культа. Городские батюшки, тяготеющие к корыту пошире и поглубже, скажу по совести, для меня малоинтересны. Сельские священники – это в некотором роде ссыльное духовенство, неуютное высоким властям, часто и потому, что не желало стучать так громко, как хотелось бы. Их загоняли на далекие, малопривлекательные приходы, со скромным достатком, чтобы там на досуге поразмышлять на предмет, что есть истина. Фактически, эти неприметные люди пронесли на себе славу и дух православной веры сквозь жуткий двадцатый век. Среди выездных попов попадались такие перлы, что с них бы картины да эпические романы ваять. Обо всех, разумеется, не расскажешь, но вот об одном, отце Николае, могу замолвить пару словечек.

Надо знать, что сельские люди, посещающие церковные службы, разительно отличаются от городских прихожан. Городская душа отправляется в церковь из страха перед смертью, она ищет там утешения, надежды на спасение. Сельский человек меньше боится смерти, быть может от того, что постоянно наблюдает на собственном подворье жизненный круговорот. Пребывая ближе к повседневному естеству, он ходит в церковь большей частью из любви к жизни, ко Христу, видя в нем поруку и знамение щедрости природы. Господа нашего Иисуса городские и сельские люди видят и понимают по-разному.

Для горожанина иконный ряд, связанный с изображением Спасителя, рисуется как «Спас Вседержитель», «Спас в силах», «Спас ярое око», когда Христос фигурирует в качестве грозной силы, милующей и карающей людей за их добрые и худые дела. Для сельского

прихожанина Спаситель выступает преимущественно в образе маленького Иисуса, изображаемого на иконах Богородичного чина. Селяне воспринимают Христа как маленького ребенка, которого умиленно называют Боженька, и радостно молятся Ему, доверяя самые сокровенные тайны. Ребенок естественней воспринимается как залог бессмертия, ибо в нем невозможно прочесть признаки конечности и собственного бытия.

Итак, об отце Николае. Наше личное знакомство завязалось при необычайных обстоятельствах. Приехав по приглашению в одну из сельских церквей к концу богослужения, я застал в святом алтаре дерущихся на кулачках отца Николая и местного старосту, не поделивших по-доброму воскресную выручку. В наших храмах богослужения сопровождаются непрекращающейся денежной возней. Постоянно что-то шуршит, позвякивает. Этот зловещий лейтмотив пронизывает церковную жизнь сверху донизу. Итак, забавный, как вы правильно догадались, оказался священник. Позже мы славно подружились, и мне довелось немало потрудиться на его часто меняющихся приходах. В одной из доверительных бесед батюшка в сердцах поведал откровение высочайшей литературной пронзительности, перед которым меркнет гений самого Федора Михайловича.

Дело в том, что от города, в котором жил отец Николай, до его сельского прихода было не меньше двухсот верст. Режим работы священника оказался таков, что необходимый автобус отходил по расписанию крайне неудобно, буквально сразу же по окончании воскресной службы. Чаще всего батюшка даже не успевал пересчитать вырученные деньги. Он запихивал бумажные купюры, извлеченные из разных карманов, в поповский безразмерный саквояж и мигом залетал в автобус.

И вот тут-то начинались едва ли не крестные страдания. Дорога дальняя, народищу полный автобус, священнику, конечно, место полагалось, но деньги пересчитывать не было никакой возможности. Отец Николай говорил: «Пока доберешься домой, с ума можно сойти. Запущу втихаря руку в саквояж, на ощупь пробую деньги, чувствую, что нормально, но точно ведь не знаю сколько, хоть бейся головой в

стену». Вот ведь какие страстные муки приходилось терпеть нашим батюшкам. Может, не следовало об этом рассказывать, но и скрывать не смею пред Господом Богом своим.

Вне всякого сомнения, в доперестроечные времена христианство в целом, по всем конфессиям, пребывало в более крепком духовном стоянии, невзирая на жесточайшие репрессии и провокации со стороны властей. Курс на удушение религиозной жизни в стране ни от кого не скрывался. Мне приходилось встречаться в лагерях, отнюдь не пионерских, с людьми, имевшими мужество и светлую честь пострадать за веру Христову, большей частью протестантского исповедания. Это были в высшей степени порядочные ребята, несли себя они очень достойно. Прекрасно помню свои первые посещения церковных собраний у баптистов, субботников. Молитвенные дома были маленькими, не в пример нынешним хоромам. Людей всегда набито до упора, но дух веры стоял такой, что ты невольно проникался уважением к этим отчаянным людям. Разбойная политика властей по отношению к верующим, конечно, делала свое дело, в том смысле, что люди крепчали верой, действуя наперекор властям.

Сегодня все дозволено, желаешь в баптисты – милости просим, приглянулись харизматы – и туда дорога открыта, однако все без исключения христианские общины во многом утратили нечто чрезвычайно важное, животворящее церковную жизнь. Все-таки главная истина Христова постигается не в смирении, но именно в борьбе. Прежде всего, конечно, в поединке с самим собой, в советские же времена – в немалой степени и в поединке с государством.

Все сказанное в полной мере относится и к православной церкви. Кому не известно, что священников под страхом отлучения от службы принуждали подписывать унизительно грязные обязательства, фактически все они оказывались заложниками своего положения. Приходилось обладать недюжинной верой, чтобы при этом нести подлинное достоинство православного духа. Были священники – об этом тоже свидетельствую с чистой совестью, – которым и в тех людоедских условиях удавалось сохранять порядочность и благопристойность.

А вот о своей горемычной доле, о бесконечных подсматриваниях, подслушиваниях, о беспардонных наездах со стороны властей в связи с моей работой в церкви поведаю отдельно, на следующих страницах. Когда встречаешь в наших храмах узнаваемую мерзость, которая иступленно боролась с церковью, отравляла ей жизнь, а сегодня в первых рядах идет под благословение, просто начинаешь терять голову. Иначе как бесовщиной подобное преобразование не назовешь. Они лезут изо всех щелей как тараканы, прут так нагло и бесцеремонно, что нам сквозь них уже не протиснуться. Люди, которые буквально теплом своих тел отогревали, не позволяли заглохнуть церковной жизни в стране, опять никому не интересны.

Старые священники рассказывали, что большим негодяем по части издевательств над церковью был Никитка Хрущев. На поприще закрытия и уничтожения храмов, по количеству уволенного за штат духовенства он, якобы, перещеголял самого Сталина. В ряду всяких сумасбродностей Хрущев прослыл большим любителем незаслуженно присваивать звание Героя Советского Союза всевозможным заморским, большей частью экзотическим, лидерам. Ведь то было время широкой деколонизации малых стран Азии и Африки. Если поднимался вопрос о свободе какого-нибудь Манолиса Глезоса, затаившегося с берданкой под пальмой, то возмущению нашему не было предела, а уж звезду героя – отдай и не грехи. Кого только Никита Сергеевич не награждал!

По этому поводу остроумцы сочиняли забавные анекдоты. Шутники предлагали первому секретарю ЦК очередные подходящие кандидатуры на соискание почетного звания. В частности, удачно предлагалось посмертно присвоить звание героя последнему императору всея белая, малая, серая и тд. за создание революционной обстановки в России.

В этом анекдоте присутствует большая ирония, но есть и огромный здравый смысл, гораздо более убедительный, нежели нынешнее причисление все того же царя к лику святых. С точки зрения обыкновенной человеческой морали объявление Николая Романова святым так же глумливо и подло, как если бы Михалку Горбачева назвали

трижды героем развалившегося Советского Союза. А за то, что этот несостоявшийся тракторист умудрился в кратчайший срок загнать страну в долги за сотню миллиардов долларов, можно было спокойно вручить и пару орденов Победы.

Для тех, кто запомнил, рассказываю последовательно. В свое время великому князю Николаю Романову с величайшей торжественностью и клятвенными заверениями были вручены бразды правления государством Российским, весьма благополучным, очень богатым государством. Правление это, как известно, закончилось позорнейшим отречением от престола, от священных императорских обязанностей. Подобное деяние, по всем нравственным меркам, рассматривается как подлейшее предательство своего народа.

Не хочу вспоминать всех гнусностей, связанных с убиением бывшего императора и униженного бриллиантовыми побрякушками его семейства. Что тут скажешь? Каждый берет с собой в большую дорогу все самое нужное, самое важное. Например, когда чекисты брали последнего насельника Киево-Печерской лавры, на деликатное приглашение «собирайся, скотина» тот спокойно ответил: «давно собрался». Монах тотчас же покинул келью в чем лихо застало, не прихватив с собой даже запасных подштанников. Вот только за один этот поступок лаврского старца вполне можно причислить к лику святых и с благодарностью молиться ему до конца отмеренных дней. Между тем я никак не возьму в толк, в чем, собственно говоря, состоит христианский подвиг, в чем высокая духовная доблесть императора Николая Романова.

Святоотеческое предание для причисления человека к лику святых выдвигает ряд вполне определенных требований, связанных с трудами на благо процветания церкви Христовой. Является ли великим духовным откровением поступок христианина, когда он бросает на произвол судьбы свой народ, свою церковь, втянув их предварительно в бесполовую, позорно проигранную войну, стоившую миллионы жизней наших соотечественников? Это что, деяние, сопоставимое с житийным подвигом Сергея Радонежского или Серафима Саровского?

Могут возразить: дескать, да как же, ведь он был так бесчеловечно расстрелян. Хотел бы я знать что-нибудь о человеческих способах казни людей. Скажите на милость, каким образом убийство Николая отличается от расстрела моего дедушки, тут что, пули были слаще? Или от казни политзаключенных в задраенных трюмах на Белом море, по известному тургеневскому сценарию. Когда вся вина этих людей состояла лишь в том, что они имели несчастье жить и родиться в стране, управляемой царем-недоумком. А не приходит ли часом в голову, что весь этот несусветный кошмар, обрушившийся на наше отечество, является прямым следствием преступно-бездарного владычества российского императора? Говоря по совести, чучело этого, с позволения сказать, горе-святого, следовало бы водрузить где-нибудь на людном месте, чтобы было куда плюнуть в сердцах и, чтобы будущие властители российского трона, непрестанно ощущали тяжкую ношу полноты ответственности за долю Отечества.

Не разделяю щенячьего восторга по поводу благозвучных фамилий из разряда Юсуповых или Голицыных, которые, обладая огромной властью, в бесконечных интригах и гульбищах, вплоть до придворных сафари на Распутина и Столыпина, просвистали великую страну и ввергли подопечный народ в братоубийственную бойню. Не желаю знать, как тендитные графинюшки становились в Парижах черными кухарками, тем более что многие из них благополучно уперли из России приваловские миллионища и неплохо устроили личную жизнь. Поэтому никак не могу умиляться при виде их высокомерных наследников, присвоивших себе право судить и рядить наше отечество. Извиняться не мы должны перед ними, но это они обязаны принести публичное покаяние за преступно бездарное руководство страной, вместо потешной демонстрации нам крапленых картонных королей.

Однако полноте, не будем наивными, есть серьезные причины быть Николаю Романову святым. Причины тайные, тщательно скрываемые, потому что касаются они нашего достославного духовенства.

Россия, как прежде, так и теперь, остается необъятным географическим образованием, способным функционировать как единый

государственный механизм только при наличии сильной державной идеи. Когда людей разделяют десятки тысяч километров, без привлечения специальных идеологических средств никакое самопроизвольное объединение народов в принципе невозможно. Должно быть понятно, что человека, живущего на берегах Охотского моря, ну никак не касаются саратовские страдания или поздние рязанские заморозки.

В недавние советские времена глобальной консолидирующей идеей, позволявшей удерживать народы бывшей Российской империи в единстве и повиновении, была коммунистическая абракадабра. Монолитность дореволюционной России обеспечивалась двуглавым гербовым орлом, несущим символическое изображение царя и православной веры.

Государственный российский герб был принят в годы царствования Ивана III, по завершении объединения вокруг Москвы разрозненных русских земель и после окончательного избавления от монголо-татарского ига. Этот герб утверждал выдающуюся роль православной веры в деле становления Российского государства и закреплял справедливый паритет между царской властью и церковью. Стоящие за двухипостасным державным гербом, царь и церковь органично дополняли друг друга, как бы соглашаясь, что одна голова хорошо, а две – лучше. Вместе они полностью накрывали жизненное пространство миллионов подопечных людей не только на грешной земле, но и на небе, потому что открыто выступали воплощенными посланцами, наместниками Бога на грешной Земле.

Таким образом, государственная жизнь Российской империи покоилась на двоевластии. Историк Соловьев сообщает, что были два великих государя – Михаил Федорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич. За этим стояла не одна только форма. Все важные дела докладывались обоим государям и любые решения принимались обоими. Иностранные послы представлялись обоим государям одновременно, заморские челобитники подавали двойные грамоты, подносили двойные дары.

Социальная устойчивость и единство царской России той поры напрямую зависели от гармоничного, равновесного сосуществования двух идеологических доминант, заключенных в двуглавом государственном гербе. Ни царь, ни церковь не должны были претендовать на главенствующее положение в обществе – в этом заключался залог, гарантия процветания государства Российского. Надо признать, что прочный союз, закрепленный двуглавым гербовым знаком, оказался весьма плодотворным. Централизация Москвы, ее влияние по всем направлениям распространялось с нарастающей мощью.

Первую серьезную попытку по преобразованию страны сделала церковь под предводительством московского патриарха Никона. Скорее всего, перед лицом европейской реформации, вылившейся в череду раннебуржуазных революций. Никон решил действовать как бы на опережение, он не стал дожидаться, пока светское общество примется насильственно урезать широкие полномочия церкви. Проще говоря, одна из двух орлиных глав решила, что она умнее и важнее другой.

Вопрос в то далекое время заключался не в том, двумя или тремя перстами следует осенять себя верующему человеку, как полагают иные наивные историки церкви. Вопрос был поставлен предельно остро: что есть высшая, верховная власть на Земле – царь или церковь? Аргументы Никона оказались малоубедительными – ему не удалось поставить церковную иерархическую власть выше светской. В итоге он лишился патриаршего сана.

Когда настал черед Петра Великого, тот своего шанса не упустил. Царь действовал твердо и решительно, видя перед собой образец европейских стран, реформы в которых начались с широкого выступления против господства католической церкви. Петр повел преобразования фактически с наступления на православную церковь, отчаянно препятствующую распространению светского просвещения. Император прекрасно осознавал, что духовенство будет всячески саботировать любые прогрессивные нововведения, ибо они обязательно станут ущемлять привилегированное положение служителей культа, вольготно почивающих в уверенности, что Земля

имеет форму чемодана. Вот тогда-то, поддавшись давлению светской власти, уступив признанное миром равенство между церковным и царским владычеством, православное духовенство впервые и предало свой богоносный народ.

Лиха беда начало. С легкой руки Петра унижения церкви приняли необратимый характер. Чего стоила одна только Екатерина, надменно полагавшая, что истина обитает исключительно на берегах Одера и Рейна. Своей секуляризацией она довела духовенство до крайней степени нужды и невежества, отчего в народе произошло величайшее презрение к попам и нескрываемое равнодушие к собственной религии. О поповской жадности, тупости и лени наш народ сподобился наговорить столько ярких афоризмов, что из них можно составить цельную энциклопедию человеческих пороков.

Постепенно православное духовенство, приборканное светской властью, утратило излишнюю ревность по Богу и обратилось большей частью к земным своим нуждам. Пока, наконец, не вошло в состояние, которое предельно емко охарактеризовал Салтыков-Щедрин как «жеребьячье племя». Состояние, в котором наше достославное священство благополучно пребывает и поныне.

Хронология упадка православного духа в России хорошо просматривается на письменах церковной иконографии. Не надо быть великим специалистом, чтобы отметить стремительное падение качества русской иконы с начала восемнадцатого века. До восемнадцатого, любое изображение на иконе – это все равно как волшебное окно, отворенное в царствие Божие. В древнерусской иконе нас волнует и радует горний мир, строжайший покой, благорастворение прозрачных воздушных. На старинном изображении запечатлены духовные чаяния истинно верующего человека, молитвенно дерзнувшему обнаружить темперным мазком священные лики, вызвать их из небытия и представить зрителю во всей непорочной чистоте. Духовное совершенство иконописных персонажей настолько убедительно, что порой возникает иллюзия, будто не мы вовсе, но они пристально рассматривают нас, иногда с иронией, часто с укором, но неизменно с надеждой и упованием.

После петровских реформ пространство иконы заполняет земная юдоль. Она лукава, диалектична, абсолютно ненадежна, когда уже не на чем сосредоточить вопрошающий взгляд и упокоить душу.

Наши современные православные священники, наши «постники-молитвенники» с талиями в три обхвата, умеют картинно сокрушаться по поводу страшных репрессий, обрушившихся на церковь в годы становления Советской власти. Однако не худо поинтересоваться: а где же было православное духовенство до семнадцатого года? Разве церковные иерархи не ведали, в какую пропасть катится их паства? Разве не в результате духовно-нравственного окормления нашими религиозными поводарями общество пустилось во все тяжкие?

Это только так говорится, что большевики глумились над церковью. Активнейшее участие в красном терроре принимало наше славное духовенство. Вместе с чекистами попы-оборотни затевали и реализовывали преступную идею создания так называемой «Живой церкви» на пепелищах исконной православной веры. Денно и ночью строчили друг на друга доносы в погоне за высокими митрами и жирными приходами. То же самое происходило в самые недавние времена. Не понимаю, почему общество должно молчать об этом? Не надо держать нас за идиотов. Мы прекрасно осведомлены, наследниками каких славных традиций является православное духовенство, и точно знаем, что бывает когда «молодое вино заливают в старые меха».

Когда в большевистском угаре социального реванша народ крушил свои храмы, то основным побудительным мотивом неслыханного варварства было глубокое презрение граждан, нет, не к вере, а именно к духовенству. Посмотрите кадры хроники, когда всей деревней, под гармонику, обезумевшие толпы ликуют над поверженными святынями. Люди этим диким актом сводили счеты с поповской ложью, с попами, которые, проповедуя не красть, были ох как не чисты на руку, а призывая к воздержанию, заживо гибли в похотях своих.

Отнюдь не секрет, что и сегодня для большинства церковных служителей храм Божий является неким доходным местом, где на прихожанина смотрят исключительно как на личность дающую. На поповском паскудном жаргоне это называется «стричь овечку». Разделение в нашей церкви на сторону берущую и сторону дающую настолько явно и отвратительно, что именовать себя церковной общиной и язык-то не всегда поворачивается.

Правда состоит в том, что люди никогда еще не совершали таких чудовищных преступлений против собственной религиозной культуры, против светской власти в лице семьи Николая Романова. Но причинная, более высокая правда заключается в том, что церковные иерархи вкупе с венценосным императором беззастенчиво предали свой народ и обрекли его на несказанные страдания. Это предательство сделалось возможным в результате вопиющего несоответствия между правами и ответственностью, присвоенными себе царствующими особами и духовенством. А теперь, выставляя Николая Романова в образе великомученика и причисляя его к лику святых, православные иерархи, что называется, заматают следы, наводят морока. Потому что если убиенный император Николай святой, то и попы при нем – они ведь, плоть от плоти, в гербовом двуглавом исполнении.

Невеселые мысли приходят на ум, когда по киевскому телевидению демонстрируют забавного негра, азартно проповедующего слово Божие. Одного из сонма евангельских миссионеров, атакующих в последние времена наше заплутавшее отечество. Конечно, нет ничего плохого в том, что представители и далеких экзотических стран славят имя Господа нашего Иисуса. Только чудится мне, что по ночам краснеют от стыда святые мощи Киево-Печерских праведников.

Давным-давно, когда далекие дедушки этих новоиспеченных проповедников только еще учились неуклюже сползать с баобабов, на киевской святой земле высоким горением светили лампы подвижников духа. И негоже заморским ловцам человеческих душ вести себя на этой земле так, будто они явились сюда в первозданном обличье. По-хорошему, все эти заезжие ребята, если они

действительно претендуют на христианское благочестие, должны бы сразу в Борисполе, по выходе из самолета, проследовать ползком на пузе к мощам наших великих праведников. Осмотреться в трезвом уме и попытаться проникнуться уважением к тысячелетней христианской истории нашего народа.

Каюсь, грешный человек, краснею от всего происходящего вокруг и я. Краснею, когда читаю на улицах почтенного Киева заманчивые приглашения во всевозможные церковные собрания, для духовного оболванивания. Я досажую от бессилия, когда встречаю в поезде метро юное создание с раскрытой Библией в руках, ибо знаю наверняка, что радость пробуждения эта просветленная душа испытала не в моем православном храме.

Нынешнее положение дел в нашей церкви таково, что я, православный человек, должен честно признать перед всем миром: у меня нет возможности подать руку этому юному созданию и привести его в свой храм, где Божие чадо встретят умные и добрые пастыри. Встретят не корысти или своенравия ради, но только и исключительно из христианской любви к чающему духовного обновления человеку. Свидетельствую об этом с чистым сердцем пред Господом Богом моим.

Могут возразить: а что плохого в том, когда люди, и молодежь в особенности, предпочитают православной церкви, скажем так, иные конфессии? Отвечаю: плохого в этом, разумеется, нет ничего, ибо всякое прославление Царствия Божия весьма желанно и благоприятно во всех отношениях. Но вот в чем я убежден бесповоротно – полноту религиозного чувства, его высшую ипостась, славянская душа может испытать только в лоне православной церкви.

У каждого человека, кроме памяти интеллектуальной, есть еще очень цепкая наследственная память, память генетическая. В недрах этой памяти, у любого из моих соотечественников, сокрыто несметное религиозно-нравственное богатство, накопленное предшествовавшими поколениями людей. Жизнь наших предков всегда нераздельно переплеталась с церковными таинствами, с культурой

православного богослужения. Все значительные события в жизни каждого человека и, следовательно, все наиболее яркие переживания человеческих скорбей и радостей были освящены и сопровождались церковными обрядами. Сами эти обряды, их порядок и внешнее оформление за долгие годы трансформировались в лучшие этнические и нравственно-эстетические особенности нашего народа. Поэтому, когда в молитве верующего человека происходит слияние переживаемого духовного восторга с памятью прошлых поколений, возникает абсолютная гармония торжествующей души с окружающим миром. Вот почему, при всем уважении к иным христианским исповеданиям, я утверждаю, что их молитвы, даже самые высокие и искренние, не могут претендовать в славянской душе на религиозную полноту, ибо они не подкрепляются наследственной, генетической памятью человека.

Наши далекие предки за право исповедовать православие заплатили огромную цену, включая триста лет монголо-татарского ига. Поэтому понятия «родина» и «вера» в сознании наших людей существуют нераздельно. Православная церковь является носителем и хранителем колоссального патриотического пафоса. Понимание этого обстоятельства имеет первостепенное значение в наше смутное время. Сегодня, как никогда ранее, светская власть должна быть кровно заинтересована в возрождении сильной духом, нравственно чистой православной церкви. Ведь самая главная проблема независимой Украины, например, заключается не в отсутствии энергоносителей или недостаточности инвалютных вливаний. Самой жгучей болью нашей страны остается катастрофический дефицит порядочных людей, выступающих носителями духовно-нравственных ценностей.

Что можно ожидать от общества, миллионы якобы лучших граждан которого на протяжении многих лет цинично провозглашали себя «умом, честью и совестью всей эпохи», а потом в мгновение ока открестились от своих идеалов и пустились в такое воровство, что у нас, беспартийцев, не являющихся «умом, честью и совестью», до сих пор голова кругом идет.

В ряду различных легенд о нашем народе бытует наивная байка о его набожности. Ничуть не бывало, скажу я вам. Все эти бабушки в платочках, упрямо посещающие наши храмы, никогда не были, да и не могут быть носителями высокого религиозного духа. Они ходят в церковь и несут батюшкам свои последние гроши только ради обыкновенного человеческого общения с себе подобными. Ведь в наших городах и весях это порой единственное место, где они могут почувствовать себя хоть как-то комфортно. Где их никто не оттолкнет, не оскорбит, не обидит, где они просто никому не мешают. А все эти свадебные и крестильные кортежи, под брызги шампанского у церковной ограды, есть примитивный кураж и к подлинно религиозным нуждам никакого отношения не имеют.

Очень удручает то обстоятельство, что наши храмы практически не посещает молодежь и не желают знать люди среднего возраста. То есть не посещает самая активная, крепкая умом и духом часть населения. А все дело в том, что с современным человеком можно разговаривать только на равных. Наши пастыри, в своих тяжелых, боярских облачениях, никак не могут примириться с этим. Они никак не могу взять в толк, что сегодня негоже, да и незачем заставлять человека часами стоять по стойке «смирно» и творить за завесой богослужение, сопровождая его малопонятными возгласами и жестами.

Современный человек имеет огромное желание сам творить богослужение, желает сам говорить слово и обращаться непосредственно к Богу, что, кстати, широко практиковалось в ранние христианские времена. Не приняв нового человека, человека третьего тысячелетия, наша церковь обречена на деградацию. И этому нельзя помочь никакими восстановлениями прежде поруганных святынь.

Я, разумеется, не так наивен и очень далек от мысли, что наши церковные иерархи хоть на йоту поступятся своим небожителем положением во имя процветания православной веры. Однако на дворе «лето Господне – время благоприятное». К служению приступает очень много молодежи, людей способных и обязанных быть ответственными за судьбу своей церкви. Они должны хорошо уяснить для себя, что сроки бабушек в платочках канут в Лету, что грядут иные

времена, иные прихожане, – если, конечно, грядут.

Каждому здравомыслящему человеку должно быть понятно, что на нас надвигается глобальная конкуренция, в том числе и та, которая коснется сферы предоставления религиозных услуг. Что, вообще говоря, уже имеет место быть. Наша церковная иерархия при этом принимает глупейшую страусиную позу. Подобно беспечной птахе, они прячут в песок встревоженную голову, в надежде, что резвые хищники не обратят внимание на торчащую в небо жирную задницу. Заметят обязательно, сожрут со всеми потрохами. Никто и не подавится.

Иногда в сердцах говорю себе: Господи, как же хорошо, что в нашей стране есть целых три православных патриарха! Очень хорошо, ибо это означает, что у нас вовсе нет патриарха и еще сохраняется надежда на приход настоящего, всамделишного архипастыря. Очень верится, он обязательно выйдет на подворье Софии Киевской, опустится на колени перед всем миром и будет долго просить у своего народа прощения за всех предшественников своих, которые, облачившись в святые одежды, творили ложь и непотребство, чем нанесли колоссальный урон православной церкви и нравственному состоянию общества.

А народ, он добрый, он обязательно распознает и примет своего настоящего пастыря, подымет его с колен, и вместе мы примемся созидать великую Церковь Христову.

1960 ГОД

Да, отшумели, отблистали веселые годы пятидесятые, как молодое игристое вино. Потому что впереди уже выстроились в нетерпении еще более азартные, несравненные годы шестидесятые. Тут тебе и люди, и собачки наперегонки устремляются в космос, тут же экзистенциалисты, «битлы», кукуруза, а еще наши записные бунтари-поэты, так и не убедившие нас до конца: «то ли гении они, то ли нет еще».

Удивительное дело: в годы горбачевского маразма в страну хлынула безудержным потоком всякая порно и псевдо культурная муть. Такое впечатление, что где-то за вершиной Арарата было устроено огромное отхожее место, куда в течение всего двадцатого века собиралось дерьмо из-под всего сущего. Собиралось, чтобы однажды прорваться и выплеснуться на наше заплутавшее отечество, затопив его аж по самые кремлевские флагштоки.

Не так было в шестидесятые. После долгих лет изоляции в страну ворвалась интеллектуальная стихия небывалого напора. Невозможно перечислить всех поэтов, писателей, художников, композиторов, о существовании которых мы имели лишь смутное представление. И вдруг все это невообразимое богатство заполнило нашу жизнь. Запросто, идя в гости, мы брали с собой «иностранку» с прозой Альбера Камю или новый альбом Матисса, Ван Гога. Делали это не для форсу, нам не терпелось, нас переполняло желание поделиться с друзьями своим потрясением от знакомства с «Едоками картофеля». И мы до утра сокрушались по поводу отрезанного уха гениального художника. И уха было жалко, и Ван Гога, а самое главное – очень досадно, что происходит это в безнадежно далеких, недоступных для нас цивилизациях.

Могут возразить, дескать, мир был иной. Неправда, мир все тот же. Люди в стране были другие. Каждый получает то, что ищет. Красота шестидесятников оплачена кровью Второй мировой. Вспомните Галича, Окуджаву, Высоцкого. Кого из современных парней с гитарой

в руках можно поставить вровень с ними? Есть несомненная связь между войной и шестидесятниками, увы, такова дорогая цена всего положительного, что творится на нашей планете. Посмотрите, до чего лихо произрастает чертополох на земельных угодьях – и какого труда стоит человеку выпестовать полезную огородинку.

Я полагаю, именно с шестидесятого года началось мое всепоглощающее увлечение чтением книг. В нашем доме хранилась прекрасная библиотека, одна из лучших в городе. Отец всю жизнь приобретал книги, еще до повального макулатурного бума, перечитал практически всю мировую классику. Любовь к книгам передалась и нам, детям. Я читал запоем, ненасытно, круглыми сутками. И за это тоже низжайший поклон моим драгоценным родителям.

В шестидесятые я жил как библейская птаха, нимало не беспокоясь о завтрашнем дне. Годами сиживал на родительском попечении, нигде не работал, не учился. Днем отлеживался, водил дружбу с такими же оболтусами, как сам, а по ночам погружался в книжное безбрежие. Зимой ли, летом любил кружить по спящему Луганску, часто сам, иногда с товарищем. Родители без лишних истерик и упреков наблюдали мою беспечную жизнь.

Друг мой, Костя Боровков из нашего двора, тоже был большим любителем чтения книг, но и большим специалистом на всякого рода экстравагантные выдумки. Мог закупить дюжину вина и разнести в течение дня по всему городу, чтобы потом ночным гулянием кочевать от одного схрона к другому и по-детски радоваться очередной находке. Костя был врожденный интеллигент, очаровательно умен, высок, строен. Байроновский его портрет дополняли дорогие очки. Оскорблений не прощал, всегда призывал обидчиков к ответу, частенько не успевших разглядеть за элегантным пенсне взгляд твердый и непреклонный.

Обыкновенно Костюха одевал шикарный, сестрина мужа костюм с вузовским поплавком и выходил на бульвар кадрить простушек. Он выдавал себя за секретного физика или удачливого кинорежиссера, с непременно приглашением на кинопробы. Пробы проходили

на старинном бабушкином диване, под бдительным присмотром мраморных слоников. Когда Костя проводил через двор очередную кинозвезду, все соседи вываливали на балконы, дабы не упустить очередного момента падения нравов. Кое-кто втихаря завидовал не только самозваному режиссеру, но и незадачливой киноактрисе.

Помню, глубокой осенью к Косте приехала из города Саратова студентка Ира. Они познакомились летом, когда я с родителями отдыхал на побережье Черного моря, в Джубге. Мы прикупили ящик артемовского шампанского и бражничали пару дней напролет. Часа в три ночи Костя молча оделся и оставил нас вдвоем. Он явился под утро, свежий, чисто выбритый, с обескураживающей улыбкой и необъятным букетом оранжевых роз. Оказалось, что у Ирины был день рождения. До сих пор не представляю, где можно было по тем временам в Луганске, глухой ноябрьской ночью, раздобыть такие роскошные цветы.

Саратовская студентка неожиданно забеременела. Летом она приехала в Луганск и продемонстрировала свое интересное положение. Костя без лишних разговоров принял возлюбленную и женился на ней. Молодые по всем гражданским правилам скрепили печатью счастливый брак. Прямо из ЗАГСа отправились к родителям супруги для личного знакомства. Теща ненавидела зятя загодя, поддавшись всевозможным городским сплетням. Он не обманул самые смелые ее ожидания. Мой друг вручил теще в середине июля скромный букет из пластмассовых тюльпанов, в качестве подтверждения своей непутевости, и был окончательно проклят.

Такого человека, как Костя, мне не пришлось больше повстречать на своем пути. Если мы выезжали на рыбалку, он брал с собой все туалетные принадлежности. Надо было видеть, каким гоголем выходил Костюха из палатки к вечернему костру. Обязательно выбритый, надушенный, с безупречной прической, в наутюженных габардиновых брюках, в обуви, доведенной до состояния драгоценного глянца. Так было всегда, в любом лесу, у любой речки, независимо от состава компании, будь то одних только мужчин. Костя никому не позволял строить с собой отношения, что называется, по-простецки.

Дескать, мы люди простые, давайте без церемоний. Он был очень непростой человек, не терпел хамства и умел довести это до сведения окружающих.

Свою жизнь Костя оборвал жутким образом. Он вышел на балкон, облил себя бензином и закурил папиросу. Никто не вправе судить чужую жизнь, потому что она сама беспристрастно осудит всякого человека. Костя был из тех людей, которые не умеют и не желают приспособливаться. У них слишком велико значение собственного достоинства, и если подобная самооценка не находит положительной реализации, то возникает непреодолимый конфликт с окружающим миром.

Вот ведь представил вам Костю Боровкова эдаким суперменом, а может, рыцарем печального советского образа, и тут же вспомнил еще про одного моего удивительного приятеля, Женю Лицоева. Женька – это немного уменьшенная копия артиста Сергея Филиппова. Он происходил от очень добропорядочных, интеллигентных корней. В связи с очевидной нестыковкой генетических установок на советскую действительность, прожил жизнь бестолковую, но чистую и безмятежную.

Однажды судьба улыбнулась Женьке по-крупному: ему достался в наследство капитальный каменный дом, который он тут же продал за пятнадцать тысяч полновесных советских рублей. Немалая по тем временам сумма, способная круто изменить человеку жизнь. Ни за что не угадаете, как распорядился наследством мой приятель. Он приобрел в универмаге новенькое черниговское пианино, а на оставшиеся деньги закупил около пяти тысяч бутылок шампанского. Завез грузовиками все это хозяйство на подворье и складировал в собственном доме. За пару лет он, конечно, одолел с барышнями закупоренное в бутылках лето. Пустую тару аккуратно укладывал штабелями во дворе в форме египетской пирамиды и любил прохаживаться возле нее с победительной улыбкой фараона.

Я подозреваю, при этом он тешил свое самолюбие сладкими

воспоминаниями о былых кутежах. Должен признать, тут было от чего прийти в умиление. Но и это не самое главное. Когда я поинтересовался, для чего приятелю понадобилось покупать пианино (к музыке Евгений имел точно такое же отношение, как к филиппинской медицине), он и секунды не помедлив ответил: «Ты знаешь, очень приятно – зайду в дом, а оно стоит». Вот все, обезоруживающе просто и содержательно.

Хотя в действительности не все. В истории с приобретением моим товарищем пианино есть одно весьма деликатное обстоятельство. Дело в том, что когда-то, еще до рождения Евгения, в доме его бабушки регулярно звучал немецкий резной рояль «Бехштейн». Вот это проявление верности памяти своих предков, фактически на генетическом уровне, как раз и является свидетельством высокой порядочности и благородства настоящего человека.

У обоих моих товарищей, при всей внешней непохожести, было много общего. Мне никогда не приходилось быть свидетелем какой-либо лжи, исходившей из их уст. Они всегда говорили только правду, невзирая ни на какие расклады. Вот эта нравственная чистота имела буквально физическое оформление. Общаясь с ними, ты кожей ощущал благородство и красоту этих людей. Могут, конечно, напомнить мне о Костиных кинопробах, но в этой части я пребываю в мужской солидарности, что первым делом самолеты, ну а у девушек нижеяше прошу снисхождения.

Когда, бывая в гостях у сегодняшних друзей, я слышу, как за просто они говорят своим домашним в ответ на телефонный звонок: «Скажи, меня нет дома», хочется подняться и немедленно откланяться. Что и делаю порой, неизменно вызывая недоумение у гостеприимных хозяев.

Оба моих товарища очень деликатно обращались с едой, даже представить не могу, чтобы Костя или Евгений позволили себе слопать что-нибудь без разбора, от нечего делать или просто за компанию. На их столах всегда присутствовали чистые, здоровые, органично сочетающиеся, аппетитно дополняющие друг друга продукты. Это

проистекало от хорошего воспитания, передалось в генетическом коде. Они никогда не сквернословили всуе, не опускались до выяснения отношений на подзаборном жаргоне, хотя могли и умели постоять за истину.

Костину маму величали Эльвира Викторовна. Обратите внимание, девочку, родившуюся в гремучие двадцатые, когда выбор для многих сурово колебался между Клавой и Октябриной, нарекли чудесным именем Эля. Этим благородным актом сразу же был очерчен непреступный рубеж между подлинным женским достоинством и совковой быдлятиной. Костина мама удивительно красиво готовила и подавала чай, курила очень дорогие папиросы, одевала роскошные шелковые халаты, распространяя за собой по квартире тончайшие ароматы дамских духов в сочетании с легким табачным дурнопыяном. Эта женщина не могла не волновать любого мужчину загадочностью, тайной своей неприступности и очень глубоко затаившейся лукавинкой, до готовности очертя голову ринуться в самую авантюрную житейскую ситуацию, с одним лишь неизменным условием – только без подлости, только без хамства.

Должен сказать, что в моей жизни не редко встречались удивительные люди, о которых я просто не имею права забывать. Обо всех, к сожалению, в этой книге не вспомнишь, но так, на вскидку, с прелеким удовольствием поведаю о знаменитом футбольном тренере луганской «Зари», Пестове Евгении Владимировиче.

Мне в годы андроповского чертополоха пришлось устроиться на работу дежурным слесарем в плавательный бассейн «Юность», общества «Трудовые резервы». Между прочим, когда я впервые увидел ворвавшихся в душевое помещение, как стая диких мустангов, мальчиков из ПТУ, с очень убедительными половыми аргументами, стало понятно, что будущего у страны победившего социализма не существует.

Однажды на подходе к плавательному бассейну меня подозвал к себе Евгений Владимирович, на то время, руководитель всего спортивного комплекса «Трудовые резервы». Он вполне обыденно, без

всякого пафоса, сообщил, что в прошлый выходной на бассейн приходили люди из органов, которые дотошно интересовались моей персоной. В довершение, эти ретивые парни удалили дежурных сотрудников с территории бассейна и чем-то долго там занимались. Скорее всего, по мнению Евгения Владимировича, ставили прослушку.

Я, конечно же, выразил глубокое недоумение, хотя доподлинно знал, что нахожусь под постоянным наблюдением. И, естественно, принес слова искренней благодарности.

И вот представьте. Мы были очень не близкими друг для друга людьми, как это обыкновенно случается между директором и рядовым слесарем. У нас не было никаких личных отношений. Фактически Евгений Владимирович рисковал из-за меня всем своим благополучием. И не только своим, поскольку на бассейне работала доктором его прекрасная супруга. Проведай каким-либо образом чекисты о его поступке, вся жизнь семьи Пестовых покатила бы кувырком.

Что здесь можно сказать? Во-первых, поступок Евгения Владимировича – это суровый приговор для всей Советской власти. Но, во-вторых, – это указывающий перст на огромные нравственные силы нашего народа. Я бесконечно счастлив, что повстречал на своем пути такого прекрасного человека и, что у меня появилась возможность познакомить вас с его безупречно светлым образом.

Я, разумеется, рассказал вам о моих старых друзьях не без тайного умысла, так сказать, для контраста, потому что имею намерение посплетничать о нынешних временах, о сегодняшних наших соотечественниках. Лично для меня очень показательным для характеристики нравственного состояния киевского общества оказался так называемый «кассетный скандал». Много чего обнаружилось в результате этой странной кампании, разные люди нашли в ней ответы на свои собственные вопросы.

Никого не оставила равнодушным история с Гией Гонгадзе. Что тут скажешь? Гия был взрослым, весьма грамотным человеком, хорошо понимающим, в какую грязную борьбу ввязывается на избранном поприще. Хождения за правдой-маткой в те сферы, куда

занесло увлекшегося парня, – дело очень рискованное. К тому же, как любил повторять бывший президент Леонид Данилович, «по великому рахунку» сомнительное, на предмет положительных результатов. Наверное, Гия был хорошим человеком, но, как мужчина, как журналист, оказался профнепригоден, ибо проиграл свою борьбу, таковы факты. Комментировать действия властей, в силу их крайней бездарности и гнусности, для меня не представляется возможным.

Когда я впервые прочитал стенографию записей пана Мельниченко из-под светлейшего пана Кучмы, меня, например, больше всего поразило обилие ненормативной лексики в словарном запасе президента европейской страны. Не хочу прослыть ханжой, я вовсе не отношусь к людям, не умеющим крепко выразиться, но сквернословия Леонида Даниловича выглядели как-то уж очень подзаборно. Так матерятся люди крайне ничтожные, что-то абсолютно убогое читалось в этой брани. Фактически, все диалоги в кабинете президента построены на матерных словах, в самом дешевом, низменном воплощении, от которого просто вянут уши.

А теперь припомните, слышали ли вы от кого-либо в нашей шляхетной стране, включая самых надутых небожителей, будь то академиков, писателей, народных артистов, а то и просто депутатов или министров, слова возмущения по этому хамскому поводу? Оскорбился ли кто-либо из них публично? Подверг ли кто-нибудь сомнению подлинность записей с точки зрения недопустимости их отвратительной лексики? Как справедливо говорил один мой знакомый: «А лупу вам синюю, синюю». Потому что рыбак рыбака чует издали, стало быть, наш президент – и баста. А вот если бы, упаси господи, на пленке пана Мельниченко обнаружилась какая-нибудь французская или латинская речь, да еще с цитатами из Гегеля или Канта, тогда началось бы вавилонское столпотворение и наша сраная элита воистину потеряла бы голову. Это все равно как Лаврентия Берия взять да и нарядить в костюм Дюймовочки.

Если страна не желает, не умеет адекватно реагировать на паксудства, творимые в самых высоких ее присутствиях, то дела у такой страны совсем плохи – это мое единственное, личное наблюдение в

связи с трескучим кассетным скандалом. Когда бы в президентском кресле волею судеб оказался один из моих вышеупомянутых товарищей, убежден: на иных языках, иные проблемы обсуждались бы в кабинете главы государства.

А недавно в нашей стране избрали нового президента, без всяких, правда, на то усилий с моей стороны. Я никого не собираюсь агитировать, но мое отношение к выборам продиктовано никем еще не опровергнутой мудростью первого псалма Давида: «Блажен муж, ибо не идет на совет нечестивых». Кстати сказать, когда перед апостолами возникла необходимость сопричислить к избранному кругу нового брата, вместо отпавшего от служения Иуды, они не отважились заручиться собственным изъявлением, дабы не впасть в лицепрятие, то есть не устроили демократического голосования. Но доверили это дело жребию, полностью положившись на волю Божию.

Говоря по совести, мои личные симпатии пребывали на стороне Виктора Андреевича Ющенко, хотя, с некоторых пор, в несколько укороченном виде. Всем памятна грязная история с попыткой физического устранения помаранчевого кандидата в пору предвыборной кампании. В прессе широко освещалась эта мрачная затея. В частности, по ходу освидетельствования приводился и перечень продуктов, которыми потчевался кандидат в тот злополучный день. Может, я чего и запамятовал, но вот список, за который ручаюсь ответственно. Виктор Андреевич выпивал в гостях водочку, коньячок и пиво. Кушал любезный арбузы, суши, раков и сало. Вот такой, знаете ли, изысканный букет гастрономических фантазий, мягко перетекающий из английского ланча в холопский ужин, после которого любой нормальный человек, без всякого диоксина, просто обязан оказаться в реанимации.

Если бы я предложил одному из моих вышеупомянутых товарищей опрокинуть кружечку пива да закусить кусочком арбузика с салом, скорее всего, они бы меня не поняли. Когда в зарубежной светской хронике описывают дипломатические приемы, в обязательном порядке приводят обеденное меню, чтобы люди имели представление о деликатности гастрономических прихотей высоких особ.

Пытливому человеку о многом могут поведать эти привязанности.

Хорош в этом смысле бывший киевский мэр Омельченко. В одном из своих нетленных интервью, по поводу истории с отравлением кандидата в президенты, он откровенно заявил, что настоящему мужику не страшна даже серная кислота. Оставляю этот шикарный спич без комментариев.

Если внимательно познакомиться с биографиями большинства представителей нашего политического бомонда, то окажется, что почти все они выходцы из сельской глубинки. Я лично ничего не имею против селян и полностью солидарен с Сергеем Есениным, который справедливо подрифмовал: «А этот хлеб, что жрете вы, ведь мы его того – с навозом».

Но вот что настораживает. Всем известно, хороший врач – это тот, который в третьем поколении. Хорошо, когда и учитель в третьем поколении. Но ведь и парикмахер, и президент тоже желательно, чтобы в третьем поколении. Человеческая жизнь, она как долгая шахматная партия. Так не бывает, чтобы до двадцатого хода конь ходил буквой «Г», а потом неожиданно начал ходить буквой «Z». Все, что мы проживаем от самого детства, остается с нами навсегда. Если человек был однажды хозяином платного туалета, а потом все-таки сделался очень важной персоной, прежние элегантные запахи остаются при нем, несмотря на наличие самых изысканных французских духов. В этом смысле, я убежденный сторонник добрых фамильных традиций.

На свете бытует удивительно много сочиненных людьми идиотских вопросов; к таковым, например, я отношу вопрос о фантастическом возрождении немецкого государства после сокрушительного поражения во Второй мировой войне. Потому что никаких великих секретов германского чуда в действительности не было и нет, так же как и мифических успехов от реализации «плана Маршалла». Я, конечно, понимаю, что самое любимое наше занятие – это обнаружение чудес, но ларчик открывается до смешного просто.

Есть такое, давно призабытое в нашей истерзанной стране, прозаическое понятие, как «житейский уклад». Это когда человеческая жизнь строится на глубоких семейных традициях, когда из поколения в поколение передается годами складывающийся образ жизни, связанный, прежде всего, с некоторой профессиональной деятельностью.

Когда закончилась Вторая мировая война, каждый немец без суеты и спешки, не выдумывая ничего сверхъестественного, начал заниматься своими непосредственными обязанностями, вытекающими из его традиционного семейного уклада. Именно так, как рекомендовал булгаковский профессор Преображенский. Парикмахер, как это делали много веков подряд предшествующие ему поколения, взял в руки ножницы, колбасник принялся строгать поросятину, дипломат устраивать внешнюю политику страны. И жизнь государства очень быстро обрела устойчивые, рациональные формы.

Я хочу спросить: вы можете найти человека (шизофреники не в счет), который согласится лечь на операцию в больницу, в которой в результате сиреневой революции уборщицы возьмут в руки скальпели хирургов, а последние переместятся к швабрам уборщиц? Между тем в нашем разлюбленном отечестве все и всегда делается именно таким образом – проще говоря, через задницу, не исключая лечение ангины. У нас если скотовод оказывается в круговерти государственного переполоха, то вместо того, чтобы, продолжая дело своих отцов, добросовестно растить свиней и трескать арбузы с салом, не доставляя никому хлопот, мы начинаем биться в истерике по поводу своей необыкновенной европейскости, навязывая миру никого не интересующие геополитические откровения. Но самое основное, расталкивая всех локтями, пытаемся настойчиво продираться в генералы. При этом, как и полагается карикатурным генералам в гусиных перьях, играем по-крупному, скоморошничаем на весь белый свет.

А вот если доктор наук, то так и норовим оказаться в сторожах или кочегарах. В шестидесятые годы половину сторожей и кочегаров в стране Советов составляли люди с высшим образованием, причем, смею заверить, не худшего десятка. Все это и есть совковое чудо – в

противовес скучнейшей немецкой обыкновенности. Когда я вижу, прошу прощения за совсем интимную подробность, как висит мотня у многих наших несравненных депутатов, министров, в том числе и тех, кто по положению обязан служить эталоном мужской элегантности, сам порой начинаю путаться, что есть явь, а что – откровенная бесовщина.

Когда лицезреешь виртуозные коленца иных наших гигантов политического бомонда, невольно приходит на память известная миниатюра непревзойденного лицедея Аркадия Исааковича Райкина. В одном из своих гениальных номеров артист высказывал с идиотской мордой на сцену и орал во всю глотку: «Ну и дураки вы все!» Вот так и великие украинские реформаторы считают, что подавляющее большинство народа – это все больше дурачье, которому не дано знать, чего требуется человеку для полного счастья, а они, извините за нескромность, не скажу кто. Хотя по тому, как приноровились бойко размахивать руками перед святыми образами, следовало бы памятовать и вселенскую мудрость: «Глас народа – это глас Божий».

А еще доложу по дружбе, совсем доверительно, сейчас даже лошади сивеют от зависти, готовясь к выходу на арену киевского цирка. Потому что шедевры балаганного жанра, демонстрируемые на подмостках Верховной Рады, так сказать, «самостийне шапито», не имеют аналогов под вечерним сверкающим куполом. Все клоуны мира не в состоянии изобразить что-либо подобное.

Когда я слышу, как наши высокие государственные мужи бьются на вениках вокруг конституционной реформы, невольно заражаюсь дружным ржанием цирковых лошадей. Разве можно придумать занятие глупее, нежели реформирование чего-то не существующего в природе? Наши великие реформаторы никак не могут взять в толк, что плохих конституций не бывает в принципе. Просто есть страны, где конституции соблюдаются, а есть такие, как Украина, где никто даже не собирается делать вид, что государственные законы могут кому-то помешать грабить доверчивый народ.

Действующая конституция – это во все нето, что растиражировано

на бумаге печатной буквой, но именно и только то, чем руководствуется общество в реальной жизни. Только после жесточайшего менингита может зародиться в голове бредовая мысль, что в стране, устойчиво занимающей одно из первых мест в мире по коррумпированности, читай по легализованному воровству, существует какая-нибудь конституция. Когда наши депутаты размахивают перед телекамерами этой, застенчиво демонстрирующей свою невинность законодательной книжицей, невольно вспоминается недавнее прошлое, в котором почти сто лет подряд на каждом заборе писали: «Да здравствует коммунизм!». То есть вы как бы еще и не ждали, а мы уже приперлись, но жизнь людей от этого краше не становилась. Это все равно как долго малевать в подворотне какое-нибудь сладострастное словцо и с нетерпением, суча ногами, дожидаться оргазма.

Интересно пофантазировать. Вот представьте, в Украине появилась волшебная конституция с одной-единственной статьей. В ней огромными золотыми буквами выведено: «Не воруй!». И тогда, видит Бог, мы сделаемся свидетелями необыкновенного чуда. Роскошные оконные проемы здания Верховной Рады вдруг затянутся не очень ажурными, стальными решетками. Возникнут заборчики самого излюбленного дизайна, поднимутся вышки, засветят прожектора, и, словно радуга, перекинется шикарная триумфальная арка с бессмертным жигловским приветом: «Вор должен сидеть в тюрьме!». И от себя надеюсь, что рядом с этой веселой конторой появится трамвайная остановка с чудесным названием «Лукьяновская».

Слышу, ощущаю, как весь этот взбесившийся «свинтус-грандиозус» ударяет себя в державную грудь, источая благороднейший гнев. Дабы оскорбившиеся барыги и горлопаны спустили пар, оставив в покое паровозные гудки, отвечаю в очень щадящем режиме. Я ведь ничего нового не открываю, просто опираюсь на публичные выступления все тех же депутатов Верховной Рады. Это они повсеместно, брызжа слюной, утверждают, что в рядах их элитного корпуса на девяносто процентов прописалось откровенное жулье, попросту говоря, профессиональные ворюги. Но оставшиеся десять процентов состоят вовсе не из херувимов. Это те, кто способствует, покрывает,

знает, но молчит. Уголовный кодекс предусматривает за все эти «благородные» деяния полноценную ответственность. Так что, как подсчитал все тот же Глебушка Жиглов, по десятке вам, господа, на меньшее не рассчитывайте.

Говоря совсем серьезно, наша страна – это огромная, величюю в сто лет, незаживающая рана, которой просто не дают возможности затянуться, обрести здоровую ткань. Все эти бесконечные «из грязи в князи», и наоборот, есть потаенная первопричина всех наших бед. Не поняв этого, не оставив народ в покое, запретив под угрозой смертной казни само применение таких слов, как «революция» и «реформа», мы никогда не построим благополучное общество с человеческим, житейским укладом.

Следующую страницу своей робкой летописи я открою шестьдесят первым годом и, по всей видимости, начну с хрущевской денежной реформы. Деньги – это такая материя, которая позволяет порассуждать о многом, в том числе и о торговле. Торговать, как известно, можно чем угодно, даже остатками совести, даже людьми, лишь бы удачно сводился дебет с кредитом. Мне представляется целесообразным посудачить самую малость о торговле именно в данной главе, как бы забегая несколько наперед. Больно уж хочется. Речь ведь пойдет об аптечном бизнесе.

Вас никогда не смущало подозрительно большое количество аптек, расплодившихся в наших городах и весях? Украина незаметно превратилась в волшебную страну аптек, причем, судя по их фасадным оформленим, весьма и весьма преуспевающих. Сказать, что в Киеве много аптек – это значит вообще не сказать ничего. Верите ли, рядом с моим домом, на пересечении улицы Вышгородской и проспекта Правды, находится сразу пять полноценных специализированных аптек. Причем две из них расположены на первом уровне одной хрущевской пятиэтажки.

Кто-то может возликовать: какие удобства, какое изобилие, какой комфорт! Но это только в том случае, если не принимать в расчет, что всякая аптека является в некотором роде промежуточным

полустанком между здоровьем и кладбищем. От хорошей жизни аптеки никто не посещает, как-то не возникает необходимости. Так вот, если рассматривать количество аптек в нашей стране как некоторый условный коэффициент качества жизни людей, а если быть уж совсем откровенным – как коэффициент вымирания населения, то картина вырисовывается настолько устрашающая, что голодомор тридцатых покажется самодеятельной репетицией перед нынешней решительной профилактикой.

До чего же любят, как приноровились украинские горе-патриоты демонстрировать священное негодование по поводу большевистского голодомора, унесшего миллионы человеческих жизней! Хотя нынешняя «самостийная эпопея» уже обошлась населению страны едва ли дешевле, нежели душегубство, срежиссированное рябым грузинским самородком.

Эксплуатируя тему голодомора тридцатых, можно сколь угодно эффектно красоваться на телеэкранах в самом благородном гневе, ничем в действительности не рискуя, в отсутствие реальных виновников свершившихся злодеяний. С таким же успехом, если не с большим, можно бесконечно долго негодовать, клеймить позором косоглазых янычар Менглы Гереея, лютовавших на просторах Украины в пятнадцатом веке. Но вот призвать к ответу виновных, безвременно отправивших на тот свет миллионы наших сограждан именно за последние годы, при четырех живых президентах, при всем их достославном окружении, политическим оборотням не приходит на ум.

В нашей разудалой стране одной из самых великих тайн всегда была и остается статистика. Только очень приближенные, исключительно важные персоны имеют доступ к точным данным по поводу настоящего количества загубленных человеческих жизней за годы незалежности. Главное, что им удается при этом крепко спать, спокойно смотреть своим детям в очи. Дабы всему миру стало понятно, что речь в современной Украине идет прежде всего о незалежности от совести и морали, могу предложить оригинальное решение.

Вместо бесконечных реконструкций майдана Незалежности,

демонстрирующих дремучее градостроительное невежество, можно, например, возвести огромное электрическое табло и непрерывно выводить на нем кровавые цифры стремительного сокращения населения нашей страны. Родина ведь должна знать своих настоящих героев, знать, под чьим мудрым руководством без лишнего шумера идут в расход, пропускаются сквозь комфортное аптечное чистилище миллионы наших безропотных граждан. Уже и мировое сообщество единодушно признало, что народ Украины пребывает в стадии вымирания.

Слышите зловещий алтарный шепот: «Яко овча на заклание ведесе»?

СОДЕРЖАНИЕ:**СТР.**

1952 год	4
1953 год	27
1954 год	46
1955 год	66
1956 год	85
1957 год	107
1958 год	130
1959 год	149
1960 год	166